

Адхам Акбаров

ЗУЛЬФИЯ

Литературный портрет

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМЕНИ ГАФУРА ГУЛЯМА
ТАШКЕНТ — 1975**

P2
A38

Акбаров Адхам Ибрагимович

ЗУЛЬФИЯ

Литературный портрет

Редактор Казакова Л.
Художник Куликов В.
Художественный редактор Бобров А.
Технический редактор Джораева Н.
Корректор Лебедева Л.

Сдано в набор 25/IV-75 г. Подписано в печать 6/VIII-75 г.
Формат 70×90^{1/32}. Печ. л. 7,46. Усл. печ. л. 6,375. Уч.-изд. л. 7,58.
Тираж 25000. P10811. Издательство литературы и искусства имени
Гафура Гуляма. Ташкент, Навои, 30. Договор № 35-75.

Отпечатано в типографии № 1 Государственного комитета Совета
Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли на бумаге № 1. Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ № 742.
Цена в переплете № 7—50 к., в переплете № 5—41 к.

Акбаров Адхам.

Зульфия. Литературный портрет. Т..
Изд. литературы и искусства, 1975.
200 с. 1 л. портр.

Поэзия Зульфии, вся жизнь ее — взволнованная песнь во
славу советского человека-труженика, женщины, Родины.

Об этом и рассказывает автор данной книги.

А $\frac{70202-196}{352(06)-75}$ Рез.—75

© Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма, 1975 г.

...Яркие лучи весеннего ташкентского солнца заливают комнату. Они скользят по книгам — бесконечным стеллажам, тянувшимся от пола до потолка, падают на большой письменный стол.

Энергичная, подтянутая женщина, хозяйка кабинета, проводит рукой по тронутым сединой черным волосам и говорит, чуть помедлив:

— Наверное, это у каждого так: с годами начинаешь понимать, как много и в то же время как мало времени отпущено человеку. Чем больше живешь, чем больше работаешь, тем больше хочется сделать еще...

Она снова задумывается на секунду.

— Видимо, я очень счастливый человек: много видела людской доброты. А ведь светлое в жизни никогда не забывается. И с годами мне еще одно стало ясно — нужно уметь из тысяч дел и забот выбирать главное, уметь вовремя сосредоточиться, отбросить мелочную суету, понять, что главное — это то, что нужно не столько тебе, сколько другим. Ведь твоя благодарность за добро — это не только слово «спасибо», «рахмат», — это прежде всего твои поступки, дела...

Все, что она говорит, звучит твердо, опре-

деленно, это не просто слова, это итог продуманного, пережитого, прочувствованного. Видно, что эта женщина знает цену словам. Да и как же может быть иначе! Ведь она — поэт, и поэт удивительный, подлинно народный — ее стихи знают не только у нас, в Узбекистане, но и во всей нашей стране, а многие из них давно перешагнули рубежи Советского Союза.

«Светлое в жизни не забывается...»

Большое счастье выпало на долю народного поэта Узбекистана Зульфийи — ее творчество получило широчайшее общественное признание, пользуется поистине всенародной любовью.

Но не просто пришло это счастье к Зульфие. Оно было завоевано ею в неустанном творческом труде, в упорных, настойчивых исканиях.

Всей своей жизненной и поэтической судьбой Зульфийа связала себя с судьбой нового, Советского Узбекистана.

Дорог сердцу голос человеческий.
Я беру слова у всех людей,—
Капельки сливаются в ручей
И становятся судьбой народной.
Из ручья я пью и отдаю
Каждому по капле жизнь мою,
Чтобы не была земля бесплодной...

(Пер. С. Липкина)

Эти строки, открывающие книгу стихов Зульфийи «Водопад», удостоенную Государственной премии Узбекской ССР имени Хамзы, раскрывают представление поэтессы о

долге советского художника, живущего одной жизнью с миллионами соотечественников.

— Я убеждена,— говорит Зульфия,— что поэт в нашей стране не может не быть общественным деятелем. Ведь все, что он делает, все, что пишет, подчинено задаче воспитания нового человека... Я, как депутат Верховного Совета республики, редактор женского журнала «Саодат», связана с сотнями, тысячами людей. Если раньше нашей главной задачей было приобщение узбекских женщин к общественному труду, то теперь наступил новый этап. Мы стремимся поднимать их культурный уровень, несем культуру в быт, расширяем их кругозор, ставим вопросы воспитания детей, боремся с теми пережитками прошлого, которые — что греха таить! — иногда еще дают себя знать в нашей жизни. Вот видите,— улыбается Зульфия,— сколько дел у поэта...

Когда-то, еще в раннем детстве, уцепившись за выступ дувала, маленькая Зульфия любила глядеть на далекие снежные вершины.

— Что там, мама? — спрашивала она.

— Горы, девочка, — отвечала мать.

— А за ними что, мама? Там живут люди?

— Не знаю, — печально отвечала мать. —

Откуда мне знать? Туда нельзя добраться. Ты видишь, какие они неприступные и холодные, эти горы...

Но жизнь показала, что не так уж они неприступны. Спустя десятилетия Зульфия не раз пролетала над этими горами. Она побывала во многих странах Востока.

— Увиденное убедило меня в том, что есть вещи, единые для всех людей труда: стремле-

ние к прогрессу и независимости, любовь к детям, вера в них, светлые надежды на будущее,— говорит Зульфия.

И вот уже много лет она неустанно борется за мир, против империализма и неокolonизма. В Индии, Бирме, Шри Ланка хорошо известны стихи Зульфийи. Женщины Азии и Африки видят в них воплощение самых глубоких своих мечтаний и надежд.

Зульфия — лауреат премии имени Джавахарлала Неру. Постоянное бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки присудило ей в 1970 году литературную премию «Лотос». В этом — признание выдающихся литературных и общественных заслуг советской поэтессы.

«Возьмите мое сердце, люди! Я для вас пою зарю!..» — писала Зульфия в одной из своих статей.

Не всякий имеет право на такие слова.

Зульфия завоевала это право, завоевала всей жизнью своей.

В жизни этой было много светлого. Но не только радости видела Зульфия. Вместе с народом она прошла через беды и страдания войны. Вечной, незаживающей болью живет в ее сердце потеря любимого человека, первого друга и наставника — Хамида Алимджана. Много прекрасных строк посвятила Зульфия памяти Хамида. Но нет в этих стихах уныния, безысходности. Никакое горе, никакая личная трагедия не могут сломить волю человека, если он ощущает себя частицей великой силы, имя которой — народ,— вот главный смысл этих стихов.

— Знаете, я не очень верю людям, которые беспрестанно жалуются на свою судьбу,—

говорит Зульфия.— По моему, этими жалобами иной человек просто хочет оправдать перед другими собственное безволие. В сущности, это обыкновенный эгоизм и ничего более. Надо уметь извлекать из жизни радость, бороться за нее, за эту радость. Если ты живешь только для себя, если все твои мысли и чувства сосредоточены только на собственных переживаниях, то любая твоя беда может подавить тебя, разрушить как личность. К сожалению, мне приходилось встречаться с подобными случаями в жизни... И наоборот — если тебе по-настоящему дороги и близки люди, окружающие тебя, это дарит тебе всегдашнюю полноту существования, радость жизни... Вот вчера, к примеру, пришли ко мне две молодые узбекские поэтессы, совсем еще девочки. Читали свои стихи, волновались, краснели, спотыкались чуть ли не на каждой строчке. И я вдруг почувствовала, что волнуюсь вместе с ними, радуюсь каждой их удаче, переживаю за то, что еще не выходит, не получается. И — поверите? — была счастлива от этого волнения, будто это мои собственные стихи... А за два дня до этого я выступала на одном заводе. В зале было полно людей — яблоку негде упасть! — и если б вы видели, как внимательно все слушали! Когда я прочитала все стихи, которые наметила, из зала послышались голоса: «Почитайте еще! Очень просим!» И это тоже было моей радостью. Выход новой книги товарища-поэта — тоже праздник для меня... Главное, чтобы ты был окружен друзьями и чтобы ты сам был другом для людей — тогда ты будешь счастлив...

Такова жизненная позиция Зульфии. Эту

позицию она утверждает и в своем поэтическом творчестве. У нее много стихотворных книг, и все они объединены этой цельностью личности их автора.

Я перелистываю эти книги, изданные в разные годы,— от самых первых тоненьких сборников до изданий последних лет. Читаю знакомые строки и думаю об одном из вечных секретов большой, настоящей поэзии: рожденная открытым и честным сердцем, она непременно найдет отклик в сердцах других людей.

Именно такова поэзия Зульфийи. Читая ее стихи, ты чувствуешь, как волнения, радости и тревоги поэтессы становятся твоими собственными радостями и тревогами. Тебе кажется, что строки, написанные ею, вылились из твоей собственной души. И когда закрываешь последние страницы, у тебя остается ощущение, будто ты поговорил с глазу на глаз с очень дорогим для тебя человеком. Человеком, который раскрыл перед тобой все свое сердце — щедрое, доброе, доверчивое. Таким теплом, такой душевной лаской веет от этих стихов, что даже самый черствый человек на свете, наверное, не сможет остаться равнодушным к ним. И веришь, что каждый, кто прочитает их, захочет стать добрее, чище, лучше.

Зульфийа — поэтесса лирического склада. Все, о чем она пишет, окрашено глубоко личным отношением автора, задушевностью и искренностью.

Но мир лирики Зульфийи выходит далеко за пределы камерных, интимных переживаний — он, этот мир, широк и полнокровен, как ши-

рока и полнокровна жизнь каждого советского человека — гражданина и патриота.

Добрые спутницы поэтессы — «песня, мечта и любовь» — ведут ее в изумрудные просторы весенних полей, где трудятся хлопкоробы и хлебопашцы, приводят в красочный цветник, где вдохновенный садовод, «как ваятель строгий», выращивает новые сорта роз, переносят в сухие, безводные степи, покоряемые волей и упорством советских людей.

Прекрасный и светлый мир раскрывается перед читателем в стихах Зульфийи. Мир труда, радости и вдохновения. Все, о чем пишет Зульфийя, проникнуто негасимой верой в будущее, — она, эта вера, придает ее произведениям тот оптимизм мироощущения, который так свойствен лучшим образцам советской поэзии.

Стихи Зульфийи славят величие сердец современников, сорвавших оковы рабства и угнетения, впервые в истории человечества построивших общество, на знамени которого золотыми буквами написаны самые дорогие для каждого из нас слова: Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

Творчество Зульфийи — это взволновавшая лирическая песнь во славу нового советского человека, во славу народа, одарившего ее счастьем жить и трудиться в свободной и прекрасной Советской стране.

«Ясная, чистая, гордая и добрая душа нашего народа — словно открытая книга, и хочется читать ее неустанно, снова и снова перелистывая ее страницы», — говорила Зуль-

фия, выступая на Втором съезде женщин Узбекистана в 1961 году.

Человек высокой требовательности к себе, Зульфия всегда ощущает свой кровный долг перед народом — долг гражданский и долг творческий: эти понятия неразделимы для нее.

Я — дочь народа, мастера большого,
Что трудится, поэзией дыша.
Сумею ли ему сказать я слово,
Сияющее, как его душа?

(Пер. С. Липкина)

Так пишет Зульфия.

И этой негасимой жаждой — сказать слово, нужное народу, слово вдохновенное и правдивое, такое же прекрасное и сияющее, как душа народа, — этой жаждой пронизано все творчество Зульфии, вся ее жизнь.

Для того, чтобы понять, как одна из тысяч дочерей Узбекистана стала его гордостью, пришла к всенародному признанию и славе, нужно вдуматься в ее судьбу, заново пройти вместе с ней путь ее духовного развития, творческих исканий, путь ее формирования как гражданина и поэта.

2

В литературу приходят по-разному.

Мы знаем много прозаиков и поэтов, писательский труд которых был подготовлен обширным запасом впечатлений, полученных ими прежде, — тех впечатлений, которые мы называем обычно «жизненным багажом».

Эти люди, входя в литературу, принесли в нее свой опыт, свои, уже сформировавшиеся, представления о жизни, свой взгляд на мир.

Бывает и по-другому. Иные молодые литераторы (чаще всего это бывают именно поэты), одаренные природными способностями, но не успевшие еще разобраться во всем многообразии и сложности жизни, спешат удивить читателя своим умением писать. Порой их произведения приносят авторам даже некоторый успех, но обычно успех этот бывает кратковременным. Читатель ждет от литературы неизмеримо большего, чем эффектной игры образами, он хочет находить в книгах отклик на свои мысли и чувства, хочет с помощью художника еще глубже и полнее познавать мир, который его окружает. Вот почему произведения, далекие от жизни, какими бы талантливыми с точки зрения формы они ни были, быстро забываются.

Но есть и третий путь: именно тот, которым шла в большую советскую литературу Зулфия. Этот путь характерен и для многих других выдающихся наших литераторов.

Она начала писать стихи в пятнадцать лет. А в семнадцать уже увидела изданной первую книгу своих стихов. В этой книге не было формальных ухищрений, не было ничего, что могло бы поразить читателя. Мастерство поэтессы было очень невысоким. Да и знание жизни семнадцатилетней узбекской девушки было еще довольно ограниченным.

И все же... все же книга не могла не тронуть всякого, кто читал ее. Это была предельно искренняя, по-юному наивная попытка отразить в стихе то, чем полнилась душа уз-

бекской комсомолки, восторженно встречавшей великие преобразования, которые происходили в Советском Узбекистане.

Спустя семь лет вышла из печати вторая книга Зульфийи. Семь лет — срок немалый. За это время мир интересов и знаний молодой поэтессы расширился, взгляд ее стал зорче, она стала лучше разбираться в жизни, в характерах людей, в их психологии,— и все это нашло свое отражение в книге.

А что было дальше?

Дальше — новые размышления о жизни, все более глубокое изучение ее, поиски своего места в поэзии, поиски своего творческого почерка... И новые книги.

Своеобразие пути, которым шла в литературу Зульфийа, состоит в том, что творческое формирование поэтессы было непосредственно связано с ее формированием как личности, с накоплением ею жизненных богатств, с ее гражданским ростом.

«Светлое в жизни не забывается...»

Да, народный поэт Узбекистана Зульфийа свято хранит память о тех, кто вывел ее на дорогу творчества, кто учил ее честности и принципиальности во всем — в большом и малом, кто еще в юные годы посеял и взрастил в ее душе щедрые зерна добра и света.

Совсем маленькой девочкой была Зульфийа, когда она впервые услышала имя Ленина. С тех пор все самое важное, самое радостное в жизни связано для нее с этим именем.

Она помнит: вот алый флаг трепещет над входом в женский клуб — это Ленин.

Приехал родственник из Джизака, рассказывает ее отцу о том, что Советская власть выделила ему, бедняку, участок земли,— это тоже дело Ленина.

На площади — митинг, там звучат горячие, страстные речи, выступают женщины и мужчины, и вот уже в огонь летит не одна сброшенная паранджа,— и это тоже Ленин.

«Давнее, детское ощущение осталось у меня навсегда: Ленин причастен ко всему, что на земле называется счастьем, свободой, светом,— писала Зульфия в одной из своих статей.— Я знаю, пройдут еще сотни лет, а люди на земле будут всегда соединять с именем Ленина мечты о счастье человечества, о радости, о свете».

С этими словами поэтессы перекликается по мысли одно из самых известных ее стихотворений — «Свет». Оно тоже подсказано ей памятью детства, первыми рассказами матери о великом человеке, который мечтал о том, «чтобы вся земля была согрета, чтобы день для всех людей вставал». О человеке, который прошел через царские тюрьмы и ссылки и вывел людей на последний, решительный бой с самодержавием. В своем стихотворении Зульфия славит пламенный свет, зажженный Лениным и созданной им партией коммунистов в сердцах миллионов тружеников земли. Это — свет революции, свет свободы и счастья.

Он — в моей мечте, в моей работе,
В сердце я храню его завет,
Пусть в стихе, что вы сейчас прочтете,
Лениным зажженный вспыхнет свет!

(Пер. С. Липкина)

Факел революции и свободы, зажженный Лениным, озарил ярким светом всю жизнь Узбекистана, еще вчера бывшего одной из самых отсталых колоний царской России. Великий Октябрь пробудил могучие силы народной души, разрушил оковы гнета и рабства. Люди стали по-новому трудиться, думать, дышать.

«Светлое в жизни не забывается...»

Зульфия вспоминает дом, в котором она родилась и росла, вспоминает своих родителей — скромных и честных узбекских тружеников, с младенчества воспитавших в ней любовь к людям, уважение ко всему, что сделано человеческими руками.

Детство ее прошло в Ташкенте, на улице Укчи. В семье ее все мужчины были потомственными литейщиками.

Деда Зульфии, Муслима-дегреза, до революции хорошо знали и в Ташкенте, и за его пределами. Мало кто мог соперничать с ним в изготовлении плугов, омачей и других сельскохозяйственных орудий.

У Муслима-дегреза было семь сыновей. И всех их он обучил своему любимому делу, все они с юности помогали ему, все стали мастерами литья.

Пятеро сыновей, и в том числе Исраил Муслимов, отец Зульфии, остались жить вместе, в отцовском доме. Они добавили к нему новые пристройки, женились, обзавелись детьми.

Зульфия помнит огромную, шумную семью со множеством детей. Помнит, что семья жила дружно — все помогали друг другу. Помнит большой сад, за которым бережно ухаживал ее отец вместе со своими братьями. Помнит

страсть отца — несметное количество перепелок, которые своим пением заполняли дом и сад, доставляя особенную радость ребятишкам.

Семеро детей было у Исраила Муслимова. Зульфия была младшей дочерью — любимицей отца и матери. Старшие братья ее, подрастая, постепенно осваивали наследственную профессию — все они стали литейщиками.

Большая литейная печь стояла возле дома на улице Укчи. Два раза в месяц мужчины варили сталь, заливали формы расплавленным металлом.

Это были поистине праздничные дни в семье. К каждому из них готовились как к большому событию.

Зульфия помнит эти дни.

... Женщины озабоченно хлопочут во дворе у огня, в казанах варится что-то особенно вкусное, пытит огромный, начищенный до блеска самовар, на земле расстилаются лучшие ковры из тех, что есть в доме. А те, в честь кого это все готовится, деловито и слаженно орудуют у литейной печи, разливают в формы искрящуюся сталь. И среди них — отец, худощавый, загорелый, собранный; багряные отсветы играют у него на лице, и маленькой Зульфие кажется, что в этот момент он похож на сказочного батыра. Восхищенными глазами смотрит она на работу отца. Ей тоже хочется чем-нибудь помочь ему, но она еще слишком мала, и отец запрещает ей подходить близко. «Папа, отлей мне куклу», — просит она. Строгое, сосредоточенное лицо отца озаряется на секунду ласковой, доброй улыбкой...

Пройдут годы, десятилетия, но в памяти Зульфии навсегда сохранится эта отцовская улыбка, освещенная багряными отблесками льющегося металла.

— От отца я получила, пожалуй, первые уроки мастерства,— говорит Зульфия.— Работу свою он любил больше всего на свете. И отдавался ей весь, без остатка, не мог без нее жить. Помню, уже в тридцатые годы, когда отец был на пенсии, я как-то, придя домой, увидела его лежащим в постели. Оказывается, он в этот день был в цеху на заводе и сильно ожегся брызгами стали. Я склонилась над ним — грудь отца была буквально испещрена металлической крошкой, вошедшей в кожу. Он попросил меня вытащить эти кусочки металла. «Не бойся, дочка, мне будет совсем не больно»,— ласково говорил он. Но я все же не решилась и отвезла его в больницу. Там врачи пинцетом долго удаляли крошку... Сам того не подозревая, отец своим живым примером, своей влюбленностью в работу, своим, если хотите, а з а р т о м труда учил меня, как нужно относиться к своему делу...

Исраил Муслимов был человеком передовых взглядов. И всех своих детей он с малых лет стремился воспитать честными, трудолюбивыми, учил их защищать несправедливо обиженных, жить интересами народа. Вот почему и он, и его старшие сыновья с радостью встретили Великий Октябрь. Вот почему братья Зульфии стали отважными борцами за новую жизнь, комсомольскими активистами.

С благодарной нежностью говорит Зульфия о своих братьях.

— Старший из них, Исмаил, был одним из

первых комсомольцев Узбекистана, позже он окончил в Москве Коммунистический университет народов Востока, занимал в республике ответственные партийные должности.

Второй брат, Кадыр, был боевым вожаком комсомольцев Каттакургана — города, известного своими революционными традициями. Кадыр Исраилов и поныне живет в старом отцовском доме, на улице Укчи. Всю свою трудовую жизнь, до ухода на пенсию, он проработал в литейном цехе.

Третий брат Зульфийи, Нармат Исраилов, стал крупным партийным и государственным деятелем — в 30-е годы он был первым секретарем Хорезмского обкома партии, депутатом Верховного Совета республики.

— Очень многим в жизни я обязана своим братьям, — говорит Зульфийя. — Они были для меня старшими товарищами, заветными друзьями, с которыми я делилась самыми сокровенными мыслями. Помню, с какой радостью Нармат показывал всем мои первые стихи. Он очень верил в меня, радовался моим первым маленьким успехам, и это придавало мне сил, убеждало, что я выбрала правильный путь...

«Светлое в жизни не забывается...»

Среди самых теплых и светлых воспоминаний детства для Зульфийи — воспоминания о матери.

Хадича-апа была стройной, красивой женщиной, человеком незаурядного ума и одаренности. Жизнь ее была нелегка, как и жизнь каждой женщины старого Востока, и все же рабской забитости не было в характере матери. Дети знали, что она — сильный

и твердый человек. Она никогда не кричала на них, не наказывала малышей, — стоило ей лишь взглянуть на сына или дочь, — и ребячье упрямство отступало перед этим взглядом.

А какой нежной, поэтичной была ее душа, как любила она все прекрасное — природу, цветы, стихи!

— Зимой вся наша семья усаживалась вечером у сандала, и мама читала нам стихи, — рассказывает Зульфия. — Сколько их она знала на память! И с какой музыкальностью, с каким волнением читала! От нее я впервые услышала стихи Навои, Бедиля, Физули. Благодаря матери я помню многие их строки с тех пор, как помню себя. Особенно любила мама поэму Физули «Лейли и Меджнун». Любовь эта по наследству перешла и ко мне... У мамы было много забот по дому — не так-то просто накормить и содержать в опрятности огромное семейство, — и все же каждую свободную минуту она возилась в саду. Ухаживала за цветами, учила нас поливать их, беречь. Зимой под старым котлом, край которого был отколот, она умудрялась выращивать усьму. Вообще у нее были золотые руки. Мне в детстве казалось, что моя мама умеет все на свете! Помню, она выкормила шелковичных червей, получила шелковые нити, сама покрасила их в разные цвета и вышила сюзане удивительной красоты. На нем было изображено восходящее солнце в ярком зареве рассвета. Когда я выходила замуж за Хамида Алимджана, мама подарила мне это сюзане как приданое. Увидев его, Хамид восторженно сказал, что это сюзане наполнило

нашу комнату каким-то особенным светом и теплом...

Щедро одаренная от природы, Хадича-апа испытала в свои молодые годы всю тяжесть судьбы бесправной женщины Востока. Ее способности не могли раскрыться в условиях, когда женщина вообще не считалась за человека.

«Она была птицей с подрезанными крыльями,— сейчас я хорошо понимаю это,— писала о матери в своей автобиографии Зульфия.— Кто погиб в ней? Поэт? Ученый? Не знаю. Но я уверена, что любовь к слову, творящему чудеса, раскрывающему мир, ведущему человека к прекрасному, заронила мне в сердце мать — простая женщина, никогда не выходящая за порог своего дома.

Она была такой же, как миллионы узбечек, спрятанных за толстыми стенами дувалов в тесных ичкари — женской половине дома, насильственно отторгнутая от мира бесправная затворница, лишенная всех человеческих прав».

Зульфия родилась в 1915 году, накануне революции. Ей не пришлось самой познать всей горечи и несправедливости, которые испытывали на себе узбекские женщины в недавнем прошлом. Воспитанная уже в советские годы, она лишь по рассказам матери и старших знала о тех «кругах ада» (так пишет сама Зульфия), которые проходили женщины Востока до революции.

Скорбью и печалью были окрашены эти рассказы. Рассказы о полном бесправии женщин до Октября, бесправии «узаконенном», освященном шариатом.

«Горькая судьба была бы уготована мне, если б я не росла в годы Советской власти,— пишет Зульфия в одной из своих статей.— Как хорошо представляю я себе эту судьбу: паранджа в 12 лет, замужество — в 15 и старость к 30-ти годам...»

Да, именно так и складывалась жизнь узбекской женщины в прежние времена. С ней обращались как с вещью, предметом домашнего обихода. Ее можно было продать и купить за калым, ее наглухо запирали в ичкари, лишая всякой связи с внешним миром, лицо ее скрывали за чачваном и паранджой. Рождение девочки в семье воспринималось как несчастье, как «кара Аллаха». Бытовала оскорбительная, горестная поговорка: «Чем родить тебя, лучше родить камень — он пригодился бы для постройки дома». Такими словами встречали появление на свет девочки.

Совсем юной, почти ребенком, выдавали женщину замуж — порой за старика, который по возрасту годился ей в деды и прадеды. Сопротивляться она не могла, за это ее ждала бы жестокая расправа.

Особенно оскорбляло достоинство женщины многоженство — один из древних обычаев феодального Востока. Нередко «младшая» жена кончала свою жизнь самоубийством, не выдержав издевательств мужа и его «старших» жен.

Сами похороны женщины были последней ступенью унижения, которое было уготовано ей судьбою,— могила женщины не могла находиться на одном уровне с могилой мужчины.

Больно жгли сердце юной Зульфии эти

рассказы. Впрочем, она узнавала обо всем этом не только из рассказов — в первые годы Советской власти бесчеловечные обычаи предков не были еще искоренены, на каждом шагу встречала девочка проявления былых нравов. Враги новой жизни отчаянно сопротивлялись, кровавой мстостью платили женщинам, отвергшим унижительные порядки прошлого. Газеты 20-х годов сообщали о новых и новых преступлениях недругов социализма.

«Путь, закапанный кровью» — так называлась одна из многочисленных статей на эту тему, напечатанная в «Правде Востока». «Густо закапан кровью путь к свету женщины Средней Азии, — писалось в статье. — На пути этом пала не одна, пала за то, что не в силах была больше смотреть на солнце только через сетку чачвана.

Погибших — длинная вереница. И список их еще увеличивается...»

В статье рассказывалось о гибели двадцатилетней Биби-Иргаш, сбросившей паранджу и тем вызвавшей ненависть мужа.

Это лишь один пример. А сколько еще можно их привести!

Достаточно вспомнить хотя бы такой трагический факт: в ташкентском медресе Кукельдаш ревнители мусульманских законов сбрасывали с высоты третьего этажа зашитых в парусиновые мешки женщин, снявших с себя паранджу...

Вторая половина 20-х годов вошла в историю Узбекистана как пора «Худжума» — освобождения, наступления. Это было время, когда произошел поистине революционный переворот в сознании народа, — пере́ворот,

положивший начало созданию новой семьи, соответствующей новому социальному строю.

Необычайно возросла в эти годы активность женщин. В дни празднования 8 Марта и 1 Мая на конференциях, съездах, собраниях, во время многочисленных митингов на площадях узбечки сбрасывали ненавистную паранджу в пылающие костры.

Освободительный порыв охватывал все более и более широкие слои женщин. Они тянулись к знаниям, к свету, бросали вызов всему косному и враждебному, что унижало их человеческое достоинство.

Уже в 1925 году 118 узбечек поступили в высшие учебные заведения. При сегодняшнем размахе женского образования в Узбекистане эта цифра кажется ничтожной, но тогда это была целая революция в сознании узбекской молодежи.

Начало «Худжума» — время, когда Зульфия еще учится в начальной школе. Она помнит своих первых учительниц — совсем молоденьких узбекских девушек-комсомолок. Эти девушки первыми откликнулись на призыв партии — сделать молодежь Узбекистана грамотной. И не только молодежь — вместе с детьми садились за школьные парты и люди немолодые, жадно стремящиеся к знаниям.

Первые узбекские педагоги учили не только грамоте — одновременно с этим они растолковывали и новые советские законы, рассказывали о том, что принесла Советская власть в города и кишлаки. Работа их была небезопасной — для нее нужно было немалое мужество. Особенно это касалось учительниц.

женщин, жизнь которых всегда находилась под угрозой со стороны приверженцев старых порядков.

Восхищенно смотрела юная Зульфия на своих учительниц. Все ей нравилось в них — их открытые, волевые лица, их настойчивость и упорство, их желание во что бы то ни стало добиться своего — победить, сломать жестокие нравы прошлого, вместе с мужчинами бороться за новую жизнь.

Пример этих девушек вдохновлял Зульфию. Глядя на них, восторгаясь ими, она тоже решила стать учительницей.

И вот уже она — студентка педагогического училища на Себзаре. Зульфия поступает в него в 1928 году.

Училище было женским. Нынешней молодежи, девушкам сегодняшнего Узбекистана это может показаться странным: почему такое разделение? Женское педучилище?.. Но в годы, когда училась Зульфия, открывались не только специальные училища для женщин, но были и женские магазины, клубы, красные уголки. В своей автобиографии Зульфия объясняет причину этого: «Привыкшую к затворничеству узбечку невозможно было сразу же втянуть в широкий круг общественной жизни. Сначала ее из ичкари звали в общество ес-товарок. Это тоже была школа: школа общения, защиты своих прав, самостоятельности...»

Итак, дорога в жизнь казалась Зудьфие совершенно ясной — она хотела стать педагогом, чтобы нести знания своим сестрам-узбечкам, своим призывом и примером вовлекать их в строительство нового, социалистического Узбекистана.

В 1928 году Зульфия Исраилова вступает в комсомол. Отец и старшие братья горячо поддерживают девушку; день, когда она стала комсомолкой, был торжественно отмечен в семье.

Теперь все свободное время Зульфия отдает общественной работе — участвует в горячих комсомольских диспутах, выступает на собраниях, призывает своих подруг — юных узбечек — активнее бороться с пережитками прошлого.

Но именно в эти годы — годы учебы — всеми чувствами и мыслями Зульфии овладевает новая страсть — страсть к литературе.

Трепетная любовь к «слову, творящему чудеса», унаследованная от матери, жила в ее сердце с детства. Но теперь, став старше и серьезней, Зульфия обращалась к книгам как к неисчерпаемым кладям мудрости и знаний. Особенно сильно действовали на нее произведения поэзии. Они наполняли душу Зульфии каким-то новым, особым, непонятным для нее самой волнением.

С благодарностью вспоминает сегодня Зульфия своих первых литературных учителей.

В училище на Себзаре литературу преподавал Хаким Хамиди. Увлеченно раскрывал он перед своими ученицами глубину и возвышенную прелесть великих творений прошлого. Х. Хамиди здравствует и поныне — работает в Госпединституте имени Низами.

Литературными кружками в училище руководили поэты Ташпулат Саади и Шукур Сагдулла. Они стремились приобщить молодежь к новой революционной литературе Узбекистана. Благодаря им Зульфия познакомилась со

многими произведениями Хамзы Хаким-заде Ниязи. Т. Саади и Ш. Сагдулла не раз приглашали на занятия литературных кружков молодых талантливых поэтов Хамида Алимджана, Гафура Гуляма, Уйгуна и других. Творчество этих поэтов было особенно близко и понятно Зульфие.

Х. Алимджан, Г. Гулям, Уйгун, Айбек, К. Яшен и их сверстники пришли в литературу в 20-х годах. Им не пришлось проходить школу мучительных идейных исканий, свойственных многим писателям старшего поколения — таким, например, как Абдулла Кадыри. Время, когда складывалось их мировоззрение, было временем победоносного шествия идей Октября. Миллионы вчерашних бедняков, простых тружеников, были подняты Великим Октябрем к творческой, революционной деятельности. Невиданный духовный подъем принес замечательные плоды во всех областях — и в том числе в области культуры.

Хамид Алимджан, Гафур Гулям и другие представители их поколения подхватили знамя революционной узбекской литературы, выпавшее из рук ее основоположника — Хамзы Хаким-заде, злодейски убитого врагами в 1929 году. Символично то, что первый сборник стихов Х. Алимджана был выпущен в год смерти Хамзы. Примерно в это же время вышли из печати первые книги Г. Гуляма, К. Яшена, Уйгуна. Молодые писатели давали клятву своему великому учителю и наставнику до конца своих дней верно служить славному делу революции, делу коммунизма, за которое отдал свою жизнь Хамза.

И они выполнили эту клятву. Своим ярким,

вдохновенным творчеством они вписали золотые страницы в книгу узбекской социалистической культуры.

Хамиду Алимджану и Гафуру Гуляму принадлежит неопределимая заслуга в обновлении традиционного узбекского стиха.

В дореволюционной узбекской поэзии господствовал стихотворный размер «аруз» — чрезвычайно сложный, подчиненный неподвижным, застывшим поэтическим формам. Первым, кто в узбекской поэзии отказался от пышных, витиеватых форм староклассического стиха, был Хамза Хаким-заде. Он стремился к тому, чтобы песни его были понятны и доступны каждому человеку, и прежде всего — людям труда, дехканам и рабочим. Он хотел, чтобы в его поэтических строках звучала живая, сочная и полнокровная народная речь. Поэтому он обратился не к «арузу», а к «бармаку» — размеру народных сказаний и поэм.

Хамид Алимджан, Гафур Гулям и их товарищи продолжили дело Хамзы. Важнейшую роль в их творческом развитии сыграло знакомство с поэзией Маяковского, учеба у него. Как отмечает Зульфия, это была поистине «революция формы» в узбекской советской поэзии.

«Отказ от аруза — это была гигантская ломка, и она, очевидно, диктовалась требованиями огромной новизны жизни, всей великой ломкой социальной, — говорит Зульфия. — Исторически она была неотделима от всей нашей культурной революции, от прихода в поэзию новой социалистической тематики, от всей громадной агитационной работы, в которой участвовал тогда, и активно, любой литератор,

и, наконец, от учебы у прогрессивной мировой поэзии, в первую очередь — русской, советской. Участие в этой поэтической революции и объединило таких очень разных и по творческим индивидуальностям и по манере письма мастеров, как, скажем, Гафур Гулям, Айбек, Хамид Алимджан, Уйгун, Миртемир...»

С огромным душевным волнением слушала юная Зульфия на литературных вечерах выступления талантливых узбекских поэтов. Образные, темпераментные их стихи западали ей в память, Зульфия находила в них отклик на собственные думы и настроения. Беседуя со студентками педучилища, Хамид Алимджан говорил о больших задачах, которые стоят перед узбекской советской поэзией, рекомендовал девушкам больше читать произведения современной литературы.

«Я читала запоем,— вспоминает Зульфия,— и вскоре стала ловить себя на том, что думаю не привычными простыми фразами, а стихами... Я вспоминала, где я прочитала звучавшие во мне строки, и не могла вспомнить. Я не могла поверить вначале, что стихи сочиняю сама. Это было удивительно, и даже немного страшно...»

Зульфие с детских лет казалось, что поэзия — это необыкновенный дар, что умением слагать стихи наделяет человека сама природа. И вдруг — она тоже сочиняет стихи!

Больше всего на свете Зульфия боялась, что кто-нибудь из подруг узнает об этом ее увлечении. Что тогда будет? Ее просто-напросто засмеют,— думала она.

Но строчки стихов преследовали ее, она записывала их ночью, таясь от всех, никому не

показывая. Их становилось все больше и больше, этих строчек, и вот уже они стали складываться в целые стихотворения!

Думала ли пятнадцатилетняя студентка Зульфия Исраилова, в безмолвной тишине ночи склонявшаяся над первыми своими бесхитростными стихотворными опытами, что через некоторое время она станет одним из крупнейших поэтов Узбекистана, что стихи ее будут переводиться на другие языки?

Конечно, не думала. И не честолюбие, не страсть «скорее напечататься», которая обуревает часто молодых поэтов, усаживали ее за письменный стол.

Нет, каждая ее строка рождалась как искренний порыв души, как желание высказать самое заветное, чем наполнилось ее сердце.

Ей никто не «подсказывал» тем и сюжетов — она хорошо знала, о чем будет писать.

В ее памяти всплывали рассказы узбечек о прошлом, перед ее глазами возникали образы ее сверстниц-комсомолок, отвергших ненавистные обычаи былого, а в мечтах ей рисовались черты миллионов новых женщин Востока, наравне с мужчинами преобразующих жизнь. Все это и было для нее живым источником вдохновения. В руках у нее были «карандаш и белая бумага — светлое оружие мечты», и она упорно, настойчиво овладевала этим «оружием».

Что же касается желанья «печататься», то поначалу Зульфия вовсе и не думала об этом. Человек необычайной скромности, она с юных лет была предельно требовательной к себе.

Немало ночей просидела Зульфия над пер-

выми своими стихами, немало сожгла черновиков, прежде чем робко отважилась показать свои опыты на одном из занятий литературного кружка. Ташпулат Саади и Шукур Сагдулла поддержали девушку, помогли ей понять, в чем достоинство, а в чем слабость ее стихов. Зульфия заново переработала их, и руководители кружка единодушно похвалили начинающую поэтессу. А вскоре по их рекомендации комсомольская газета «Еш ленинчи» опубликовала на своей полосе стихотворение Зульфии Исраиловой «Молодое племя».

Так в 1930 году было напечатано первое произведение Зульфии.

Вслед за ним в газетах «Еш ленинчи», «Кизил Узбекистон» и в журнале «Янги йул» появились и другие стихотворения комсомолки Зульфии Исраиловой. Их заметили, новая поэтесса привлекла к себе внимание, особенно среди молодых читателей.

Один из одобрительных отзывов, полученных ею тогда, Зульфия запомнила на всю жизнь.

— Как-то на улице, около кинотеатра «Молодая гвардия», я встретила Хамида Алимджана, — рассказывает Зульфия. — Мы с ним в это время еще были очень мало знакомы, встречались лишь на литературных вечерах. Алимджан, как мне показалось, обрадовался этой встрече, мы долго разговаривали. За день до этого в газете было напечатано мое стихотворение «Студентка». Он похвалил стихотворение, сказал, что ему нравится его реалистичность, образность... В тот вечер я долго не могла уснуть. Похвала Хамида Алимджана, в то время уже известного поэта, взволнова-

ла меня. Я лежала под цветущей вишней — это было весной — и в тот вечер написала лирическое стихотворение «Когда зацвела вишня...»

На первые стихи Зульфийи обратила свое внимание и критика. В 1931 году, когда в редакции газеты «Кизил Узбекистон» обсуждались новые произведения поэзии, выступавшие отметили появление нового поэтического имени. В стихах Зульфийи всех особенно радовал их оптимизм, светлое, праздничное мироощущение. Стихи эти противопоставлялись произведениям некоторых поэтов, в которых преобладали мотивы уныния и печали.

Несколько стихотворений Зульфийи было опубликовано в изданном в 1932 году поэтическом альманахе «Третье поколение». Вскоре появилась статья литературоведа профессора А. Саади «О первых творческих шагах молодого социалистического поколения». Автор статьи обращает внимание читателей на стихи Зульфийи, пишет «о стремительном и волнующем росте молодой поэтессы».

Теплый прием, который получили ее первые стихи, и похвалы столь уважаемых людей, конечно же, были приятны Зульфие. Однако она рано научилась относиться к своей работе трезво и критически.

«Человек, написавший и даже напечатавший стихи,— еще не поэт,— говорит Зульфийа в своей автобиографии.— Я тогда еще не знала этого. Я писала очень много... Я продолжала учиться и вскоре смогла понять, что часто пишу неоригинально, повторяю известные литературные образы, пользуюсь уже найденными другими поэтами словами. Вот почему

первый мой сборничек (я назвала его опрометчиво «Страницы жизни», хотя мне в ту пору исполнилось всего 18 лет) был очень тоненьким: я собрала в него самое лучшее, безжалостно отбросив кипы исписанной бумаги. Редактор был еще строже, и это, конечно, не могло не отразиться на толщине книжки».

3

В первой книге Зульфийи «Страницы жизни», изданной в 1932 году, было всего 26 страниц, она включала в себя 19 стихотворений поэтессы.

О чем рассказывали стихи книги?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно привести хотя бы названия некоторых из них: «Я — рабочая девушка», «Хлопок», «Пионер», «Свободная женщина», «Красный караван»...

Юная поэтесса говорила о том новом, что пришло за годы Советской власти в жизнь узбекского народа. Говорила просто, искренне, она славил революцию, всем своим молодым сердцем пела гимн освобожденной узбекской женщине — пела как могла, как умела — пылко, увлеченно, порой точно задыхаясь от волнения и радости.

Конкретные приметы жизни смешивались в стихах Зульфийи с патетической риторикой, но за всем этим было столько неподдельного, искреннего оптимизма, столько молодого задора, что стихи, несмотря на их явные недостатки, не могли не вызвать ответного волнения.

В предисловии к книге говорилось о схематизме некоторых стихов Зульфийи, о недостаточном ее профессиональном мастерстве, но в

то же время подчеркивалось: «Поэтесса связывает образы своих героев с трудом, каждый конкретный пример, каждую задачу стремится решить через показ труда...» Были в предисловии и пророческие слова: «Молодая комсомолка, узбекская девушка Зульфия твердо вступила на дорогу литературы... Мы уверены, что из нее выйдет талантливая поэтесса...»

Для того, чтобы сегодняшний читатель получил хотя бы общее представление о стихах первой книги Зульфии Исраиловой, я процитирую строки из стихотворения «Я — рабочая девушка»:

Я — свободная девушка.
Мне весело и хорошо.
В объятиях моей фабрики
Я пою счастливую песню труда.
И когда я слышу фабричный гудок,
Я радостно надеваю на голову
Мой красный платок...

(Подстр. перевод)

Даже по этим несовершенным строчкам можно обратить внимание на стремление юной Зульфии к образной поэтической речи («в объятиях моей фабрики я пою счастливую песню труда...»), на ее интерес к выразительной детали — образ «красного платка» связывался в воображении читателей с цветом свободы, цветом революционного знамени.

Молодые читатели-комсомольцы радостно приветствовали выход первой книги их поэтессы.

Профессор А. Саади в 1933 году вновь подтвердил свою высокую оценку первых лите-

ратурных опытов Зульфийи: он писал о том, что она — «талантливый и многообещающий поэт».

Но успех первой книги стихов не вскружил голову молодой поэтессе. Она сознавала, как много еще предстоит ей работать, чтобы заслужить почетное имя советского художника.

«Юности свойственна беспечность,— пишет Зульфийа.— Поэтами в молодости становятся легко. Лишь с годами начинаешь понимать, какое трудное бремя взваливаешь себе на плечи. Стихи становятся поэзией лишь тогда, когда тысячи человеческих сердец признают их своими. И самое трудное — найти то свое, что интересно и близко не только поэту, но и читателю. Если читатель не заражен чувством и мыслью автора, поэзия не состоялась. Для пишущих стихи — это самое страшное».

Найти свое — свои слова, свои краски в поэзии, свой взгляд на мир,— этой неутолимой жадной была наполнена вся творческая молодость Зульфийи. Она настойчиво училась стихотворному мастерству, стремилась глубже познать действительность, разобраться в ее сложности и многогранности.

Ей не хватало знаний, она чувствовала это. Зульфийа поступила в педагогический институт, а в 1935 году по конкурсной программе сдала экзамены в аспирантуру Научно-исследовательского института языка и литературы. С новой силой берется она за изучение классики, великих творений прошлого. Она стремится проникнуть в «творческую лабораторию» титанов мировой литературы, постичь их духовный

мир, понять сами законы художественного мышления.

1935 год — счастливейший в жизни Зульфийи. Именно тогда судьба соединила ее с человеком, которого поэтесса с гордостью называет главным своим учителем и воспитателем.

На доме, в котором ныне живет Зульфийа, прикреплена мраморная доска. Надпись на ней гласит: «Здесь жил и работал выдающийся узбекский поэт Хамид Алимджан».

Да, он жил в этом доме, он был первым другом, мужем Зульфийи, этот замечательный художник, один из основателей новой узбекской литературы.

О Хамиде Алимджане написано множество статей и книг. Трудно переоценить тот вклад, который внес он в развитие социалистической культуры Узбекистана. Блестящий мастер стиха, вдохновенный публицист, талантливейший теоретик литературы, выдающийся организатор литературных сил, крупный общественный деятель, Хамид Алимджан навсегда остался в памяти тех, кто имел счастье встречаться с ним. Глубоко патриотическая, пламенная поэзия Хамида Алимджана и сегодня, когда поэта нет с нами, продолжает участвовать в деле воспитания нового человека.

— Годы моей жизни, прошедшие рядом с Хамидом Алимджаном, стали для меня самым большим счастьем,— говорит Зульфийа,— у Хамида я училась думать, работать, писать стихи. Он был необыкновенно трудолюбив, я всегда поражалась той внутренней дисциплине, которая была ему свойственна. Творчество для него было не просто работой, а единственной формой существования: он не

мыслил себя без поэзии ни одного дня, ни одного часа. Он вставал всегда в 6 часов утра и до 11 часов трудился в кабинете. За дверью слышались его шаги, раздавался его голос — он любил «на слух» проверять написанное. У него была феноменальная память — порой мне казалось, что на свете вообще не существует стихов, которых бы он не знал... Большой поэт, человек редчайшей порядочности, нежный к друзьям и беспощадный к врагам, Хамид Алимджан был не только другом моей жизни, отцом моих детей, но и верным спутником, чутким советчиком. Я показывала ему все, что писала, каждую строчку. Ни одно мое стихотворение Хамид не правил — только объяснял, что удалось, а что не удалось... Однажды я пожаловалась ему, что никак не могу закончить стихотворение. Хамид внимательно прочитал написанное мною, улыбнулся и сказал: «Знаешь, отчего это происходит? Ты еще не осознала до конца, что ты хочешь сказать в этом стихотворении. Главную задачу не осознала. Вот и получается, что в небольшом стихотворении ты хочешь сказать сразу обо всем — в результате одна мысль ведет за собой другую, строфы набегают друг на друга. Всегда помни о замысле произведения и старайся выразить его как можно точнее и лаконичнее»... Этот совет Хамида Алимджана я никогда не забываю...

У Хамида Алимджана Зульфия училась внутренней собранности, неустанным, бесконечным поискам единственного нужного слова.

Хамид щедро делился с ней всем, что постиг сам силой своего труда и таланта.

Существует трогательный рассказ о том, как они порой работали.

Алимджан уступал Зульфие свой кабинет, свой письменный стол, а сам скромно устраивался в столовой, прямо на ковре. Ни шум детей, ни посторонние разговоры — ничто не могло отвлечь его от работы. А Зульфия, сидя за письменным столом Хамида, становилась еще требовательней к себе. Порой ее охватывало чувство творческого бессилия. Ей казалось, что строки, которые ложились на бумагу ровными рядами, беспомощны, бесплотны, что она вообще уже никогда не сможет писать стихов. Само понятие «стихи» теперь, после бесед с Хамидом, наполнялось для нее новым содержанием. Нет, теперь ее не устраивало простое зарифмованное выражение мыслей и чувств. Теперь она понимала как никогда: истинным поэтом может считать себя лишь тот, кто умеет видеть мир по-своему, видеть так, как не видит его никто другой...

И еще за одно благодарна Зульфия Алимджану. Он раскрыл перед ней могучие богатства великой русской литературы, с которой до этого Зульфия была знакома лишь по немногочисленным переводам.

— Помню, в первые месяцы нашего знакомства Хамид как-то спросил меня, много ли я читала книг русских писателей? — рассказывает Зульфия. — Я ответила, что прочитала почти все переведенное и назвала несколько книг. Хамид Алимджан улыбнулся и покачал головой. «Нет, дорогая Зульфия, — сказал он, — этого очень мало. Во-первых, само количество переводов дает очень ограниченное представление. А во-вторых, русскую литера-

туру, и в особенности поэзию, надо читать в подлиннике. Только тогда воспримешь все обаяние ее, всю щедрость красок и звучания...» На следующий день он принес мне томик в темном переплете. Это было русское издание стихов Николая Алексеевича Некрасова. В то время я еще не очень хорошо владела русским языком, но, несмотря на это, стихи Некрасова, прочитанные в подлиннике, потрясли меня. Потрясли своей удивительной простотой, естественностью слова, живой разговорной интонацией. В стихах Некрасова слышалась пронзительная, горестная боль поэта за простых людей, за женщин, особенно униженных и оскорбленных царизмом. И это некрасовское сочувствие женской судьбе с особой силой трогало меня. Восхищенное преклонение перед «музой мести и печали» Некрасова я пронесла через всю свою жизнь... Хамид Алимджан раскрыл передо мной не только Некрасова — вскоре я прочитала в подлиннике Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Тютчева, Есенина... Помню, как покорили меня своей музыкальностью знаменитые строчки Фета: «Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало...» Я выучила это стихотворение наизусть и по утрам будила весь дом громким чтением его...

Вторая книга Зульфийи — «Песни девушек» — была издана в 1939 году, спустя семь лет после первой книги. Чем объяснить столь большой перерыв между этими книгами?

Ответ может быть лишь один: причиной тому была высокая требовательность молодой поэтессы к собственному творчеству. Требовательность, которая особенно обострилась

теперь, когда рядом с ней был такой взыскательный мастер, как Хамид Алимджан.

Зульфия неутомимо и жадно учится, овладевает профессиональными навыками, совершенствует свое умение.

Но учеба ее состояла не только в освоении литературных приемов, постижении тайн поэтического мастерства.

Главным для нее было все более пристальное изучение живой советской действительности. Как и прежде, в центре внимания поэтессы — судьбы узбекских женщин, ее сестер, сверстниц и старших подруг. Могучий процесс раскрепощения женщины, приобщения ее к общественно-полезному труду, освобождения ее от вековых рабских пут, — все это Зульфия видит на каждом шагу, все это волнует ее сердце, обо всем этом она хочет писать.

Верным подспорьем для молодой поэтессы служат произведения талантливых мастеров литературы Советского Узбекистана, в которых раскрывается облик новой женщины Востока, проклявшей обычаи прошлого, вставшей на дорогу новой жизни.

... С первых лет существования узбекской советской поэзии тема освобождения женщины прочно заняла место в ряду самых важных тем.

Великий Хамза написал много вдохновенных поэтических строк, обращенных к узбечкам, призывавших их бороться с законами шариата.

Знаменитое стихотворение Хамзы «Узбекской женщине» звучало как пламенный призыв, страстный лозунг.

Сними чиммат, открой лицо, для всех прекрасной будь,
Оковы на куски разбей, им неподвластной будь!
Невежеству кинжал наук возни глубоко в грудь,
Науке, мудрости мирской, всегда причастна будь!..
Невежества и рабства яд тебе дают муллы,
Ты ханжество их обличай и речью страстной будь!

(Пер. М. Зенкевича)

Эти строки распространялись среди женщин в рукописных списках, их перепечатывали газеты, они выпускались в виде листовок. Активистки женского движения 20-х годов пользовались ими в своих выступлениях, они были для них незаменимой помощью в трудной работе по вовлечению узбекских женщин в строительство новой жизни.

Но Хамза писал не только стихи-лозунги, стихи-призывы,— он показывал живые, конкретные примеры борьбы женщин за свое раскрепощение.

Такие стихотворения Хамзы, как «Предателям Худжума», «На смерть Турсуной», живут для нас сегодня как поэтические документы эпохи, запечатлевшие нелегкие эпизоды борьбы, которая происходила тогда. Подвиг Турсуной, павшей жертвой религиозного произвола, звал узбечек к активному сопротивлению духовенству и баям, всячески противодействовавших стремлению женщин жить и трудиться по-новому.

Тема новой узбекской женщины во всю мощь зазвучала в узбекской советской поэзии 30-х годов, когда сформировался талант выдающихся мастеров «большого поколения» литературы Узбекистана — Айбека, Хамида

Алимджана, Гафура Гуляма, Уйгуна и других.

От коротких стихов «Девушке, живущей в слепоте», «Счастье узбекской девушки» и ряда других замечательный узбекский художник Айбек пришел к своей первой поэме «Дильбар — дочь эпохи».

В этой поэме Айбек стремился раскрыть облик новой женщины Узбекистана, сумевшей противостоять пережиткам прошлого. Дильбар одной из первых сняла паранджу и повела за собой своих подруг. Поэма вышла отдельным изданием в 1932 году и сразу же завоевала популярность. В своей автобиографии Айбек вспоминал: «Поэма, очевидно, была своевременной; любопытная подробность — после ее опубликования имя Дильбар, довольно редко встречавшееся до того, стало чуть ли не массовым».

Какой яркий пример вторжения литературы в жизнь! Имя героини произведения, любившегося читателям, тысячи узбечек стали давать своим маленьким дочерям. Они хотели, чтобы вместе с этим именем их дочери унаследовали от героини поэмы ее гордость и силу, ее непреклонную волю и решительность.

Борьбе женщин за свои права немало строк посвятил и прославленный мастер узбекской литературы Гафур Гулям. Уже среди самых первых его стихов, написанных в конце 20-х годов, мы находим такие, как «Паранджа», «Сурнай» («Старый быт»), «Женитьба», созданные в прямой переключке со стихами Хамзы Хаким-заде на тему раскрепощения женщины. Стихотворение «Паранджа», написанное плакатно, публицистично, звало узбек-

ских женщин к борьбе с паранджой — одним из самых мрачных пережитков былого. Стихотворение «Женитьба» было обращено к узбекской молодежи: поэт призывал девушек и юношей бороться за истинную любовь, свободную от унижительных традиций прошлого.

В поэме «Той» (1934) Гафур Гулям показал рождение новой советской семьи, жизнь которой строится на равноправии мужа и жены, их взаимном уважении друг к другу.

На контрасте прошлого и настоящего построено известное стихотворение Гафура Гуляма «Мавжуда» (1937), посвященное узбекской ткачихе, знатной стахановке. Образ реального человека — ткачихи Мавжуды — для поэта несет в себе обобщенные, собирательные черты. Именно в труде, направленном на благо общества, женщина Востока утверждала свое равноправие, проявляла свой талант; свободный труд, сознание своей необходимости стране пробуждали в ее душе такие качества, которые в прежние годы были задавлены гнетом феодальных нравов, не могли найти выхода и применения.

Эта же тема занимает большое место и в творчестве Уйгуна в 30-х годах. Обращаясь к своей современнице, молодой узбечке, поэт напоминал ей о том, как тяжка была доля женщины до революции. В стихотворении «Девушка» поэт рисовал обобщенный образ узбечки, испытавшей все муки прошлого:

Как томилась ты, моя родная,
Как ты проклинала жребий свой,
Цветом впалых щек напоминая
Лист осенний — желтый и сухой!

В тягостных объятиях потемок
Как грустила, как страдала ты,
Как твой бедный голос был негромок,
Как, таясь от всех, страдала ты!

(Пер. Н. Ушакова)

Сердечной песнью женщине Советского Узбекистана, строящей новый мир, прозвучало стихотворение Уйгуна «Страна солнца», посвященное первой узбекской девушке-парашютистке Башарат.

А рядом с ним — стихотворение «По дороге в Уфу», воссоздающее образ комсомолки Айсулув, боровшейся за создание колхоза. Кулаки убили героиню стихотворения. Судьба Айсулув не была единичной. Сколько других отважных девушек-узбечек отдали свою жизнь в этой борьбе! Но поэт показывает, как побеждает великое дело, во имя торжества которого погибла Айсулув.

Напряженная классовая борьба, которая происходила в узбекском кишлаке, была раскрыта в популярнейшей поэме Хамида Алимджана «Зейнаб и Аман». В образе Зейнаб Алимджан воплотил черты новой узбекской девушки. Ей глубоко отвратительны дурные обычаи, оставшиеся от прошлого: обручение в младенческом возрасте, полная зависимость женщины от мужчины. Она сама хочет решить свою судьбу. И, смело сбрасывая оковы мусульманско-религиозных нравов, Зейнаб открыто идет навстречу своему счастью.

Вдохновенный поэтический дар Хамида Алимджана раскрылся в поэме «Зейнаб и Аман» с огромной впечатляющей силой. Его

Зейнаб стала одной из самых любимых героинь узбекского народа.

...Можно перечислить еще немало произведений узбекской советской поэзии 20-х и 30-х годов, в которых красочно и ярко раскрывалась женская судьба. Все они, конечно же, играли немалую роль в формировании творческого облика Зульфийи. Ведь тема новой женщины Востока с первых шагов поэтессы была для нее самой дорогой, самой близкой! Учеба у старших товарищей по перу обогащала поэтессу, подсказывала ей разнообразие приемов и форм в решении этой темы.

Большинство стихотворений, вошедших во вторую книгу Зульфийи «Песни девушек», было посвящено сверстницам поэтессы — молодым узбечкам-комсомолкам. Стихи пронизаны гордостью за подруг и сестер, вставших в ряды борцов за новую жизнь.

Стихотворения книги отражали разнообразие поисков поэтессы, ее стремление найти свой голос, свою творческую манеру.

В таких стихотворениях, как «Прикажи, Родина», «Октябрь», видны следы учебы у великого трибуна революции Владимира Маяковского, произведения которого в те годы оказывали большое влияние на развитие молодой узбекской поэзии.

Эти стихи написаны от первого лица. Поэтесса стремится в обобщенной форме передать мироощущение молодой патриотки, до конца преданной социалистической Отчизне.

Дорогая Родина,
Пусть разносится твоя команда,

Пусть с комсомольской страстью
бьются наши сердца!

Дай приказ!

Каждое его слово зовет нас на подвиг!..

(Подстр. перевод)

Эти строки из стихотворения «Прикажи, Родина», как и все стихотворение в целом, содержат в себе явственный элемент декларативности, но она в большой мере искупается искренностью чувства, продиктовавшего их. То же можно сказать и о взволнованном стихотворном монологе «Октябрь», написанном в 1937 году к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В нем поэтесса стремится создать символический образ своей молодой современницы, дочери свободного Востока, лицо которой никогда не знало паранджи.

Во многом перекликается с этими произведениями и стихотворение «Ровеснице». Оно обращено к юной узбечке, родившейся в 1917 году, сверстнице революции. Мир, окружающий героиню в день, когда она празднует свое рождение, поэтесса сравнивает с прекрасным цветником,— в дальнейшем этот образ станет одним из самых характерных для Зульфийи.

Но, пожалуй, наибольших удач достигает поэтесса в стихотворениях, где живет лирическое начало, в стихах, окрашенных теплотой и задушевностью. Таковы стихотворения «Когда улыбается рассвет счастья», «Ожидание», «Весенний вечер».

С помощью мягких, прозрачных красок, живых и выразительных деталей Зульфийа стремится в этих стихах раскрыть новые челове-

ческие отношения. Стихи воспевают прямоту, открытость чувств узбекских юношей и девушек, которые могут теперь, ни от кого не таясь, не боясь «кары Аллаха», встречаться под древними чинарами и говорить друг другу о том, чем полнятся их сердца.

Большую роль в этих стихах играет пейзаж — он гармонично сливается с внутренним миром героев, помогает поэтессе создать настроение, соответствующее главной задаче стихотворения.

Одно из лучших стихотворений книги — «Весна». В нем есть элемент очерковости, но проникновенный лиризм, которым пронизано стихотворение, позволяет считать его предшественником многих стихов зрелой Зульфийи. Ведь образ весны для нее и ныне — один из самых излюбленных образов.

В «Весне» Зульфийа создает живую, подвижную картину расцветающей природы, которая для поэтессы неотделима от человека, обновляющего и украшающего ее.

Радостным горят рассветом
Неба дальние края.
Над весенним первоцветом
Льется песня соловья.
Заглянуло солнце в горы,
Степи ясные цветут.
Изумрудные просторы
Оживил отрадный труд...

(Пер. Н. Ушакова)

Поэтесса стремится найти гармоничное соответствие между обобщенным изображением и живыми, конкретными деталями, харак-

терными для нового пейзажа. Так возникает в стихотворении образ юной узбечки-трактористки.

В поле хорошо на воле
Встретить золотой восход.
Трактор ходит в вольном поле,
Трактор девушка ведет.

Лирический пафос стихотворения образно раскрывается в строках, завершающих его: картина весны для поэтессы символически воплощает в себе радостное мироощущение советского человека, его уверенность в будущем.

Человек весной моложе,
Вся душа весной полна.
Наше будущее — тоже
Беспредельная весна.

Следует отметить, что такое наполнение образа весны родственно той трактовке этого образа, которую утверждал во многих своих стихах Хамид Алимджан. Цветущей весной в его представлении была революция: ее бурный, освежающий ветер несся по земле, отбрасывая ветошь былого, круша прогнившие развалины старого мира. Это сравнение родилось у Алимджана в полемике с поэтами — буржуазными националистами, которые наполняли образ весны совершенно противоположным смыслом. Для них этот образ был связан с надеждами на восстановление былых порядков. В стихах Алимджана весна — могучая и радостная сила, сметающая на своем пути все преграды, пробуждающая человека к новой жизни. Не случайно именно так и называлась первая книга поэта — «Весна».

Стихотворение Зульфийи «Весна», написанное в 1936 году, содержит в себе живое развитие образа, столь дорогого для ее учителей, и прежде всего — Хамида Алимджана.

И все же к довоенному своему творчеству поэтесса относится сегодня очень критически.

«Стихи, как дети, остаются на земле не все; рождение поэта не всегда совпадает с появлением на свет его сборников. До войны я была автором уже двух книжек, но в них преобладали общие слова, бледные образы, примитивные рифмы».

Так, со свойственной ей скромностью и самокритичностью, говорит Зульфийа о своем раннем творчестве.

Она не любит перепечатывать старые свои стихи. В собрании сочинений Зульфийи, которое выходит ныне в издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма в Ташкенте, мы не найдем ни одного из стихотворений ее первой книги «Страницы жизни». Из второй — «Песни девушек» — поэтесса выбрала всего лишь около десятка стихотворений.

В сборники же своих избранных стихов, выпущенные в переводе на русский язык в Ташкенте и Москве, Зульфийа включила лишь два из стихотворений, написанных до войны. Это — «Весна» и «Песня» (1938).

Стихотворение «Песня» как бы обобщает поэтический опыт молодой Зульфийи. Глубоко лирическое по своему настроению, оно своеобразно перекликается со знаменитыми строчками Маяковского «Радуюсь я — это мой труд вливается в труд моей республики».

Личное для героини стихотворения — молодой узбекской девушки — неотделимо от

общественного. Она чувствует себя полноправным строителем жизни, заинтересованным не только в собственных успехах, но и в успехах всей страны. Высокое сознание общественно-го долга одухотворяет труд лирической героини Зульфий.

Стихотворение «Песня» созвучно строкам Маяковского по мысли, но по своему образному строю, по напевной интонации, по образному колориту оно принадлежит именно Зульфие — звучит как мелодичная, сердечная песня.

Это хлопок блестит пред тобою,
Озаренный полдненным лучом,
Словно счастье твое золотое,
Словно радость во взоре твоём...

Вдохновительница урожая,
Ты в поля уходила с зарей.
На работу тебя провожая,
Угасала звезда за звездой.

(Пер. Н. Ушакова)

В стихотворении этом, так же, как в «Весне», нам уже слышится голос зрелой Зульфий, мы узнаем в нем те качества ее таланта, которые так полюбились читателям в последующем ее творчестве: нежную задушевность голоса, мягкую, покоряющую сердце лиричность.

4

Зульфия считает, что по-настоящему она родилась как поэт в суровые годы Великой Отечественной войны.

«Когда говорят пушки — музы молчат», — гласит древнее изречение.

Опыт советской литературы героических дней Отечественной войны опроверг старинную мудрость.

Нет, музы в ту пору не молчали — они звали на подвиг, на разгром ненавистного врага.

Прозаики, поэты, драматурги всех республик Советского Союза вместе со всем нашим народом встали в боевой строй защитников социалистической Родины. Одни из них пошли на фронт рядовыми бойцами и офицерами, непосредственно участвовали в боях, разили врага огнем и штыком. Другие, работая в армейской печати, немало дней и месяцев проводили на передовой линии фронта, восславляли подвиги героев-бойцов, своими стихами, очерками, рассказами поддерживали несокрушимый боевой дух воинов Советской Армии, громящих врага. Третьи, находясь в тылу, вдохновенным призывом, страстным патриотическим словом помогали ковать победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Вместе с писателями братских народов Страны Советов поднялись на битву с врагом и литераторы Советского Узбекистана.

26 июня 1941 года в газете «Правда Востока» было опубликовано письмо узбекских писателей, в котором говорилось:

«Мы помним о кострах, на которых потерявшие человеческий облик фашисты сжигали великие памятники культуры, сжигали потому, что звериным инстинктом своим поняли, что фашизм не может быть рядом с подлинным высоким искусством. Мы, писатели Узбекиста-

на, в эти суровые дни войны вместе со всем советским народом будем бороться за победу, нашим оружием будет штык и перо».

И узбекские литераторы сдержали свое слово, прозвучавшее как клятва верности Родине. Их произведения взволнованно славили подвиги воинов Советской Армии, несокрушимую дружбу народов нашей страны, стойкость и мужество тружеников тыла.

«Узбекские поэты, как и поэты других народов, раскрыли в дни войны как бы лучшие силы своей души и таланта,— писал Александр Фадеев.— Глубокое чувство советского патриотизма, ненависть к врагу пронизывают стихи узбекских поэтов».

Хамид Алимджан, Гафур Гулям, Уйгун, Максуд Шейхзаде, Айбек, Хасан Пулат, Миртемир — каждый из этих поэтов стремился внести свой вклад в дело победы над врагом.

— В середине июня 1941 года Хамид Алимджан вместе с Абдуллой Каххаром находился в Риге,— рассказывает Зульфия.— Они встречались с литераторами Латвии, рассказывали им об успехах узбекской культуры. 19 июня Алимджана и Каххара срочно вызвали в Москву. А через три дня все мы услышали о вероломном нападении фашистов...

Хамид приехал в Ташкент необыкновенно собранный, сосредоточенный, У него, как у руководителя республиканской писательской организации, была масса дел: нужно было перестраивать всю работу на новый лад. Домой он приходил поздно, усталый, похудевший. Но, несмотря на огромную занятость, он писал стихи. Ночами ходил по кабинету и, как всегда, вслух проверял написанное... Его первым

стихотворением военных дней была «Песня победы». Стихотворение было опубликовано в газете «Кизил Узбекистон» и сразу стало широко известным...

«Песня победы» Хамида Алимджана, так же как стихотворения «Проводы» Гафура Гуляма и «Смерть врагу!» Айбека, написанные в первые дни фашистского нашествия, явились своеобразным «прологом» к поэтической летописи всенародного подвига, созданной в годы войны мастерами стихотворного слова Узбекистана.

Летопись эта многогранна и разнообразна. Ее страницы проникнуты страстным патриотическим пафосом. Перелистывая сегодня пожелтевшие от времени подшивки газет военной поры, раскрывая страницы поэтических сборников, изданных в те годы, мы слышим пламенные голоса художников-бойцов, звавших народ до последней капли крови отстаивать от врага великие завоевания революции. «Это — поэзия дружбы народов и поэзия гнева, поэзия труда и героических подвигов, — писал в те годы критик К. Зелинский о стихах узбекских поэтов. — Это — поэзия политическая, целеустремленная, острая, полная того внутреннего напряжения, каким живет Узбекистан в дни войны. Такова поэзия и такова жизнь. Каждый из поэтов Узбекистана внес свое оружие в поэтический арсенал советской поэзии».

Найти «свое оружие» мечтала в те дни и Зульфия. И ей не пришлось долго искать его: в ее сердце само родилось теплое, задушевное слово, слово советской женщины-патриотки.

«Стихи Зульфий занимают в военной поэзии Узбекистана совершенно особенное место», — писал в 1943 году выдающийся русский поэт Владимир Луговской в предисловии к книге Зульфий «Верность».

Зульфий всегда, с первых своих поэтических шагов, стремилась говорить от имени своих современниц — свободных женщин нового Узбекистана. Эта тема занимает главенствующее место в ее творчестве 30-х годов. Но с особой силой начинает она звучать в ее поэзии в дни войны.

Подвиги солдат-фронтовиков, с оружием в руках отстаивавших страну социализма, были неотделимы от героизма тех, кто, не смыкая глаз, в тыловых областях страны приближал нашу победу. «Тыловой труд — будничный, незаметный, в нем не кровь льется, но пот, в нем не наносят жгучих или смертельных ран, но не меньше нужно величия души, день за днем, ночь за ночью, преодолевая усталость, отдавая все силы, вооружать и снабжать Красную Армию, веря священной всенародной верой, что победит и отомстит она разорителям Родины нашей». Так писал тогда Алексей Николаевич Толстой.

Подлинными героями тыла были советские женщины. Война неумолимо вторглась в их жизнь, разлучила их с мужьями, женихами, братьями, отцами, заставила их позабыть об отдыхе, о радостях семейной жизни, поручила им трудную мужскую работу.

Зульфий в своих стихах военной поры страстно и вдохновенно раскрывала величие духа своих сестер — женщин Узбекистана, показывала, с каким мужеством выносят они

тяготы войны, с какой нежностью думают о своих любимых, отстаивающих Родину.

Эта тема по-разному раскрывается в произведениях поэтессы.

Вот нежное, задушевное лирическое стихотворение «Садовник далеко». Героиня его в тоске ожидания бродит по саду, выращенному ее любимым, который сражается сейчас на фронте. «Где добрый садовник ваш?» — с тревогой обращается она к розам. И происходит чудо — розы, посаженные его руками, розы, в которых живет частица его сердца, поддерживают молодую женщину, утешают ее, вселяют в нее уверенность в радостной встрече с любимым.

А вот другое стихотворение — «Верность». Оно написано в форме послания на фронт — эта форма была чрезвычайно популярна в поэзии военных лет.

В своем письме любимому героиня стихотворения рассказывает о том, как под весенним солнцем «лежат в цвету долины», как «пылают розы заревом зарниц». Но главное, чем привлекает стихотворение, — это характер героини, мужественный, целеустремленный; мечтая о встрече с любимым человеком, она всеми силами стремится приблизить эту встречу — не покладая рук трудится на благо победы. Она хочет быть во всем похожей на своего друга, хочет, чтобы ее любимый там, на далеких фронтовых рубежах, услышал о ней, о ее трудовых подвигах.

Рассвет в полях с бригадою встречая,
Хочу я, чтоб, подхвачена молвой,

Моя сравнялась слава трудовая
С твоей могучей славой боевой.

(Пер. Л. Кондырева)

Молодая женщина знает: когда ее любимый услышит о том, как героически трудится она, это придаст ему новых сил, заставит еще смелее биться с врагами.

Так лирический мотив стихотворения обретает гражданское, глубоко патриотическое звучание.

Одно из самых известных стихотворений Зульфийи военных лет — «Сюзане». Переведенное на русский язык Светланой Сомовой, оно было напечатано 24 декабря 1943 года в газете «Правда».

Героиня стихотворения — юная невеста. По старинному народному обычаю она вышивает своему жениху цветное сюзане. В причудливый узор под ее рукой сплетаются «все цветы садов, цветы чимганских гор — и роза, и райхон, и астра золотая...» Всю свою любовь к юноше вкладывает девушка в эту работу.

Но вот мирный покой нашей земли нарушен — началась война. Юноша вместе с тысячами, миллионами своих сверстников идет защищать Родину. Единственной памятью о счастливой весне остается для девушки шелковое сюзане, которое она так и не успела вышить до конца. Не успела? Нет, она будет по-прежнему вышивать его, будет по-прежнему ждать счастливого часа свадьбы. Пусть знает любимый, сражаясь с врагами, что невеста ждет его, что в разлуке любовь ее стала еще крепче, еще сильнее.

И словно сквозь узор глядят глаза твои,
И на шелку стежки, как строчки на бумаге.
И это сюзане — письмо моей любви,
О верности оно, о славе и отваге.

Все стихотворение проникнуто уверенностью в нашей победе, оно воспевает чистую, преданную любовь, способную пройти через все испытания. Недаром таким оптимизмом полны строки стихотворения:

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзане мы развернем узоры.
Сияньем солнечным оно наполнит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

«Где бы поэтесса ни говорила о земле, о любви, о войне — всюду оптимистическое, жизнеутверждающее начало звучит в ее стихах полным голосом,— писал Владимир Луговской.— Она не преуменьшает горя, ужаса и трагичности войны. Нет, но она верит, что придет, как весна, победа, именно как весна, со всей неизбежностью, потому что весна приходит, несмотря ни на что. Тогда вернется любимый, тогда пробудятся народы от страшного сна, тогда зацветет вся природа:

Но верю, знаю, что настанет он —
Великий праздник наш, что мой любимый
В сады родные, где цветет райхон,
Вернется и живой и невредимый.

В стихотворениях «Весна», «Сюзане» и вообще во всех своих стихах поэтесса живет единой жизнью со всей землей и обретает в

этом лирическую силу, остроту и тонкость поэтической передачи».

Во многих своих стихотворениях военных лет Зульфья раскрывала глубокие чувства двух любящих сердец, разделенных суровыми невзгодами. Теме любви посвящено и стихотворение «Признание». Но в нем эта тема звучит несколько по-иному — поэтесса показывает новизну отношений советской молодежи, отвергающей традиционные обычаи.

Героиня стихотворения — застенчивая и робкая девушка, характер юный и еще не сформировавшийся. До сих пор ей не хватало решимости ответить на слова любовных признаний, которыми преследует ее черноглазый и «красноречивый» юноша.

А свою любовь я в сердце скрыла,
К ней не допуская никого.
Я одна лелеяла и чтילה
Тайный пламень сердца моего...

(Пер. С. Липкина)

Но в трудный час войны, когда такой суровой проверке подвергаются человеческие чувства, юная героиня отбросила старый обычай, не велевший девушке «разговор любви начать». Она поняла, что не вправе скрывать своих чувств от юноши, который, быть может, завтра наденет шинель и пойдет вслед за отцом и старшими братьями защищать Родину. «Теперь я не могу молчать», — говорит девушка.

Это стихотворение трогает не только своим глубоким лиризмом, но и изящным психоло-

гическим рисунком, раскрытием тончайших движений юного сердца.

В этих и других стихах военных лет лирический талант Зульфий раскрылся с полной силой. Здесь уже не найти риторики, тех «общих слов», которые, по оценке самой Зульфий, были свойственны многим из ее довоенных стихов.

Лирические произведения Зульфий, созданные в дни войны, конкретны,— в каждом из них раскрывается живой человеческий характер, искреннее и глубокое чувство. Но при всей своей конкретности стихи эти были близки и понятны каждому — ведь в них говорилось о том, чем жил в те дни любой советский человек: о ненависти к врагу, о вере в нашу победу, о верной любви, которая может выстоять любые грозы.

Лирика Зульфий придавала сил и тем, кто героически трудился в тылу, и воинам, сражавшимся на передовой.

Женщины, проводившие на фронт своих мужей и братьев, черпали в стихах Зульфий уверенность во встрече с дорогими их сердцу людьми. Такие стихотворения, как «Верность» или «Сюзане», помогали им еще лучше понять всю необходимость их неустанного труда на благо нашей победы.

А бойцы-фронтовики, прочитав эти стихи, с еще большей ненавистью обрушивались на проклятого врага: лирические строки, рассказывавшие им о верности их любимых, поднимали дух воинов, согревали их сердца, наполняли отвагой и героизмом.

Не раз в своих письмах на фронт узбекские женщины переписывали строки Зульфий от

руки—эти строки выражали их собственные мысли и чувства.

Широкий мир чувств и размышлений своей современницы раскрыла Зульфия в стихотворениях «Золотая осень» и «Здесь родилась я».

Стихотворение «Золотая осень» воссоздает пленительную картину природы Узбекистана в пору, «когда оранжевого цвета на землю упадет листвы сплошной ковер». Стихотворение звучит как взволнованное признание в любви родному краю, как клятва верности ему.

Народный поэт Белоруссии Якуб Колас, прочитав это стихотворение в русском переводе, сказал, что оно с особой силой раскрыло ему красоту узбекской осени.

В стихотворении «Здесь родилась я» поэтически раскрыты те животворные корни, которые питали патриотизм и мужество советских людей в дни войны.

Своеобразна композиция этого произведения, которая неразрывно связана с его идейным звучанием.

В первых строфах поэтесса рисует чарующие картины природы, милые сердцу каждого из нас,— тут и весенние степи в алых тюльпанах, и заоблачные вершины снежных гор, и бесконечный простор белых хлопковых полей. Читая эти строфы, вновь вспоминаешь статью Владимира Луговского о Зульфии. Русский поэт говорил о ее произведениях: «Прежде всего, в них огромную, иногда доминирующую роль играет природа, именно природа Узбекистана,— то мощная, то нежная, то вся в цветах, в птичьем щебете, в великой радости существования. Эта природа, как ласковая мать, как возлюбленная, неразрывно свя-

зана со всей жизнью лирических героев стихов Зульфийи. Близость к природе, близость к земле Родины — вот что проходит красной нитью в стихах даровитой поэтессы».

Эти слова мы целиком можем отнести к стихотворению Зульфийи «Здесь родилась я». Близость узбекской поэтессы к родной природе раскрывается здесь сердечно и вдохновенно. В первых строфах стихотворения нет прямого обозначения времени — но само мироощущение поэтессы, само светлое, радостное восприятие ею жизни говорит о том, что речь идет о новом, Советском Узбекистане, природа которого преображается трудом и талантом свободного советского человека. А вот строки, которые как бы обобщают пейзажный зачин стихотворения:

...Здесь явилась я на свет,
Навстречу жизни здесь глаза открыла.
И здесь, не зная горя с детских лет,
Свободу я и счастье ощутила...

(Пер. В. Державина)

С благодарностью и дочерней любовью говорит Зульфийа о своей великой Родине, которая дала крылья ей и ее песням, которая навсегда стала для нее символом всего самого светлого, радостного и чистого.

Вот почему мне Родина милей,
Дороже мне, чем свет дневной для глаза.
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза.

Но вот внутреннее напряжение стиха нарастает. Нежный лиризм сменяется пафосом

гнева—поэтесса пишет о враге, который ворвался в пределы нашей страны, «творя смертоубийственное дело», сжигая села и города. Мягкая, проникновенная интонация уступает место патетическим, мужественным строфам. Этот контраст придает стихотворению большую действенную силу. Любовь к великой Советской Родине, о которой так тепло и задушевно поведала Зульфийя в первых строфах стихотворения, вдохновляет каждого советского человека на героическую борьбу с теми, кто поднял руку на завоевания Октября. Поэтесса пишет о «жажде возмездия», о вере в победу, в то, что «исчезнут эти тучи с небосвода и жизнь опять счастливо зацветет под солнцем правды, мира и свободы».

Большие мысли будит стихотворение Зульфийи «Здесь родилась я». Родина для советского человека — это не только географическое понятие. Родина для него — не только тот край, с которым он связан своим рождением; Советская Родина — это могучая многонациональная советская держава, славные победы которой стали возможными лишь потому, что каждый ее гражданин ощутил себя хозяином всей страны, творцом ее богатств. И потому великая ответственность легла на плечи каждого советского человека, когда на страну социализма двинулись фашистские орды.

Нетрудно заметить внутреннюю перекличку между этим стихотворением Зульфийи и такими произведениями узбекских поэтов военной поры, как «Проводы» Гафура Гуляма, «Россия» Хамида Алимджана и целым рядом других. Эти стихи, казалось бы, разные по своему

содержанию, объединены одним могучим чувством — чувством советского патриотизма, которое вдохновляет на героический подвиг каждого сына и каждую дочь великой Страны Советов, независимо от того, с каким из ее краев они связаны своим рождением.

Это чувство нашло яркое, вдохновенное художественное воплощение в поэме Зульфийи «Фархадом звался он» — одном из выдающихся ее произведений периода Великой Отечественной войны.

В основе поэмы лежал реальный факт — гибель на фронте талантливого узбекского артиста Кабула Кари Сиддикова.

Зульфийя хорошо знала Кабула Кари. До войны он не раз бывал в доме ее отца. Еще совсем юной девушкой Зульфийя зачарованно слушала в его исполнении старинную мелодию «Муножат», которую Кабул Кари пел на стихи Навои.

— У него был удивительный голос — проникновенный, мягкий, — вспоминает Зульфийя. — Пел он широко, красиво, мне больше никогда не доводилось слышать такого пения. Когда Кабул Кари начинал «Муножат», меня охватывало странное ощущение — я словно переносилась в бескрайние просторы долин, овеянные благоуханием роз... Я много раз видела его и на сцене. До сих пор стоит у меня перед глазами его Фархад — стройный, красивый, с пылающими глазами, весь точно устремленный к солнцу. Кабул Кари был не только замечательным певцом, но и выдающимся актером... Весть о его гибели на фронте до глубины души потрясла меня. И тотчас же явилась мысль, — нет, не мысль, — в н у т-

ренняя потребность — написать о нем, поведать людям о прекрасном художнике, сыне своего народа, отдавшем свою жизнь во имя нашего общего счастья... Я писала поэму не отрываясь, сюжет ее возник словно сам собой, а строки рождались с незнакомой для меня прежде легкостью...

Образ Кабула Кари в поэме Зульфийи неразрывно связан с образом Фархада. Поэтесса стремится воссоздать внутренний мир артиста-солдата, подвиг которого так же прекрасен, как подвиг его любимейшего героя.

При освобождении от врага братской Украины Кабул Кари Сиддигов был смертельно ранен. Но тяжкие муки, которые он испытывает в последние минуты своей жизни, не могут заглушить в его сердце негасимой веры в торжество победы, торжество света и счастья.

Всем своим творчеством Кабул Кари служил родному народу. И когда пришел к нему смертный час, он с гордостью вспоминает прожитые годы: сознание, что они были отданы людям, любимому делу — искусству, придает ему силы и мужества.

Нельзя без волнения читать строки поэмы, рисующие последние мгновенья Кабула Кари.

Прощаясь с жизнью, артист-солдат видит себя в облике Фархада, видит на сцене, в лучах света, перед тысячами глаз. Никогда в жизни Фархад еще не был ему так близок и понятен, как в эту минуту. Так же, как Фархад, Кабул Кари бился за свою родину, за свободу и счастье. И героическая песня Фархада стала для Кабула Кари в эту последнюю минуту жизни его собственной песней. И он

запел эту песню — запел, собрав остатки слабеющих сил:

«Отчизна милая моя,
Мои родимые края!
Чтобы свободу отстаять,
Чтоб водворился мир опять,
Проявим мужество в борьбе.
Отчизна, я служу тебе.
Во имя солнца над тобой
Готов идти я снова в бой».

(Пер. Л. Хаустова)

В своей поэме Зульфийя отталкивалась от конкретного факта, но созданный ею образ солдата-певца нес в себе обобщенные черты советского бойца, до последнего своего дыхания преданного правому делу. Поэтесса стремилась показать, что каждый советский боец так же, как Кабул Кари Сиддиков, готов отдать свою жизнь во имя счастья Отчизны. Великая любовь к Родине, которая вела на подвиги легендарного Фархада, живет сегодня в сердце каждого советского воина — эта мысль проходит через всю поэму.

Мощное патриотическое звучание, которым была пронизана поэма Зульфийи, ее проникновенный лиризм и психологическая достоверность принесли этому произведению широчайшую известность. Воины Советской Армии, читая поэму Зульфийи, находили в чувствах и мыслях ее героя живой отклик на собственные чувства и мысли. Недаром фронтовая газета «Кизил Армия», выходявшая на узбекском языке, подчеркивала воспитательное значение поэмы, ее патриотический пафос. В выпуске

этой газеты от 20 мая 1944 года говорилось о поэме «Фархадом звался он»: «Сердце Кабула Қари, как и сердце любого воина, горит верностью Родине и любовью к жизни.

— Нет,— сказал он,— не хочу умирать,
Глаз своих не хочу сомкнуть.
Этот сад надо защитить,
В этом саду надо жить...

В этом произведении презрение к смерти, вера в нашу победу, призыв к отмщению врагу изложены в форме завещания погибшего воина, что повышает силу воздействия его на читателя».

Свидетельством широкого общественно-воспитательного значения поэмы Зульфийи явилось и то, что она была издана огромным тиражом в серии «Библиотека бойца».

..Война была великой проверкой дружбы народов нашей страны. Сердца всех советских людей бились в едином ритме, и потому столь многое сближает произведения поэтов разных национальностей, созданные в годы войны: родственны по духу и по своим мотивам многие стихи военной поры, написанные русским поэтом Алексеем Сурковым и белорусом Аркадием Кулешовым, украинцем Андреем Малышко и грузином Георгием Леонидзе.

Перекликаются со стихами других советских поэтов и многие произведения Зульфийи.

Стихотворение «Сюзане» близко по мотивам известной песни Алексея Суркова «Девичья печальная», в которой рассказывается о том, как молодая русская девушка, провожая своего любимого в поход, на его кисете «алым

шелком шила-вышила звезду». Песня эта была написана Сурковым еще до войны, но широкую, всенародную популярность она получила именно в военные годы.

Многое сближает произведения Зульфийи и с такими стихами, как «Посылка» Александра Твардовского, «Заботливая женская рука» Веры Инбер, «Если будешь ранен, милый, на войне» Иосифа Уткина.

А разве не слышна переключка между лирикой Зульфийи и такими замечательными стихами поэта-песенника Михаила Исаковского, как «Девичья песня», «Русской женщине» или его знаменитый «Огонек» («На позиции девушка провожала бойца»)?

Я не случайно выделяю в этом ряду стихи Михаила Исаковского. Мне кажется, что вообще всю поэзию Зульфийи многое роднит с творчеством этого тонкого, задушевного русского лирика. Стремление к напевности стиха, к передаче тончайших оттенков человеческого чувства, чуткое внимание к простому человеку — все это органически сближает двух талантливых советских художников — русского поэта Михаила Исаковского и узбекскую поэтессу Зульфию.

Не случайно и начало переводческой деятельности Зульфийи связано именно с поэзией М. Исаковского. В дни войны она создала выразительный и проникновенный перевод известного стихотворения М. Исаковского «Прощание». Это стихотворение русского мастера вдохновило узбекскую поэтессу на создание собственного произведения — стихотворения «Жди нас» — своеобразного ответа на «Прощание».

Важную роль для развития узбекской советской литературы в дни Великой Отечественной войны сыграло большое укрепление творческих связей узбекских литераторов с писателями братских республик Советского Союза. Особое значение в этом смысле имел тот факт, что в ту пору в Ташкенте жили такие выдающиеся мастера, как Алексей Толстой, Всеволод Иванов, Якуб Колас, Корней Чуковский, Владимир Луговской и другие.

Все эти писатели были частыми гостями в доме Хамида Алимджана и Зульфийи. Личное общение с крупнейшими советскими художниками обогащало творческий опыт Зульфийи, было для нее своеобразной школой мастерства.

Работая в годы войны редактором в УзГИЗе, Зульфийя немало сделала для пропаганды лучших произведений литератур народов СССР в Узбекистане. Активно участвовала она и в большой работе по организации перевода узбекской литературы на языки народов СССР, и в первую очередь на русский язык. Программа этой обширной работы была намечена Хамидом Алимджаном как секретарем Союза советских писателей Узбекистана. Алимджан считал, что приток мощных литературных сил в республику должен быть благотворно использован для развития узбекской культуры, для сближения братских культур Советского Союза. Под его руководством был намечен широкий план самых разнообразных изданий, в осуществлении которого принимали участие приехавшие в Ташкент литераторы и ученые. «Переводы на русский язык узбекских классиков, современных поэтов, произведений

народного эпоса, создание антологии узбекской поэзии, классической и современной, переводы на узбекский язык целого ряда классических и современных произведений русской литературы — вот краткий перечень дел, организатором и непосредственным участником которых является Хамид Алимджан как секретарь Союза советских писателей Узбекистана», — писал в те дни выдающийся советский ученый академик В. Жирмунский.

Немалый творческий вклад в осуществление этой программы внесла и Зульфия.

Поэтесса вела не только редакторскую, организаторскую работу, но и все более активно занималась переводческой деятельностью. Широкую известность, к примеру, получил ее перевод стихотворения белорусского поэта Якуба Коласа «Над могилой партизана».

В декабре 1943 года в Москве состоялась Декада узбекской литературы и искусства. Зульфия была одним из ее участников. Вместе с Хамидом Алимджаном, Гафуром Гулямом, Яшеном, Миртемиром, И. Султановым она выступала на вечере в Центральном Доме литераторов, посвященном открытию Декады.

Стихи Зульфии в исполнении народной артистки СССР Софьи Гиацинтовой звучали на большом вечере, состоявшемся 13 декабря в помещении театра имени Ленинского комсомола.

Заключительный вечер Декады состоялся 19 декабря в Большом зале Московской государственной консерватории. Председательствовал на нем Александр Фадеев.

После вступительного слова Хамида Алимджана и речи народного артиста СССР С. Михоэлса свои стихи читали Гафур Гулям и Зульфийа. Переводы их произведений читали Владимир Яхонтов и Софья Гиацинтова.

Выступления Зульфийи в Москве были горячо встречены слушателями. До этого стихи поэтессы были известны главным образом у нее на родине — в Узбекистане. Теперь популярность их неизмеримо расширилась. Ясные, душевные, они говорили о том, чем жил в те дни каждый советский человек. И потому такое искреннее волнение вызывали они у каждого, кто слышал их в переполненных аудиториях столицы нашей Родины Москвы.

Сердечный отклик московских слушателей, среди которых было много фронтовиков, солдат и офицеров, вызвал у Зульфийи новый творческий подъем. Ей хотелось трудиться еще больше и целеустремленней, в ее сердце зрели замыслы новых произведений, проникнутых негасимой верой в нашу победу.

Взволнованно делилась Зульфийа своими замыслами с Хамидом Алимджаном — за годы, которые она провела с Хамидом, она привыкла всегда ощущать рядом его крепкое и сильное плечо, его творческую поддержку.

Передо мной лежит рукопись еще не опубликованной статьи о Зульфие выдающегося мастера советской литературы, народного поэта Кабардино-Балкарии Кайсына Кулиева. С любезного разрешения автора статьи я позволю себе привести отрывок из нее.

«Мне посчастливилось впервые увидеть Зульфию в те годы, когда ей было всего лет двадцать восемь,— пишет Кайсын Кулиев.—

Тогда она была счастлива, несмотря на горе и беды военных лет: рядом с ней находился ее любимый муж, талантливый поэт, красивый человек, Хамид Алимджан... Я смотрел на нее с восхищением и думал: «Какой счастливый Хамид Алимджан!» Я не завидовал, а восхищался, глядя на эту молодую пару. Тогда, помню, я даже представлял себе Зульфию девушкой, идущей по винограднику, глядящей на восход солнца ранним утром, видел, как падает на ее косы лунный свет в отцовском дворе...

Счастье Зульфни и Алимджана оказалось кратким. Через год после того, когда я впервые увидел Зульфию, ее постигло великое горе: Хамид погиб в автомобильной катастрофе...»

Смерть Хамида Алимджана была огромной потерей для всей нашей литературы.

Певец Весны, Мира, горячий патриот Родины, Алимджан в творчестве своем раскрывал всепобеждающую силу ленинской правды, могучий пафос обновления земли, обновления человека, жизнь которого озарена немеркнущим солнцем коммунизма.

Он был страстным пропагандистом дружбы народов нашей страны. «Эта дружба — наша жизнь, — писал Хамид Алимджан. — Мы вместе обрели свободу, мы делили поровну свои радости и горести, как это делает хорошая семья, как делят хлеб, заработанный честным трудом».

В дни войны выдающийся талант Хамида Алимджана как художника и организатора литературных сил раскрылся с особенной яркостью.

Такие его произведения военной поры, как «Возьми оружие в руки!», «Письмо», «Россия», «Деревце», «Москва», баллады «Боец Турсун», «Слезы Роксаны», историческая трагедия «Муканна», навсегда останутся в советской литературе.

А своей многообразной кипучей общественной деятельностью Хамид Алимджан внес неопределимый вклад в дело еще большего сближения культур народов нашей страны. «В дни, когда шли ожесточенные бои с фашистскими ордами, он стоял на посту как боец, как поэт, сражающийся на линии фронта и вдохновляющий свой народ на новые подвиги,— писал об Алимджане Гафур Гулям.— Он создавал все условия для плодотворной деятельности писателям, приехавшим из России, Белоруссии, с Украины...»

Хамид Алимджан был не только прекрасным поэтом и литературным деятелем, он был человеком удивительного обаяния, душевной теплоты и честности. Сотни людей ощущали на себе его сердечную заботу, он всегда был готов помочь в беде, и помочь не только словом, но и делом — реальной поддержкой.

Именно таким он остался в памяти людей, знавших его.

Друзья поэта помнят и августовский вечер 1943 года, когда в доме Алимджана и Зульфий собрались гости, чтобы отметить день рождения их сына — маленького Амана. Среди гостей были Корней Иванович Чуковский, Якуб Колас, белорусская поэтесса Эди Огнецвет, с которой и поныне Зульфию связывает сердечная дружба.

В тот вечер хозяин дома, поблагодарив

гостей за то, что они пришли разделить семейное торжество, обратился к своему сыну:

— Когда мне исполнилось четыре года, я остался без отца, — сказал тогда Алимджан. — Я был разлучен с ним. Сын мой, сегодня тебе — четыре года, и у тебя есть отец. Друзья, поднимем бокалы за это счастье!..

Менее чем через год после этого дня Хамида Алимджана не стало. «Его светлый, исполненный радости и счастья тост стал известен многим у нас в республике, дошел до самых отдаленных ее уголков, — наверное, слишком сильным и неожиданным был удар судьбы, слишком контрастны слова поэта о счастье — и горе, обрушившееся на всех нас...» — пишет в своей книге о Хамиде Алимджане литературовед С. Мамаджанов.

Тяжкая беда, пришедшая в дом, неизбывной болью переполнила сердце Зульфий. Долгое время она не могла работать. Чувство одиночества и скорби преследовало ее на каждом шагу. Все вокруг напоминало ей о Хамиде — на его столе лежали незавершенные рукописи, каждый предмет в доме еще хранил тепло его рук. За окном цвели розы, посаженные им. Зульфие казалось порой, что она уже никогда не сможет вернуться к стихам. Ничто не могло вывести ее из внутреннего оцепенения.

И сегодня, спустя тридцать лет, когда Зульфий вспоминает те дни, взгляд ее становится горестным и словно застывшим.

Она помнит: ей тяжело было находиться дома, все время хотелось куда-то идти, но каждый раз дорога неизменно приводила ее к могиле Хамида.

Она помнит: добрые и ласковые друзья

дома — Яшен, Айбек, Гафур Гулям, Айдын — пытались смягчить ее боль, помогли сердечным участием и теплой заботой.

Но все равно ей не становилось легче.

Долгой, нестерпимо холодной показалась ей первая зима без Хамида.

А потом пришла весна — любимая его пора. В саду задышали его розы, ожила природа, наполнив город своим сверкающим многоцветьем.

И вот тогда Зульфия впервые за это время потянулась к перу.

Добрая и мудрая спутница жизни ее и Хамида — поэзия властно призвала к себе Зульфью.

5

Стихи Зульфии, посвященные памяти Хамида Алимджана, написанные поэтессой в последний год войны, по праву считаются одной из вершин ее лирики.

Это поистине строки сердца — в них с огромной драматической силой выплеснулось самое сокровенное, что может поведать человек о себе.

Это стихи о мучительном, невосполнимом горе женщины, в двадцать девять лет оставшейся вдовой.

Но это и стихи о любви — могучей, беспредельной, которой не дано умереть со смертью любимого человека.

Мне хочется привести еще один отрывок из статьи о Зульфие Кайсына Кулиева:

«Когда к Зульфие пришла большая не-

жданная беда, она не опустила крыл, не сломилась. Это очень важно. Так чаще всего поступали крупные художники, а у них мы должны учиться не только художественному мастерству, но и жизненной стойкости, мудрости. Вспомним хотя бы Бетховена, извлекавшего из всех своих горестей и бед могучие и непобедимые звуки музыки. Это была прометеева мощь. Не каждому художнику, разумеется, дано быть Бетховеном, но каждый художник, независимо от степени дарования, должен нести в себе хотя бы отсвет этого прометеева огня, освещавшего жизнь Бетховена, и учиться у таких, как он.

Именно это и сумела сделать Зульфия...»

«Отсвет прометеева огня...» Казалось бы, слова эти никак не вяжутся с хрупким обликом женщины, лирической поэтессы. Но ведь в жизни каждого человека может наступить миг высшей проверки его воли, его душевной стойкости, его нравственной цельности. И от того, несет ли он в себе этот «отсвет прометеева огня», зависит, выдержит ли человек испытания, обрушившиеся на него, сумеет ли их одолеть, не сломится ли под их тяжким грузом.

Вот такой миг великой нравственной проверки пришел для Зульфии, когда она потеряла самого дорогого для нее человека.

Ее стихи, посвященные памяти Хамида Алимджана, — живая исповедь страдающей, но не сломленной души.

Болью и тоской проникнуты эти стихи.

Мой друг, ты спишь в земле. Но как мне нужен ты!
Поговорю с тобою, посижу я.

Давно ли ты, мой друг, мне приносил цветы?
Теперь к тебе с цветами прихожу я.

Забуть ли дни любви, горенья и труда!
Теперь ко мне навстречу ты не выйдешь.
Лишь радость видел ты в моих глазах всегда.
Теперь ты даже слез моих не видишь.

(Пер. С. Липкина)

Эти удивительные, точно самым сердцем написанные строки потрясают своим драматизмом, своей лаконичной и пронзительной передачей душевной боли героини.

Стихотворение «Мой друг, ты спишь в земле...» — самое трагическое в цикле Зульфийи. Но если внимательно вчитаться в него, если во всей полноте воспринять внутреннее состояние героини, то можно понять, что даже эти, самые горькие строфы Зульфийи чужды безысходного пессимизма.

На могиле любимого человека героиня стихотворения думает не только о том, что никогда больше не встретится с ним, — нет, она благодарно вспоминает о радостных минувших днях, она не может, не хочет забывать о них.

«Забуть ли дни любви, горенья и труда!..» В этой строке — та жизнотворная сила, тот «росток жизни», который вырастет в других стихах цикла в светлый гимн бытию.

Память о счастье, которым одарил ее любимый, придает героине сил и мужества в преодолении горя, — она, эта память, поможет ей вынести все испытания и вновь возвратит ее к жизни.

О ней, об этой памяти счастья, — стихотво-

рение Зульфийи «Пришла весна, спрашивает о тебе». Стихотворение звучит как нежная, шемьящая песня о любимом, в мелодии этой песни сливаются и голоса весенних птиц, и порывы ветра, и шум «живого дождя», и звуки пастушеского рожка, и «почек хлопающий звук».

Природа — красочная, прекрасная, вечная, которую с такой нежностью и любовью воспевал Хамид Алимджан, в стихотворении Зульфийи склоняется перед памятью своего певца и подхватывает песню, сложенную им.

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей...

(Пер. М. Алигер)

Память о любимом живет во всем, что окружает героиню этих стихов,— в природе, в книгах, которые стоят на полках, в предметах быта. К чему бы она ни прикоснулась, куда бы ни пришла,— всюду слышит его голос, всюду думает только о нем. Думает с болью. С тоской. И — с гордостью.

Да, чувство гордости любимым — это, пожалуй, тот второй «росток жизни», который помогает героине победить горе. Об этом — строки стихотворения «Зацвел урюк»:

В безрадостных своих ночах
Запомню до седых волос,
Как нежен был и величав
Тот, с кем так мало жить пришлось...

Горжусь, что ты писал при мне,
Пусть каждая твоя строка
Давно завещана стране,
Но первой слушала их я...

(Пер. К. Симонова)

Так постепенно мотив одиночества и скорби в стихах Зульфийи перерастает в тему торжества жизни над смертью.

Уходит из жизни человек, но остается то добро, которое он принес людям, остаются плоды его таланта и труда, остается его любовь. И те, кого он покинул, должны еще дорожить ценить жизнь, должны беречь и защищать ее.

Твоим я счастьем счастье меряю,
С тобой слилась на все года.
И даст мне силу — твердо верю я —
Моя печаль, твоя беда.

(Пер. С. Липкина)

Об этом стихотворении Зульфийи («Моя печаль, твоя беда...») очень выразительно говорит Кайсын Кулиев: «Мне хочется выделить в нем две мысли. Когда беда неотвратима, человек должен стараться быть стойким вдвойне и достойно встретить горе — так же, как он раньше встречал радость. Он должен вести именно сражение с несчастьем, как и сказано у Зульфийи. По мне, замечательны заключительные строчки стихотворения: «И даст мне силу — твердо верю я — моя печаль, твоя беда». Это очень верно, правдиво и значительно. Замечательно то, что из ее стихов вырастает цельный, честный, мудрый образ поэта...»

Огромное личное горе не заслонило для Зульфийи мира. Еще не кончилась война, многим женщинам предстояло еще получить скудные извещения в траурной рамке. А скольким из них уже пришлось познать всю горечь потери любимого человека!

«Похоронки»! — страшное слово времен войны. И сегодня вздрагивает сердце, когда слышишь его.

То, что пережила Зульфийя, еще больше сблизило ее с людьми: ее горе было понятно другим так же, как и она понимала горе своих сестер. И это чувство — чувство единства со всем народом, чувство сердечной близости с тысячами и тысячами людей — было уже не «ростком жизни», в нем была заключена могучая жизненная сила, способная возродить человека, заставить его вновь смотреть на мир с оптимизмом и верой в будущее.

Откуда б я взяла огонь для песни сердца,
Когда бы не было тепла моих друзей?..

(Пер. С. Липкина)

Эти строки Зульфийя написала почти десятилетие спустя (стихотворение «Иду я городом родным»), но именно в них раскрыт тот главный житнетворный источник, который помог ей в самую трудную минуту ее жизни. Это «тепло друзей», эта кровная связь с родным народом всегда согревали и продолжают согревать ее сердце. И в этом глубоком единении с людьми — главная причина признания и любви, которыми пользуется Зульфийя — поэт и человек — у тысяч своих современников.

Лирический цикл памяти Хамида Алимджана был продиктован Зульфие безмерным личным горем. Но стихи этого цикла, при всем их глубоко интимном наполнении, выходят далеко за рамки частного случая, дневниковой открытости. О воспитательном, общественном значении этих стихов очень точно сказал критик Г. Владимиров: «...Если надо было бы найти слова, передающие ощущения цельного человека, потерявшего самое близкое и самое светлое, чем жило его сердце, но сохранившего веру в прекрасный мир и верность другу, то прежде всего следовало бы обратиться к таким лирическим шедеврам Зульфий, как стихотворения, посвященные Хамиду Алимджану... Подвиг художника, передавшего с большой точностью всю гамму человеческих переживаний, возникающих под впечатлением тяжелой утраты, состоит в том, что он поэтизирует не боль разлуки, а радость жизни, и не оставляет читателя во власти расслабляющих душу чувств, а вдохновляет его на подвиг. Обаяние сильного характера настолько велико, что оно воспитывает мужество (разрядка моя.— А. А.)»

Обычно в критических статьях о Зульфие ее стихи памяти Хамида Алимджана, написанные в 1944—1945 годах, рассматриваются как цикл отдельный, завершенный. Однако это не совсем так. Перечитайте послевоенные книги поэтессы, включая сборники ее стихов последних лет,— и вы увидите, что мотивы этого цикла проходят через все ее творчество.

Тема верности любимому человеку, как напряженная струна, постоянно звучит в поэзии Зульфий.

Разве удивительная, прозрачная и нежная миниатюра «Все прекрасное, святое...», созданная поэтессой в 1950 году, не является продолжением цикла, посвященного памяти самого дорогого для нее человека?

А стихотворение «В океане», написанное в 1961-м? В нем с волнующей лирической силой еще раз во всей своей цельности раскрывается характер героини — самого автора стихов.

...Я сильнее, чем буря морская!
Я останусь такой, как все эти года.
Пусть же мчится вода океана,—
Тот, кто в сердце моем, не умрет никогда,
Он со мною всегда, постоянно.

(Пер. С. Липкина)

Глубоко тревожат читательскую душу и стихотворения, вошедшие в книгу «Водопад» (1969): «Где твой привет?», «Хочу найти весну», «Памятник», «Женское счастье». Они раскрывают все новые и новые грани чувства, которое негасимо живет в сердце поэтессы.

Хочется остановиться на стихотворении «Памятник», написанном в 1968 году. Поводом к его написанию послужил конкретный факт — в колхозе имени Хамида Алимджана Ак-Курганского района Ташкентской области был открыт памятник замечательному поэту.

Это живое свидетельство всенародной любви к Хамиду Алимджану вызывает у поэтессы новый прилив гордости и преклонения перед ним. Счастье пламенного художника, и после смерти своей продолжающего жить в сердцах людей, жить в их труде, в их свершениях и мечтах, для Зульфийи — и ее собственное сча-

стве. Поэтессу, которой дорого все, что связано с именем ее любимого человека, глубоко волнует живая связь его творчества с сегодняшними делами современников.

Как стихи, лелеет здесь хлопчатник
Славный соименник твой — колхоз.
Ты сюда вернулся, как соратник,
В помощь людям песню ты принес.

Новые родились поколения,
Но не стал ты и для них чужим,
Их свершенья, как стихотворенья,
Сочетались с именем твоим...

(Пер. С. Липкина)

И еще одно из стихотворений, вошедших в книгу «Водопад», хочется выделить особо. Это «Женское счастье». По существу, это программное стихотворение поэтессы, чрезвычайно важное для понимания всего ее творчества.

Стихотворение «Женское счастье» как бы обобщает мотивы, пронизывающие всю поэзию Зульфийи, и один из главных среди них — мотив преодоленного женского одиночества, побежденного личного горя.

Поэтесса спорит с теми, кто видит единственную радость женщины в личном, семейном счастье. Нет, — говорит она, — мир человека, замкнутый домашним кругом, беден и убог. Только живая связь с людьми может сделать этот мир по-настоящему богатым и радостным. А если человека постигает горе, то только она, эта связь, может одарить его

великой силой преодоления, чувством высокого достоинства и мужеством.

Светлой гордостью за свою судьбу, связанную с судьбами современников, проникнуты строки этого стихотворения.

Кто сказал, что дорога моя тяжела,
Что узнала я рано тоску одиночества,
Что в разлуке с любимым я жизнь провела?
Нет, мы вместе, и счастья все больше мне хочется!

Кто сказал, будто за сердце горе берет,
Если женского счастья не ведает женщина?
Нет, счастливой меня называет народ,
И в стихах моих каждому счастье обещано!

(Пер. С. Липкина)

Читая эти и другие стихи Зульфийи, связанные с памятью об ушедшем близком человеке, я вспоминаю одну книгу, которая несколько лет назад была издана у нас в переводе с французского языка.

Женщина, написавшая эту книгу, пережила такую же личную трагедию, что и Зульфийа. Ее зовут Анн Филип, это вдова талантливого французского артиста Жерара Филипа, блестящего исполнителя ролей Жюльена Сореля в фильме «Красное и черное» по Стендалю, Фанфана-Тюльпана в одноименном фильме, Сиды в трагедии Корнеля «Сид» и многих других ролей.

Жерар Филип умер совсем молодым, в расцвете своего таланта. Все мы помним, как неожиданна для нас была весть о его кончине. Жерара Филипа хорошо знали советские зрители, фильмы с его участием демонстрирова-

лись в нашей стране, он не раз приезжал в Москву.

Анн Филип написала книгу, названную «Одно мгновенье», — книгу удивительно искреннюю, в которой вспоминает своего мужа. Нужно сказать, что в книге раскрылся и незаурядный писательский дар этой женщины, до того скрытый от всех. Анн Филип обращается к мужу со словами любви и боли, говорит ему все, что не успела сказать при жизни.

Книгу читаешь с большим волнением, нельзя не проникнуться сердечным сочувствием к ее автору, человеку чистому и по-своему сильному. Но, несмотря на внутреннюю силу автора книги, через ее страницы как основной мотив проходит тема безысходного одиночества, отчаяния, невозможности вновь жить полнокровной жизнью.

Некоторые строки книги почти дословно перекликаются со строками стихов Зульфийи, посвященных памяти Хамида Алимджана, но общее настроение книги и горький ее финал пробуждают в душе читателя совсем иные чувства, чем стихи советской поэтессы.

«Печаль низвергает человека с вершины совершенства». Эти слова философа Спинозы Анн Филип поставила как эпитафию к своей книге. И уже сам этот эпитафию настраивает читателя на скорбную, минорную ноту, которая пронизывает всю книгу.

«...Я хотела бы все время идти не останавливаясь. Мне кажется, только так я смогу жить. Я любила шагать с тобой в ногу. Что в мире могло быть лучше этого! Куда я иду сегодня? Ведь идти — это не значит только переставлять ноги. Где моя цель?..»

Так пишет Анн Филип о своем внутреннем состоянии.

«Где моя цель?»— спрашивает она. Но найти ответ на этот вопрос она не в силах. Жизнь перестала для нее существовать с уходом любимого человека.

«Мне хорошо в зимней тиши, когда земля голая, без запахов. Я тоже стараюсь погрузиться в спячку... Нужно ли мне будущее, в котором нет тебя?..»

И на этот вопрос ответа нет. Горе и скорбь подавляют волю героини. Ничто не может отвлечь ее от страданий и мук. Она с болью признается: «Каждый раз, когда я сталкивалась с чужим счастьем, я еще сильнее чувствовала свое крушение...»

И хотя Анн Филип понимает, что «счастье зовет нас жить», она не находит в себе сил преодолеть одиночество. Таковы условия жизни, которые ее окружают. Таковы законы общества, в котором она выросла и получила воспитание.

Буржуазный мир, построенный на эгоизме и равнодушии людей, жесток и циничен. Ценность человека измеряется в нем не его духовными и нравственными качествами, а властью золота.

Анн Филип угнетает этот мир. Но противостоять ему она не в силах. В ее книге нет ни одной строки о людях, которые могли бы поддержать ее, заставить ее поверить в будущее. Она одинока, как одинок каждый честный человек в мире чистогана и бессердечия.

«Весенний воздух заставляет меня грезить о прошлом и о том, что было бы, если бы ты был со мною. Я знаю, что эти грезы — просто

неспособность жить настоящим. Я плыву по течению...»

В этих словах Анн Филип — горькое признание полной своей беспомощности и ненужности в царстве собственничества и индивидуализма

Как не вяжутся эти слова и эти ощущения с теми чувствами, которые раскрываются в стихах советской поэтессы Зульфий!

Согретая любовью народа, «теплом друзей», Зульфийа нашла в себе силы преодолеть личные страдания. Ощущение своей нужности, необходимости людям возродило ее сердце, заставило его вновь жить, радоваться солнцу и свету, трудиться и петь.

Об этом — строки стихотворения «Женское счастье»:

Счастье женщины? Что ж, я у женщин спрошу:
Разве я не счастливей царицы-владычицы?
Я — в народной любви. Я дышу и пишу
Для того, чтобы счастье могло увеличиться.
Я иду по дороге, любимым завещанной.
Прав народ, что счастливой назвал меня женщиной!

В этом небольшом отступлении несколько нарушена хронологическая канва рассказа, но мысли, высказанные здесь, пожалуй, определяют самую суть творчества Зульфийи, ее нравственную и гражданскую позицию.

...В 1945 году, в радостные для всех дни победы, Зульфийа написала стихотворение «Навстречу». Она говорила в нем о тех женщинах, которым не пришлось встретить своих близких — солдат, павших на войне.

Поэтесса рисует светлый и чистый образ

героини — советской патриотки, для которой радость народа выше ее личного горя.

С яркими цветами в руках встречает героиня стихотворения воинов-победителей. Она понимает: в эту минуту весь советский народ рядом с ней, он разделяет ее беду так же, как беды тысяч и тысяч женщин, и он поможет ей, поддержит ее, он всегда будет благодарно беречь память ее любимого — одного из многих героев, отдавших жизнь за счастье Отчизны.

Стихотворение «Навстречу» покоряет своей лиричностью и светом, по своему настроению оно органично примыкает к циклу стихов о Хамиде Алимджане. В нем — та же вера в будущее, то же мужество и твердая уверенность в торжестве высоких идеалов нашей советской жизни.

Эту главу мне хочется закончить словами известного советского поэта Сергея Смирнова, посвященными стихам, о которых в ней шла речь.

«Потеря любимого человека не превратилась у поэтессы в мотивы безволия, безутешности и безысходности,— пишет С. В. Смирнов.— Все пережитое и обобщенное стало в лирике Зульфийи выражением дум и чувств многих женщин, которым война принесла тяжкие испытания».

В этих словах — высокая оценка личного и творческого подвига поэтессы, жизнь которой всегда была неотделима от жизни ее народа.

6

...Отшумели грозы войны. Солнце мира и счастья вновь засияло над нашей Родиной.

Советская страна приступила к восстанов-

лению народного хозяйства, разрушенного нашествием немецко-фашистских оккупантов.

Вчерашние фронтовики вставали к штурвалам тракторов и комбайнов, возвращались в цеха заводов. Юноши, защищавшие Родину в бою, в полинялых гимнастерках со следами от споротых погон, занимали места в институтских аудиториях, приходили в вечерние школы.

Чувства, которыми жил в те дни каждый советский человек, нашли свое отражение во многих произведениях нашей поэзии.

Достаточно вспомнить хотя бы стихи Гафура Гуляма той поры. Мир, отвоеванный ценой стольких потерь и страданий, стал еще дороже советскому поэту, и потому с особенной нежностью смотрит он на плоды светлого человеческого труда. Его радует «поле, полное белого хлопка, в бликах солнца, в сиянье большой синевы», он счастлив, что «тяжесть спелых слив сгибает ветки», он обостренно вслушивается в ликующий звон дутара, который «трепещет над кишлаком»,— и все это сливается в его стихах в красочную, многозвучную картину мирного утра Родины, утра, отвоеванного в кровавом бою с фашизмом.

Будь здорова, моя золотая земля
В изобилие своих многоцветных плодов!—

(Пер. С. Сомовой)

воскликает поэт, и в этом восклицании слышится особенное волнение и радость — ведь всего несколько месяцев назад «золотая земля» нашей Родины обрела долгожданный покой. Ощущением только что закончившейся

битвы окрашен у Гафура Гуляма и образ осени, поры сбора плодов,— она приходит на нашу землю, «как вернувшийся с поля победы отец».

Со стихотворением Гафура Гуляма «Моя золотая земля» перекликается по своему настроению маленькая поэма Зульфийи «Расцветающий день моей Родины», написанная в то же время — осенью 1945 года.

Каждый из двух поэтов по-своему выражает свои ощущения. Если «Моя золотая земля» Гафура Гуляма — это звонкая, приподнятая по своему тону песнь во славу победителей, где лиризм и патетика слиты воедино, то интонация поэмы Зульфийи — мягкая, негромкая, очень задушевная.

В центре произведения Зульфийи — узбекский юноша, фронтовик, только что вернувшийся в родные края.

Поэма словно бы вся пронизана животворными лучами утреннего солнца. Образ утра у поэтессы заключает в себе обобщенный, расширительный смысл: картина сияющего рассвета, поднимающегося над землей, воплощает начало нового мирного дня нашей Родины, разгромившей врага.

Герой поэмы широко открытыми глазами смотрит на мир, озаренный светом покоя и счастья. Ему, еще вчера бившемуся с врагами, до сих пор не верится, что все осталось позади — дым пожарищ, кровавые поля войны, ежесекундная опасность смерти. Его слух, привыкший к залпам снарядов и пулеметным очередям, с трудом воспринимает мирную тишину, которую нарушают лишь мелодичные птичьи трели.

Уж не во сне ли песни птиц звучат?
Откуда эти звонкие рулады?
Не гарь лесов и не сражений чад,
А запах трав в дыхании природы...

(Пер. А. Ревича)

И юноша-воин жадно, как будто впервые, вдыхает этот запах, который возвращает его памятью к дням детства и отрочества, и нежно смотрит на мать, поливающую двор, и счастливо улыбается солнечным лучам, слепящим глаза, и влюбленно вглядывается в бескрайние дали, «где блещут горы, в ледники одеты».

А потом он идет в сад, который когда-то «сажал своей рукой», и не может узнать его: крохотные саженцы за время, пока он воевал, выросли в большие плодоносные деревья.

Там все светло, все радостно вокруг!
Журчит арык, задорен бег потока.
Вот персики, там сливы, здесь урюк —
Большие, налитые чаши сока.

Сюжет поэмы Зульфий очень несложен: события, происходящие в ней, чрезвычайно просты. Но поэтесса и не стремится здесь к действенной событийности, она ставит перед собой другую задачу: передать во всем их многообразии и насыщенности живые ощущения солдата, вернувшегося к мирной жизни, которую он завоевал с оружием в руках. Главное в поэме — ее эмоциональное наполнение, взволнованное и правдивое раскрытие чувств и настроений героя.

Говоря об идейном звучании поэмы, хочется отметить одно очень важное обстоятель-

ство. Герой произведения советской поэтессы, пройдя сквозь «гарь лесов и сражений чад», не очерствел сердцем, война не смогла огрубить его душу, посеять в ней разочарование и безверие. Нет, он нисколько не похож на тех представителей «потерянного поколения», которых мы встречаем во многих произведениях писателей Запада. Война нанесла им неизлечимые моральные травмы, парализовала их волю, повергла в трагическое одиночество. Герой Зульфийи, так же, как герои других произведений советской литературы, свершив в кровавой битве с фашизмом свою справедливую освободительную миссию, сохранил в своем сердце прежнюю душевную чистоту и веру в высокие гуманистические идеалы, в дружбу и любовь.

Трогает своей поэтичностью и целомудренностью третья часть поэмы Зульфийи, в которой рассказывается о встрече героя с подругой его юных лет Зебо. Он, не боявшийся глядеть в лицо смерти, «смутился, оробел», «все слова перепутал», увидев простую и веселую «соседскую девчонку», которая выросла за эти годы в стройную, красивую девушку.

Сейчас он видит лишь ее — Зебо!

Он все забыл, он знает — счастье рядом.

И платье яркое твое, Зебо,

В глазах его сверкает майским садом.

Эти строки заключают поэму Зульфийи. Конечно, поэтесса могла развить любовную линию, создать определенную сюжетную коллизию, но, повторяю, не сюжет, не развитие событий ставит она во главу угла. Живая и образная деталь — платье девушки, «сверка-

ющее» в глазах юноши «майским садом», завершает светлую, оптимистическую картину новых ощущений вчерашнего фронтовика, созданную поэтессой.

В стихотворении «Невеста», написанном Зульфией вскоре после поэмы «Расцветающий день моей Родины», мы находим своеобразное развитие мотивов поэмы.

Да, жизнь — красочная, полноводная, искрящаяся — вновь вступила в свои права. Каждый мирный день для людей, прошедших через тяготы войны, — это праздник света и радости. И вот уже вновь звучат веселые песни на мирной земле, и свадьбы в городах и кишлаках шумят задорным хороводом.

В «Невесте» Зульфия рассказывает об одной из таких свадеб в кишлаке — рассказывает взволнованно, поэтично, находя мажорные, живописные краски.

Герои стихотворения — «зачарованный жених» и робкая, стыдливая девушка — невеста — словно перешли в это стихотворение из поэмы «Расцветающий день моей Родины». Но если в поэме Зульфия показала лишь зарождение чувства, возникающего у молодых людей, то в «Невесте» перед нами — само торжество любви, праздник соединения двух судеб.

Это звонкая и радостная песнь во славу человеческого счастья, завоеванного в трудных боях.

Запоминается портрет юной невесты, нарисованный лаконично и выразительно. Вот, «под напев рубаба, под хлопки гостей и бубна звон», входит она вместе со своим любимым в круг танцующих, входит боязливо и робко, пряча от всех сияющие счастьем глаза.

Девушка танцует и стыдится,
Опускает голову на грудь,
Не решается поднять ресницы,
Чтоб мгновенье это не спугнуть.

(Пер. Н. Гребнева)

Точно раскрывает поэтесса нежный образ девушки-узбечки, ее внутреннюю чистоту, искреннее душевное волнение. И Зульфия обращается к своей юной героине со словами, пронизанными глубокой верой в будущую радость молодых.

Не спугнешь его ты, дорогая,
Много счастья на твоём пути.
Пред тобой дорога золотая,
Хорошо по ней вдвоем идти!

Не смущайся, подними ресницы,
Счастью быть еще немало дней.
Это только первые страницы
Книги жизни радостной твоей.

Зульфия не упоминает в этом стихотворении о войне, но в подтексте произведения все время слышится призыв к молодым: берегите любовь, берегите радость, помните о тех, кому уже никогда не придется испытать вашего счастья,— они погибли во имя того, чтобы вы уверенно и светло могли «дорогой золотой» идти по жизни!

Широкий мир чувств и мечтаний своих современников, советских людей, рисует Зульфия в стихах первых послевоенных лет. «Сочетание женственного лиризма, душевной твердости и гражданского пафоса, свойственное

всему творчеству Зульфий, делает его близким каждому советскому читателю», — писала в те годы известная русская поэтесса Вера Инбер.

Одно из известнейших произведений Зульфий той поры — стихотворение «Мечта». В нем с большой силой раскрылось соединение тех качеств ее таланта, о которых писала В. Инбер.

Это стихи-размышления, где лирическое и философское начало слилось воедино. Поэтесса пишет об одухотворяющей силе мечты, которая помогает человеку одолеть любые невзгоды.

Как тебя ни гнуло б, ни клонило,—
Выпрямишься с прежней прямою,
Если есть в тебе живая сила,
Та, что называется мечтой.

(Пер. С. Липкина)

Так убежденно и страстно говорит Зульфийа. Но мы знаем, что мечты бывают разными. Мы помним, как язвительно высмеивал Владимир Ильич Ленин беспочвенных мечтателей, подобных гоголевскому Манилову, — и как он противопоставлял им мечту действительную, реальную, опирающуюся на конкретный опыт и знания.

И мечта в понимании советской поэтессы Зульфийи — это не сладкие «грезы», оторванные от действительности, нет, мечта для нее — это стимул к активному действию, к практическому преобразованию мира.

«Чуден мир, мечтой преображенный, труд природы, труд людских веков», — пишет поэтесса. Все, что создано человеком на земле,

сначала родилось в его воображении, в его мечтах,— утверждает автор стихотворения. Эта способность видеть грядущее более всего свойственна советскому человеку — романтику и созидателю. Озаренный высокой мечтой, он построил светлое здание социализма, стер с лица земли фашистскую нечисть, мечта влечет его к покорению новых вершин, в бескрайние космические просторы, к постижению глубочайших тайн науки.

Сердце без мечты — без крыльев птица,
Но когда мечта к нему придет,
Заодно с вселенной может биться
Сердце, устремленное в полет.

Стихотворение Зульфий построено на широком обобщении, но поэтесса находит мягкий, лирический поворот темы: это качество всегда свойственно произведениям Зульфий. От размышлений о могучем всесилие мечты, способной преобразить мир, автор переходит к собственным, глубоко личным ощущениям. Она говорит об исканиях художника, которому дано воплотить все многообразие действительности. «Все, что дышит и живет кругом, жаждет и настойчиво и страстно стать моим трудом, моим стихом», — пишет поэтесса. И мечта ее — откликнуться на эту жажду, проникнуть в людские сердца, раскрыть перед ними с еще большей силой возвышенную красоту нашей жизни. «Карандаш и белая бумага» — вот, казалось бы, и все, что нужно поэту. Но ведь они — «светлое оружие мечты»! И они делают художника таким же всеильным и могучим, как всеилен и могуч весь

его народ, воплощающий въявь мечты многих поколений.

Свое представление о мечте раскрывает Зульфия и в другом стихотворении — «Здесь будет дорога».

Герои стихотворения — пять изыскателей, прокладывающих будущую трассу в пустыне. Путь их нелегок — Зульфия не приукрашивает его, она показывает, какого мужества, какого упорства стоит ее героям каждый пройденный ими километр пустыни.

Был труден путь их. Был их путь далек,
Вздымался к небесам песчаный шквал,
И люди молча падали в песок,
И с головой песок их засыпал.

(Пер. Н. Гребнева)

И все равно изыскатели идут вперед — идут, одолевая мучительную жару и смертельную усталость, преодолевая жажду, идут, шаг за шагом побеждая бесплодную, мертвую пустыню.

Так что же ведет этих людей? Безудержная романтическая жажда героизма? Или, быть может, тот слепой фанатизм, который так характерен для героев некоторых произведений буржуазной литературы?

Нет,— отвечает Зульфия,— истоки мужества покорителей пустыни заключены в самой природе советского человека. Он чувствует себя плоть от плоти своего народа. Каждый свой шаг, как бы ни был он труден, он соизмеряет с величием цели, которую поставила перед ним славная партия коммунистов. И если

он знает, что труд его нужен народу, — он готов вынести любые испытания, любые трудности.

Герои стихотворения Зульфийи живут высокой мечтой — они знают, что дорога, которую они намечают, станет артерией жизни в этом пустынном краю, что по вехам, поставленным ими, «строители проложат новый путь». Их малый подвиг станет частью огромного всенародного дела. И когда зацветет сегодняшняя пустыня, когда вырастет в этих местах новый, прекрасный город, они, горстка изыскателей, будут с гордостью думать о том, что именно им посчастливилось первыми наметить здесь трассу будущего. Не случайно поэтесса говорит об этой трассе как об «одной из тех дорог, что в коммунизм ведут страну мою». Да, утверждает она, коммунизм не придет сам, он потребует от советских людей еще немало героизма, мужества и воли. И наша мечта о счастливом будущем — это прежде всего борьба за это будущее, реальные и конкретные дела каждого из нас.

Со стихотворением «Здесь будет дорога» перекликается по своему идейному пафосу еще одно произведение Зульфийи той поры — «Один день в поле».

В стихотворении этом есть черты очерковости. Зульфийа рисует картину уборки хлопка в узбекском колхозе. Описание трудового дня хлопкоробов дано подробно, реалистично, со множеством конкретных подробностей. Мы видим и председательницу колхоза Турсуной, и сборщиц хлопка Мухаббат, Махрибу и Зухру, которые наполняют свои фартуки волокном и бережно несут его к хирману, и

старого колхозника Али, расстилающего хлопок на хирмане. Порой Зульфия прибегает к деловой, даже чуть суховатой информации: «дни на учете, минута — и та полновесна, каждая сборщица это сейчас понимает».

Но внешнее описание, показ труда хлопко-робов — лишь часть задачи, которую ставит перед собой поэтесса. Для нее важно раскрыть внутренний мир героев, показать их целеустремленность, сознательное отношение к делу, преданность высоким идеалам нашей жизни.

«Мы должны научиться понимать труд как творчество», — говорил Алексей Максимович Горький на Первом Всесоюзном съезде советских писателей.

И Зульфия стремится воссоздать ту поистине творческую атмосферу, которой дышит труд ее героев, — атмосферу, которая возникает лишь в том случае, если работа человека одухотворена самыми благородными и высокими целями.

Эта цель для героев Зульфийи — созидание будущего, вдохновенная жажда построить «сад коммунизма». Хлопок для каждой сборщицы — это не только ее повседневный труд, но и «тайные думы, надежды ее и отрада». Именно в этом и заключены истоки ее самозабвенного отношения к любимому делу. Все отступает для нее перед этим делом, даже личные радости.

Хлопку она отдала свое сердце. На осень
Свадьбу она отложила. И так же подруги.
Чем холоднее небес запоздалая просинь,
Тем горячее работают быстрые руки.

(Пер. С. Сомовой)

Воссозданию атмосферы творческого труда хлопкоробов помогают и яркие поэтические образы, которые находит Зульфья.

Золотом белым, мелькающим перед глазами,
Хлопком рассыпано в поле обильное счастье!—

пишет она. Не может не запомниться и зримое сравнение, в котором невольно слышится перекличка со знаменитыми лермонтовскими строками: «Стан полевой — словно парус в зеленом тумане».

Да, многое роднит героев стихотворения «Один день в поле» с персонажами стихотворения «Здесь будет дорога». Казалось бы, люди делают совершенно разное дело — различны их профессии, не схожи судьбы, да и трудности, которые им приходится преодолевать, в каждом из этих случаев — особые. А между тем люди эти чрезвычайно близки между собой, они связаны тем внутренним родством, которое навсегда сблизило миллионы и миллионы тружеников, составляющих ныне великую историческую общность людей — советский народ. Народ, строящий коммунизм.

... Произведения Зульфьи, о которых говорилось выше, были созданы поэтессой в нелегкие для нее годы. Прошло короткое время после смерти Хамида Алимджана, тяжкая боль потери любимого человека не утихала в сердце Зульфьи. Были периоды, когда она вообще не в силах была работать.

О трудном своем внутреннем состоянии той поры поэтесса искренне поведала в образных

строках лирического стихотворения «В сосновом лесу», написанного в 1947 году:

...Я пробираюсь среди мшистых корней,
Лезу, цепляясь за камни, за травы
И за пушистые полы ветвей...

(Пер. С. Сомовой)

В этих строках мы узнаем волевой, мужественный характер Зульфий как человека и художника. И именно этой воле поэтессы, ее внутреннему мужеству мы обязаны появлением на свет таких талантливых ее произведений первых послевоенных лет, как «Расцветающий день моей Родины», «Невеста», «Мечта», «Здесь будет дорога», «Один день в поле» и целого ряда других.

В связи с этим я хотел бы вновь обратиться к статье Кайсына Кулиева, посвященной жизни и творчеству Зульфий. Есть в этой статье слова, очень точно характеризующие нравственный облик замечательной узбекской поэтессы.

«... Для того, чтобы стать тем, кем является ныне народный поэт Узбекистана Зульфийа, надо было обладать не только незаурядным дарованием, но и мужественным характером, стойкостью и большим жизнелюбием,— пишет Кайсын Кулиев.— Можно смело сказать, что ее жизнь не лишена была даже героизма... Героизм художника — в его совестливости, верности своему призванию, высшим целям и идеалам искусства, в бескомпромиссности и служении народу, вскормившему его, верности самым светлым идеям времени...»

Эта верность Зульфийи высокому призванию советского художника, эта преданность народу были той могучей опорой, которая постоянно поддерживала поэтессу в трудные годы жизни, не давала ей опустить крылья, уйти в замкнутый мир личных драматических переживаний.

Большую роль в этом смысле, по собственному признанию поэтессы, сыграла поездка в Таджикистан в 1949 году. Зульфийя входила в состав узбекской делегации, приглашенной на II съезд писателей Таджикистана. Возглавлял делегацию Гафур Гулям.

Таджикские писатели встретили дорогих гостей как родных братьев, с необыкновенным радушием и гостеприимством. Водили узбекских литераторов по Душанбе, с гордостью показывали им новостройки города. Потом повезли их в Вахшскую долину.

Зульфийя рассказывала мне, какое огромное впечатление произвела на нее эта поездка. Все ей запомнилось: и поездка по Вахшу, по местам удивительной красоты, напомнившим ей нашу Фергану, встречи с таджикскими читателями, простыми тружениками.

— Знакомство с новыми людьми и новыми для меня краями, тот живой, сердечный интерес, которым был окружен каждый из нас, гостей,— все это взбудоражило меня,— говорит она.— И мне захотелось написать о Таджикистане — написать о том, что я видела своими глазами, прочувствовала собственным сердцем... Уже там, в Душанбе, появились первые строчки моих «таджикских стихов». Я осмелилась даже прочитать их на одной из встреч. Но в целом этот цикл сложился позже, уже после возвращения в Ташкент, примерно

через год... Я стремилась передать в нем то внутреннее волнение, которое испытала во время поездки в Таджикистан. И еще мне хотелось в этих стихах как бы высказать свою благодарность тем, кто, зная мою беду и трудное состояние, так бережно и чутко стремился помочь мне, вернуть меня к активной жизни, к творчеству... Помню, как спустя некоторое время Гафур Гулям говорил мне: «Видишь, как помогла тебе эта поездка, как встряхнула она тебя, вывела из того внутреннего оцепенения, в котором ты была после смерти нашего дорогого Хамида. Думаю, что теперь тебе будет легче работать...» И он оказался прав: действительно, с той поры я стала писать намного больше...

Цикл «Таджикские стихи» разнообразен по своим краскам и мотивам. Мысль и чувство в этих стихах Зульфийи неразделимы.

В живописных, запоминающихся картинах воссоздает поэтесса черты облика Советского Таджикистана: это и штрихи нового Душанбе, это и природа, преобразованная руками человека, это и сами люди — рядовые труженики, влюбленные в свое дело.

Читателю запомнится старик-садовник, рассказывающий о прошлом Душанбе — прошлом, где не было ничего, кроме «нужды и горя».

Картине пыльного, грязного города, на кривых улочках которого «верблюды казались исполином», где всего «три деревца на площади торчали», поэтесса противопоставляет облик обновленной столицы Таджикистана.

Вместе с ней мы видим этот город, «живой, как со скалы сбегаящий поток», с громадами

его новых зданий, с его садами, с его пирамидальными тополями.

Вместе с ней мы любимся «ровными лучами его дорог», окунаемся в вечернюю прохладу Душанбе, озаренную «сиянием земных, людьми зажженных звезд».

И вместе с поэтессой испытываем чувство благодарности к старому садовнику — одному из тех, кто своим трудом и талантом преобразил облик города.

Своими добрыми и мудрыми руками
Он этот город-сад лелеял и растил.
И город щедрыми, чудесными дарами
Садовника сегодня наградил.

(Пер. С. Сомовой)

Стихотворение, посвященное Душанбе, целиком построено на описании. Но за строками поэтессы столько искреннего волнения, а из черт нового городского пейзажа Зульфия выбирает столь выразительные, что стихотворение звучит для нас как сердечная и глубоко поэтичная песнь во славу человеческого труда, во славу «юности, отваги и дерзання».

Задушевной теплотой и лиризмом пронизано стихотворение «Песне-страннице на месте не сидится...» Это стихи о поездке в Вахшскую долину: Зульфия переносит своих читателей в этот волшебный край, где «тюльпаны словно чаши», где «караван зеленый тополиный по дороге к городу идет».

Красота природы неотделима для поэтессы от человеческих трудов — так возникает в стихотворении образ смуглой, черноглазой девушки-таджички на Варзобе, в новом горсд-

ке. Здесь находится горная ГЭС, построенная людьми, которые «дерзко раскололи гору, надвое громаду рассекли». Девушка, героиня стихотворения, работает диспетчером на этой гидроэлектростанции. «Мастерицей золотых чудес» называет Зульфия юную таджичку, которая «держит силу света в кулачке». Сам образ героини поэтично воплощает в себе то новое, что пришло в жизнь таджикского народа за годы Советской власти.

Стихотворение «Над заснеженным пиком Памира» по своему складу публицистично. Оно как бы обобщает весь круг мыслей и чувств, которыми жила поэтесса в дни своего пребывания в братском Таджикистане. Это стихи и о дружбе народов нашей страны. Эта дружба для Зульфии — не абстрактное понятие, она, эта дружба, уходит корнями своими в давнее прошлое, в ней — источник силы и веры в будущее. Поэтесса пишет о близости обычаев и традиций таджикского и узбекского народов, о родстве их:

Тут узбекская песня — не гостья,
А любимая с детства сестра.
Как у нас — винограда здесь гроздь,
Как у нас — здесь природа щедра.

(Пер. С. Сомовой)

Однако, воспевая традиционную дружбу узбекского и таджикского народов, Зульфия говорит не только о близости наших национальных традиций, главное для поэтессы — духовное родство всех советских людей, в какой бы республике они ни жили. Их навеки

породнила вера в коммунизм, стремление своим трудом приблизить его.

Потому мы друг друга любим,
Что под солнцем одним рождены,
Что скрепляем трудами своими
Книгу дружбы Советской страны,—

пишет Зульфия.

«Таджикские стихи» Зульфийи получили широкую известность. Горячо приняли их читатели Таджикистана, которые всегда с вниманием относились к творчеству узбекской поэтессы. В новом цикле Зульфийи они узнавали самих себя, во многих благодарных письмах автору говорили о том, как верно и поэтично показала Зульфия жизнь их республики.

«Волнующие стихи поэтессы нашли почитателей не только в Узбекистане, но и в нашей республике,— писала таджичка Мавжуда Хакимова в республиканском журнале «Памир».— Мы считаем ее своей поэтессой, новые ее произведения постоянно публикуются в периодической печати и быстро доходят до самого широкого круга читателей...»

Так стихи Зульфийи, воспевающие дружбу народов нашей страны, сами стали достойным вкладом в дело укрепления этой дружбы.

7

«Говорят, что у каждого поэта, как у птицы,—своя песня. Я не хочу ограничить свои стихи одной лишь темой: но идут годы: а жизнь моей подруги, сверстницы, простой узбекской

женщины, все время волнует меня, требует своего поэтического выражения. И все, что я сама не смогла пережить и перечувствовать, все радости, горести, счастье и печали,— все несет в себе моя героиня — прекрасная, умная, полная любви и силы, нежная и верная узбекская женщина».

Так пишет Зульфия о своем творчестве.

Удивительным свойством обладает талант поэтессы. Интересы ее как художника разнообразны, всеобъемлющи, поэтический мир Зульфии широк и щедр,— но стоит лишь ей заговорить об узбекской женщине, как лирический голос ее начинает звучать как-то по-особенному мягко и задушевно.

В 1949 году Зульфия написала стихотворение «Моей подруге». Это произведение входит ныне во все хрестоматии узбекской советской поэзии, оно переведено на многие языки народов Советского Союза, известно и за рубежом.

В стихотворении «Моей подруге» Зульфия стремилась нарисовать обобщенный образ женщины-узбечки, которой революция принесла свободу и равенство.

Многие наши поэты писали на эту тему. Но Зульфие ярче, чем кому бы то ни было, удалось в страстном лирическом монологе высказать всю гамму чувств и переживаний, которые испытывает каждый, думая об одном из великих завоеваний революции — освобождении женщины Востока.

В этом стихотворении с полной силой раскрылась замечательная особенность поэзии Зульфии — соединение гражданского темперамента с тонким, проникновенным лиризмом.

Зульфия не терпит риторики, самые высокие

идеи она умеет донести до читателя в словах простых и сердечных. Уже сама форма стихотворения «Моей подруге», написанного как обращение к простой женщине-современнице — подруге, матери, сестре,— предполагает эту сердечность и простоту.

Доверительной теплотой согрето начало стихотворения. Тонкими лирическими штрихами Зульфия рисует картину рассвета, поднимающегося над землей. Эта картина в чем-то перекликается с утренним пейзажем в поэме «Расцветающий день моей Родины». Но в стихотворении «Моей подруге» Зульфия наделяет картину утра новым метафорическим смыслом. Путь зари, воссиявшей над горизонтом, «далекий путь зари из мрака ночи», вызывает у нее раздумья о судьбе узбекской женщины, в течение многих веков жившей во тьме и бесправии.

Совсем безлунной и совсем беззвездной
Была та ночь, откуда ты пришла,—

пишет поэтесса.

С болью и горечью говорит она о страшной ночи прошлого, когда женщина Востока была лишь безропотной рабыней, лишенной элементарных человеческих прав, униженной и оскорбленной. Труден был путь женщины к счастью.

О женщина, твоя дорога к свету
Была длиннее Млечного Пути.
И много горя на дороге этой
Тебе, мой друг, пришлось перенести.
Твоею красотой торговали,
Тюрьмою были отчие края;

Во мраке старой жизни погибали
Любовь твоя и молодость твоя.

(Пер. Н. Гребнева)

Эти строки Зульфий знает ныне каждый.
В них нашла талантливейшее образное воплощение горестная картина былого.

Но не вечной оказалась тьма, душившая тысячи и тысячи дочерей Востока. Свет революции восторжествовал над мраком рабства и невежества. Он рассеял тьму веков, его сияющие лучи ворвались и в лачуги бедняков. Как любимой дочери, сказала узбекской женщине социалистическая Родина: «Ты — человек, живи, как человек!» И женщина распрямила свои плечи, и «в мир вошла, прекрасный и большой», и вместе с мужчиной взялась за преобразование жизни.

Гордостью за свою современницу, радостью за ее счастье пронизано стихотворение Зульфий «Моей подруге». Образ зари, утреннего света, который является своеобразным поэтическим «ключом» стихотворения, приобретает у поэтессы новую окраску, когда она рисует портрет сегодняшней женщины-узбечки.

Я вижу, как полями и садами,
Где зацветают вишни и хурма,
Идешь ты, озаренная лучами,
Идешь ты, озаряя свет сама.
И этот свет, как свет звезды далекой,
Летит за рубежи соседних стран,
И угнетенной женщине Востока
Он светит, проникая под чачван.

Так героиня стихотворения Зульфий сама становится как бы живым воплощением

могучего света свободы, вдохновенным олицетворением нового мира, новой жизни.

Читая стихотворение Зульфии «Моей подруге» и другие ее произведения, посвященные судьбе узбекской женщины, я каждый раз вспоминаю легенду, услышанную мной от одного старика в Бухаре. Пусть простят меня читатели за небольшое отступление, но мне кажется, что легенда эта имеет прямое отношение к рассказу о замечательной поэтессе, дочери народа, судьба которой так отличается от судеб многих ее талантливых подруг в недавнем прошлом.

... В одно из жарких июльских воскресений я шел узенькими глиняными улочками старой Бухары.

Дорога вывела меня на площадь Лябихауз — к огромному водоему, вырытому когда-то по приказу эмира бухарского.

Над водоемом склонились могучие вековые туты. Много перевидали эти деревья, не одно поколение людей пережили они.

Под одним из тутов я увидел сгорбленного седобородого старца. Прислонившись к дереву, он напряженно всматривался куда-то вверх.

— Что там такое, ата?— спросил я. — Куда вы смотрите?

— Тише, тише,— шепотом проговорил старик.— Я слушаю пение волшебной птицы...

Над водоемом стояла тишина. Но старик, приложив руку к уху, сосредоточенно внимал каким-то звукам, слышимым, казалось, только ему одному.

— Подойди ко мне,— сказал старик тихо.— Слышишь?

Я напряг слух, но не услышал ничего, кроме

отдаленного шума машин. Старик внимательно посмотрел на меня.

— Ну, слышишь?

— Нет, ата, — откровенно признался я.

— Неужели ты глухой? Разве не слышишь ты этих волшебных трелей, которые завораживают душу? Приложи руку к уху, слушай всем сердцем...

Я снова вслушался, но — увы! — все было напрасно.

— Ну что? — спросил старик.

Мне не хотелось огорчать его, и я ответил, что действительно слышу пение какой-то птицы.

Лицо старика просияло.

— То-то же, — сказал он. — Нынешняя молодежь не очень-то верит нам, старикам. Ты первый, кто вместе со мной услышал эти звуки. А знаешь историю этой птицы?..

И старик поведал мне удивительную легенду — одну из тех, что из поколения в поколение передаются в моем народе и ярко свидетельствуют о его душевной красоте и спле...

Эта было давно — может, сто, может, двести лет назад.

Жила в маленьком кишлаке неподалеку от Бухары юная девушка, дочь бедного дехкана. Она была необыкновенно красива, и руки у нее были необыкновенные — золотые руки, любая работа в них спорилась. Легкая и стройная, как газель, она, казалось, не ходила, а летала по дому.

Но самым большим даром, которым наградила девушку природа, был ее голос — звонкий, нежный, чистый, подобный голосу ночного

соловья. Девушка не могла жить без песен. Она пела всегда — когда шла за водой, собирала хворост, чтобы разжечь огонь, или готовила еду для младших братьев и сестер. Любое пение, кроме пения молитв, тогда считалось греховным, — но отец так любил свою дочь, что делал вид, будто не слышит ее песен.

Но вот в один печальный день проезжал через кишлак богатый бай. Он увидел юную красавицу, и алчный огонь загорелся в его глазах.

Вечером к отцу девушки пришли два байских приспешника и сказали, что бай забирает девушку к себе в жены.

Горько плакали отец и мать, умоляя пощадить их любимую дочь и не увозить ее. Но байские слуги упрямо стояли на своем, ведь они поклялись баю выполнить его приказ. Бай велел выплатить за девушку богатый калым; в случае же, если ее родные будут сопротивляться, он приказал их жестоко наказать.

... Так попала девушка в Бухару, в байский дом.

С утра до ночи вместе с другими женами бая она должна была обслуживать своего повелителя, а остальное время проводить в молитвах. По ночам девушка горько плакала. Но самым тяжелым было для нее то, что бай под страхом смерти запретил ей петь.

— Твое пение навлечет на мой дом беду, — говорил он. — Женщина должна повиноваться молча. Ты должна быть счастлива уже оттого, что живешь в моем доме, а не в жалкой лачуге своего нищего отца.

Но девушка не могла не петь — такой уж

была создана ее душа. Ее наказывали, морили голодом, за короткий срок она превратилась в измученную старуху. Но все равно, даже в сыром подвале, куда ее бросали за непослушание, она пела, изливая в печальной мелодии всю боль своего сердца.

Однажды бай сказал ей:

— Если ты, наконец, не замолкнешь, я замурую тебя в холодный каменный склеп, и там уже никто не услышит твоих песен!

Это были последние слова бая, сказанные девушке. На рассвете все узнали о том, что ровно в полночь она бросилась в эмирский водоем.

Но странное дело — с той поры на одном из тутов, окружающих водоем, поселилась какая-то диковинная птица. Она то пела нежным соловьем, то голос ее звенел пронзительно и настойчиво, точно взывая к отмщению.

Много раз повелевал бай изловить неведомую птицу, но никому не удавалось сделать это. Птица по-прежнему пела, скрываясь в ветвях могучего дерева.

И вот прошли десятилетия, давно уже нет бая, нету и его приспешников. Но по-прежнему раздается над Ляби-хаузом пение волшебной птицы.

— Это поет сердце девушки,— сказал старик.— Оно напоминает о далеких и горьких временах, о той жизни, которая ушла в прошлое и никогда уже не возвратится... Вот она опять запела, слышишь?

Я снова прислушался, и в какой-то миг мне вдруг показалось, что я действительно слышу неведомые звуки, похожие на птичье пение. Старик рассказал мне легенду с такой верой

в истинность ее, что эта вера на мгновение вдруг передалась и мне...

Прошлое... Оно ушло навсегда, ушло, чтобы никогда не возвратиться. Но можно ли забыть его? И рассказывая в своих стихах о счастливой жизни женщин Советского Востока, народный поэт Узбекистана Зульфия всегда помнит о том, каким нелегким был их путь к счастью, какого мужества, а порой и героизма требовала от них борьба с жестокими законами прошлого.

«В биографии моей мало героического, — написала как-то Зульфия. — Подвигам, преодоленных трудностей, борьбы с мрачными законами прошлого на мою долю не досталось, и часто я ловлю себя на чувстве, похожем на зависть, и огносятся оно к женщинам, почти сверстницам моим, которым понадобилось мужество, сила, негибаемая стойкость, чтобы противостоять унижительным и страшным обычаям прошлого и победить».

В своих стихах Зульфия создает яркие образы таких женщин.

Характерно в этом отношении такое ее стихотворение 50-х годов, как «Частица солнца».

Героиня стихотворения — женщина-узбечка, которая в пору своей юности, несмотря на проклятья отца, сбросила с себя чачван и «пошла навстречу свету, прочь от старья, от мрака и беды». В ее сердце горел «огонь великой истины», зажженный Лениным, партией большевиков. Этот огонь осветил всю ее жизнь великим пламенем преданности революции.

И вот сегодня, хоть героине уже немало лет и волосы ее давно поседел, неугасимый огонь

этот по-прежнему горит в ее глазах — и нет силы, способной загасить его. И старик-отец, некогда осуждавший свою дочь, теперь понимает, что это за огонь.

Давно и сам уж понял он, что эта
В глазах людей горящая заря
Не что иное, как частица света,
Частица солнца — солнца Октября!

(Пер. Н. Гребнева)

Так через выразительный образ «частицы солнца» Зульфия доносит до сердца читателя большую мысль о великой силе революционных идей, которые обновляют человека, вдохновляют его на подвиг, окрыляют его.

Облик равноправной, гордой советской женщины, вместе с мужчиной строящей новое общество, раскрывается в стихах Зульфии во всей своей многогранности, во всем богатстве ее душевных сил и славных трудовых дел.

Целая вереница ярких, запоминающихся женских образов проходит перед читателем.

Вот юная девушка — зоотехник Ойджамал, дочка чабана (стихотворение «Девушка-зоотехник»). Увлеченно, «отдавая делу сердца жар», занимается она любимой работой. Находчивая, умелая, она всегда готова прийти на помощь товарищам. И даже опытные чабаны «молча и почтительно» внимают словам «ученой Ойджамал».

Разве возможно было бы такое в прежние времена! Женщина, которая позволяет себе давать советы и распоряжения мужчинам! Но Советская власть не только дала равноправие женщине, она внушила уважение к ней

мужчине, помогла и ему освободиться от былых привычек.

А вот молодые сестры Ойджамал — сборщицы хлопка Гульшан и Айша, героини стихотворения «Две подруги». Зульфия раскрывает два разных характера — сдержанной, молчаливой красавицы Гульшан и бойкой хлопотуньи Айши. Любимый труд для них пронизан радостью и поэзией. И сами они точно «не ходят, а плывут по волнам зеленого прибоя». Личное счастье, мечты о будущем, первая любовь, будущая радость материнства — все это неотделимо для юных героинь Зульфийи от того дела, которому они отдают весь пыл своей души.

В стихотворении «Мать» поэтесса создает образ энергичной, деятельной молодой женщины — председателя колхоза. Вся жизнь героини стихотворения — с людьми и для людей, в заботе о том, чтобы еще богаче, зажиточней стал родной колхоз.

На закате дня, покормив своего малыша, она снова спешит в поле — туда, где ждут ее «люди любимые, и вечерние сводки, и столько забот!» Материнская любовь, которую лишь недавно познала эта женщина, не замкнула ее в узком мирке тихого домашнего счастья. Наоборот, она почувствовала еще большую привязанность к любимому делу. Став матерью, она теперь «каждый куст, каждый слабенький стебель хлопчатника, как детей на груди, согревала».

Как много поэзии и тонкого понимания души сегодняшней советской женщины заключено в этом прекрасном образе!

Мягко и лирично завершается стихотворе-

ние «Мать». С большой сердечной теплотой вновь говорит Зульфия о высоком свете Революции, который озарил свободой и счастьем жизнь женщины Востока.

Пьют прохладную влагу кусты полусонные,
Тихо дышит дитя, улыбаясь во сне...
Над задумчивой матерью звезды кремлевские,
Незакатные звезды горят в вышине...

(Пер. С. Сомовой)

Сильная, волевая, талантливая советская женщина — любимый герой Зульфии.

Такой предстает перед нами и героиня стихотворения «Мартовским утром» — выдающаяся дочь узбекского народа, профессор, «открывшая тайны древних гор». Зульфия не знакомит нас с ее биографией, стихотворение похоже на выуклый, точный карандашный рисунок с натуры. Но каждая деталь этого рисунка посвящена главному — раскрытию характера героини. Запоминается и «ее лицо в сиянии восхода», и белоснежные горы, которые приветствуют наступающее утро, и «ветер странствий», летящий вслед за женщиной по утреннему Ташкенту. Все эти штрихи, дополняя друг друга, создают ощущение силы, энергии, упорства, — они раскрывают те самые качества, которые помогли героине стихотворения стать такой, какой она стала.

Большинство стихотворений Зульфии, посвященных женщинам нового Узбекистана, подсказано ей реальными фактами, подлинными человеческими судьбами.

«Новый трудовой подвиг женщины-хлопкороба, открытие ученого, выдающийся успех

актрисы, юбилей заслуженной учительницы, — ты не в стороне, поэт! Ты тут же, рядом, ты сердцем ощущаешь пульс жизни и видишь, как чутко сразу же оно отзывается на каждый толчок!

Наверное, это и значит жить одной жизнью со своим народом, наверное, поэтому нет никакой нужды специально выискивать героев своих стихов».

Так говорит сама Зульфия. Но это не значит, что стихотворения ее абсолютно документальны. Живые факты советской действительности служат поэтессе как бы своеобразной «стартовой площадкой» для взлета ее фантазии. Отталкиваясь от подлинного, реального, Зульфия стремится обобщить увиденное, выделяет в характере каждой из своих героинь черты типические, сближающие ее с тысячами и тысячами соотечественниц.

Разве стихотворение «Частица солнца» раскрывает лишь частную, единичную судьбу? Разве в героине этого стихотворения не узнают себя и многие другие женщины, ее сверстницы?

А облик героини стихотворения «Мать» — разве не заключены в нем характерные черты множества других молодых тружениц колхозных полей?

То же самое мы можем сказать и о таких стихотворениях Зульфий, как «Две подруги», «Девушка-зоотехник», «Мартовским утром».

В стихотворении «Портрет, который я еще должна написать» Зульфия говорит о своей любви и благодарности женщинам-современницам, образы которых вдохновляют ее, подсказывают ей строки новых стихов. «Соотече-

ственница моя дорогая, что мне жизнь, что мне песнь — без тебя?»— искренне признается поэтесса.

Но стихотворение — это не только поэтическое «признание в любви» автора своим героиням,— Зульфия говорит в нем и о своем постоянном долге перед ними, о том внутреннем волнении, которое охватывает ее каждый раз, когда она обращается к любимой теме — женщине Советского Узбекистана.

Эти грубые пальцы дарят меня светом,
А глаза — нерожденную песню — теплом.
О, каким опишу тебя словом иль цветом,
Жаркой кистью, живым ли пером!
Словно к жизни самой, я к тебе приближаюсь,
Моего поколения ты стала судьбой.
Как при чтенье бессмертных стихов, возвышаюсь
Я душой от беседы с тобой...

(Пер. С. Липкина)

Певуче и вдохновенно раскрывается в произведениях Зульфий величие нравственного и гражданского облика советской женщины.

Но, славя то новое, что преобразило судьбу женщины Востока, Зульфия не может закрывать глаза на пережитки прошлого, которые порой еще гнездятся в нашей жизни.

Так рядом с образами волевых, гордых и сильных женщин-узбечек возникает в стихах Зульфий, как угрюмая тень минувшего, испуганная женщина в парандже.

Стихотворение «Женщина в парандже» также подсказано поэтессе реальными фактами.

Вот что рассказала мне Зульфия о том, как родилось это стихотворение.

Это было в 1950 году. Зульфия приехала в командировку в Наманган. Как всегда, у нее было много встреч — с работницами заводов, педагогами, с читательской аудиторией. Поэтесса познакомилась с женщинами, выполнявшими ответственную работу, с передовыми общественницами.

Проходя по улицам Намангана, Зульфия видела жизнерадостные лица девушек, студентов, молодые матери в городском сквере гуляли с своими малышами. Такая знакомая, привычная картина сегодняшнего советского города!

И вдруг на одной из цветущих его улиц встретила поэтессе молодая женщина, лицо которой было скрыто под густой сеткой чачвана. Это зрелище поразило Зульфью своей неожиданностью, своим контрастом по отношению ко всему, что она видела вокруг. И именно эта встреча, это резкое несоответствие между красочной картиной жизни современного советского города и мрачной тенью прошлого, вдруг мелькнувшей на его светлых улицах, и послужило толчком для написания стихотворения «Женщина в парандже».

Взволнованной лирической силой дышит это стихотворение.

Со словами, полными страсти и убежденности, обращается Зульфия к тем из узбекских женщин, которые еще не осознали до конца все величие моральных норм нового общества.

Поэтессе чуждо то фельетонное «обличительство», которое характерно для иных произ-

ведений на подобные темы. Она понимает, что перед ней — живой человек, запуганный и слабый, слепо покоряющийся изуверским обычаям прошлого. Человек, за которого надо бороться.

Но Зульфия знает и другое: переубедить этого человека нелегко, для этого нужны слова особые — самые искренние, самые прочувствованные, самые выстраданные. И Зульфия находит такие слова, она вступает в бой за этого человека. И трудно поверить, что взволнованная страстная речь ее пройдет мимо сердца той, кому она адресована.

Ты отгородилась от знакомых,
От весны, от света, от тепла.
То, что все уж бросили давно мы,
Почему с земли ты подняла?—

(Пер. Н. Гребнева)

с болью говорит Зульфия, обращаясь к своей героине.

И так же просто и человечко она взывает к ней: посмотри вокруг себя, одумайся, сопоставь свою судьбу с судьбами сверстниц и подруг и ты поймешь, как много ты теряешь в жизни, рабски следуя убогим и бесчеловечным нравам былого!

Сбрось с лица ты мрак многовековый,
На тебе не просто ведь чачван,
На тебе минувшего оковы,
Горестного прошлого туман,—

пишет Зульфия, обобщая свою мысль, доводя ее до образного символа.

В связи со стихотворением «Женщина в парандже» вспоминается статья Зульфий «О себе, своих близких и друзьях», написанная ею в 1957 году. Советская поэтесса дает в ней резкую отповедь буржуазному журналисту, сотруднику журнала «Эспри», опубликовавшему на его страницах клеветнические измышления о жизни женщин Советского Узбекистана, о нашей прессе.

Рассуждения автора статьи в «Эспри» кратко сводились к следующему. Он утверждал, что «традиции ислама» — затворничество в доме, замужество малолетних, многоженство, ношение паранджи и прочее — год от года стало захватывать все большее количество узбекских женщин. А для того, чтобы эти домыслы его выглядели более убедительно, он приводил целый ряд выдержек из советских газет, где говорилось о пережитках прошлого, порой еще встречающихся в нашей жизни.

Типичный пример «передергиванья» фактов, столь характерный для печати, которая служит нашим идеологическим противникам!

«Как ошибается автор статьи, как плохо знает он нашу жизнь и быт, как неумело пользуется советской прессой, — с возмущением писала тогда Зульфийа. — Ведь именно потому, что все эти пережитки прошлого дики и поразительны в наши дни, они попадают на страницы газет, как попадает в музей, в банку со спиртом какое-нибудь уродливое существо — дитя прекрасной матери-природы. Именно потому, что мы непримиримы к феодальному прошлому, к его отвратительным и гнусным заксням, мы на страницах газет судим тех, кто — что греха таить: есть еще среди нас

такие — хочет унижать достоинство женщины, обходя существующие советские законы.

Но если бы уважаемый автор «Эспри» читал бы наши газеты без чувства предубеждения и желания отыскать там только плохое, он должен был бы рассказать совсем другое об узбекских женщинах».

Полемизируя с буржуазным журналистом, Зульфия в своей статье приводит множество примеров, почерпнутых из нашей советской действительности,— примеров, ярко свидетельствующих о равноправии женщин в нашей стране, о выдающихся успехах, достигнутых ими во всех областях жизни. Она рассказывает о простой узбечке — Бикач Султановой, которая вырастила шесть дочерей. Все дочери Бикач получили образование. Советская страна доверила им большие дела. Зульфия называет имена и других женщин-узбечек, судьбы которых решительно опровергают домыслы автора статьи в «Эспри».

«Вместо того, чтобы выискивать в газетах фактики, долженствующие подтвердить его неправильные мысли, автору статьи следовало бы приехать в Узбекистан и лично познакомиться с узбекскими женщинами,— пишет Зульфия.— Можно было бы зайти в любой узбекский дом, и нигде не было бы видно ичкари; можно было бы отправиться в любой колхоз и всюду найти женщин-узбечек, стоящих во главе производства — председателя колхоза, бригадира или звеньевую...»

Да, мы гордимся нашими успехами, гордимся и замечательными делами советских женщин. Но это вовсе не исключает резкой критики недостатков, которые тормозят развитие

советского общества. Говоря о критике словами великого трибуна революции Владимира Маяковского, «это — лучшее из доказательств нашей чистоты и силы».

О том же прямо и открыто говорит в своей статье Зульфия: «Что же касается остатков феодального прошлого — то на них тоже не надо закрывать глаза. Да мы этого и не делаем, в частности — я не раз выступала против феодально-байских пережитков в нашем быту на страницах центральных газет. Я и впредь буду делать это каждый раз, как только столкнусь с отвратительным и гнусным отношением к женщине, героине всех моих стихов, подруге и спутнице. Если где-то за рубежами моей Родины видят в этом нашу слабость — что же, пусть остаются в неведении».

Стихотворение Зульфии «Женщина в парандже» — живой пример страстного, взволнованного выступления ее в защиту узбекской женщины, против тех, кто пытается еще порой унижить ее достоинство и честь. При том «методе доказательств», к которому прибегает автор статьи в «Эспри», он мог бы использовать и это стихотворение в таком, примерно, плане: посмотрите, мол, даже популярная поэтесса признает, что узбекские женщины носят паранджу! Но только лживая буржуазная пропаганда может с такой бесцеремонностью искажать действительность, представлять читателям в выгодном для себя свете случайные, единичные факты нашей жизни. Только глухие и озлобленные люди могут не услышать страстного призыва советской поэтессы, обращенного к женщине, еще не освободившейся от давно уже забытых всеми привычек былого:

Женщина, стой! Я жду ответа.
Подними чачван и погляди.
Видишь, сколько перед нами света?
Видишь, сколько счастья впереди?

«Мы хорошо знаем женщину-узбечку наших дней — труженицу и мать, с нежной, любящей душой и открытым миру сердцем, женщину, полную достоинства и силы, разумную и уверенную в себе, знающую и трудолюбивую, идущую по правильному пути,— с гордостью пишет Зульфия в уже цитированной статье.— Что бы ни думали, что бы ни измышляли наши недоброжелатели,— мы-то себя хорошо знаем. Знаем, что все правильно, что мы на хорошей дороге. И эта дорога идет вперед, прямо и четко, не петляя, не отступая в прошлое ни на шаг».

Высокой гордостью за свою современницу, советскую женщину, пронизано стихотворение Зульфии «Ответ узбечки Саодат американской госпоже». В этом произведении, написанном в публицистической манере, Зульфия говорит от имени своей героини — дочери простого пастуха, ставшей крупным ученым, доктором наук.

Саодат обращается к коллеге по профессии — американской женщине-геологу, наследнице миллионера.

Взволнованный монолог Саодат — ответ на письмо, полученное ею из Америки. В этом письме богатая американка самоуверенно и цинично рассуждала о том, что только деньги могут обеспечить человеку «положение в обществе», что профессия, работа сами по себе

ничего не дают человеку, тем более — женщине.

Ответ Саодат американской миллионерше — это убежденная речь советской женщины-патриотки, глубоко преданной делу народа, который дал ей образование, одарил ее счастьем творчества, поднял к вершинам знаний. Могут ли люди, подобные автору журнала «Эспри» или этой «узколобой американке», люди, весь круг интересов которых ограничен миром «бизнеса», жаждой добычи, понять бескорыстие и страстную идейную устремленность советского человека?

В споре Саодат с «американской госпожой» раскрывается резкое различие двух противоположных жизненных позиций, несовместимая разница идейных воззрений гражданина Страны Советов и представителя капиталистического мира.

Американка, которая кичится своим «текущим счетом» в банке, — и советская патриотка, для которой процветание любимой Родины — превыше всяческих личных интересов, как не похожи они друг на друга!

Так велик мой текущий счет —
Счесть его вам не хватит жизни.
Это — счет великих работ,
Счет строительства коммунизма!
Ваши платья оценит кто?
Круг бездушных дельцов, банкиров?
А моих одежд красотой
Восхищаются взоры мира.
Это — бархатный леса блеск,
Окаймляющий ширь пустыни,
Это — новых каналов всплеск,

Шелковистый, зелено-синий...
Новым солнцем озарена,
В пене хлопкового прибоя,—
Вот какая она, страна,
Та, что стала моей судьбою!

(Пер. С. Сомовой)

Так отвечает узбечка Саодат богатой американке — отвечает гордо и вдохновенно, создавая свою непосредственную причастность к великому подвигу советского народа — строителя коммунизма.

Стихотворение Зульфийи «Ответ узбечки Саодат американской госпоже» обличает духовное убожество рабов капитала, «рыцарей наживы», душа которых с младенческих лет убита «ядом золота».

Но если стихотворение «Ответ узбечки Саодат...» проникнуто разоблачительным пафосом, то совсем иными чувствами живет поэтесса, когда она обращается к простым труженицам зарубежных стран.

В статье «Я пою зарю» Зульфийа рассказывала о многих своих встречах за границей, писала о женщинах-крестьянках, работницах, с которыми ей доводилось подолгу беседовать. Эти разговоры, близкое знакомство с жизнью женщин—тружениц Индии, Шри Ланка, Египта, Японии привели ее к важному для понимания развития современного мира выводу. «Народы в своем стремлении к братству и дружбе едины,— утверждает Зульфийа.— Крестьянка из Шри Ланка проклинает войну так же, как и узбекская колхозница; индийская поэтесса прославляет в стихах мир и любовь к жизни как и мы, советские поэты».

Стремясь выразить общие духовные устремления простых женщин земли, Зульфия написала в 1956 году широко известное стихотворение «Не пройти войне!»

Война... Зульфия, так же как и каждый советский человек, знает, какие неисчислимые бедствия несет она с собой. До сих пор не утихает в сердце нашего народа боль утрат, понесенных нами в дни кровавой битвы с фашизмом — злейшим врагом человечества. Дети, оставшиеся сиротами. Миллионы женщин — матерей, жен и невест, счастье которых было смято, разрушено с гибелью их сыновей, мужей, женихов.

Память о потерях, понесенных советским народом в годы Великой Отечественной войны, двигала пером Зульфии, когда она писала стихотворение «Не пройти войне!». С этой памятью сливалась и вечная боль жителей Хиросимы, ставшей объектом атомной бомбардировки, и страдания корейского народа, героически отстаивавшего свою независимость в борьбе с американской агрессией, и гнев Вьетнама, поднявшегося на правый бой с империалистами.

Зульфия говорит в своем стихотворении от имени матерей — русских и узбекских, корейских и вьетнамских, — говорит от имени всех матерей мира, которые растят своих сыновей для труда и счастья, для процветания земли.

Матери! Не наше ль молоко
Человеческий вскормило род?
Пусть летит наш голос далеко,
Пусть к свободе голос наш зовет:

«Если встанем все, стена к стене,
Не пройти и не бывать войне!»

(Пер. С. Липкина)

Голос Зульфий, обычно мягкий и сердечный, становится в этих строках громким и призывным. И это наполняет стихотворение особой заразительностью, большой действенной силой. Не случайно оно было переведено на многие языки, нашло отклик в сердцах тысяч и тысяч женщин за рубежом, — так же, как и многие другие произведения Зульфий. Поэтесса Екатерина Шевелева писала о том, что Зульфий стала «одной из самых популярных поэтесс в Индии, Бирме, Шри Ланка, в Египте — в странах, где столько бед натворил колониализм».

В статье Зульфий «Я пою зарю» перед нами проходят эпизоды, выразительно и живо свидетельствующие о той общности чувств и мыслей, которая объединяет рядовых тружениц разных стран.

Поэтесса вспоминает одну из своих поездок в Индию.

«...Пора дождей, и на протяжении всего пути к деревне, где ждут нас, советских поэтов, для выступления, на тенты машин обрушиваются потоки теплой, благодатной воды... Вот и деревня, маленькая площадь у старого могучего дерева, глинобитные домики разбросаны вокруг. Под ливнем, будто не замечая его, ждут нас люди... И я вижу женщину, облитую струями дождя так плотно, что она кажется совершеннейшим созданием гончара, который украсил изящный кувшин блестящей поливой. Женщина слушает переводчика и,

шевелия губами, повторяет за нами слова. Разве ей мешает дождь? Или чужой язык? Она вся во власти поэзии и светится огнем вдохновения...

Или недавняя поездка в Японию. В этой стране, где люди полны какой-то особой грации, врожденного изящества и благородства, особенно страшны и мучительны лица тех, кто пережил ужас Хиросимы. Мы видели эти обожженные и обезображенные лица. Мы видели детей, ставших уродами еще в чреве матерей, попавших в зоны атомного отравления... Мы не могли ничего сказать друг другу: я и эта незнакомая мне японская женщина — переводчик был далеко, — и мы только крепко стиснули друг другу руки...

— Войны не будет! Мы не допустим ее! — так, наверное, сказала я японке.

Она ответила мне незнакомой фразой. Я не стала звать переводчика. Я поняла и так...»

Да, многое сближает простых женщин земли — тружениц разных ее уголков. Но где бы ни была Зулфия за рубежом — всюду она ощущает себя прежде всего посланцем великой Советской державы — страны победившего социализма. Каждое ее выступление за границей — читает ли она свои стихи, держит ли речь перед огромной аудиторией — пронизано гордостью за нашу социалистическую Родину, за советский народ, осуществивший заветные чаяния поколений и среди них — освобождение женщины. В ее словах труженицы Азии и Африки находят ответы на самые сокровенные свои думы и надежды.

А живым воплощением этих их надежд, светлым примером новой женщины Востока

является для них сама Зульфия — замечательный советский поэт, страстный художник и боец, крупный общественный деятель.

8

Лирика Зульфии...

В предыдущих главах этой книги разбирались многие лирические произведения талантливой узбекской поэтессы. Однако они не охватывают всего круга мотивов, близких сердцу Зульфии. Мир ее лирики чрезвычайно широк, и, говоря о нем, нельзя обойти молчанием целый ряд других произведений поэтессы, где раскрываются самые сокровенные ее чувства и мысли.

Но прежде чем продолжить разговор о лирических стихах Зульфии, следует остановиться на своеобразии лирики как поэтического жанра.

Советская лирическая поэзия пользуется заслуженной любовью читателей. В сокровищницу нашей многонациональной литературы вошли лирические произведения, созданные Маяковским и Твардовским, Максимом Рыльским и Галактионом Табидзе, Расулом Гамзатовым и Константином Симоновым, Хамидом Алимджаном и Гафуром Гулямом — невозможно перечислить все имена крупнейших наших поэтов, чей талант с особой силой раскрылся в лирике.

Когда мы читаем роман или повесть, эпическую поэму или драму, перед нами разворачивается целая цепь событий, раскрывается широкая панорама жизни. Герои этих произ-

веденный — если это талантливые, полнокровные произведения — раскрываются в действии, проходят через множество испытаний, формирующих их характеры. У автора такого произведения есть возможность показать героя в самых разнообразных обстоятельствах — в труде, в быту, в его отношении к окружающим, в трудные и радостные минуты его жизни. Иными словами, автор романа, повести, драмы может во всей полноте раскрыть характер героя, каким бы сложным этот характер не был.

У автора небольшого лирического стихотворения нет таких возможностей. Даже в том случае, если стихотворение это имеет сюжет, поэт не может вместить в свое произведение широкую, объемную картину жизни.

Но, несмотря на это, мы знаем, что порой небольшое, в четыре-пять строф, лирическое стихотворение может обладать огромной силой воздействия на читателя — воздействия, которое не уступает впечатлению от большого романа или драмы.

Можно привести немало примеров, убедительно доказывающих это.

Вспомним знаменитое стихотворение Константина Симонова «Жди меня», написанное в дни Великой Отечественной войны. Для миллионов бойцов Советской Армии, сражавшихся с врагом, это маленькое лирическое стихотворение звучало как заповедь, оно было для них хранительным талисманом — наполняло их сердца верой в преданность любимых, негасимой уверенностью в нашей победе.

А вспомним другое замечательное лирическое произведение той поры — стихотворе-

ние Гафура Гуляма «Ты не сирота»! Сердечный, по-отцовски нежный разговор поэта с ребенком, прошедшим через горе и испытания войны, нашел искренний отклик у тысяч и тысяч людей. Адресованное детям, стихотворение это с еще большей силой волновало взрослых. Многие из приходивших в Ташкентский эвакуопункт узбекских женщин говорили о том, что именно стихотворение «Ты не сирота» привело их к окончательному решению взять на воспитание обездоленных войной ребятнишек из России, с Украины, из Белоруссии. А как много значило это произведение для тех, кто сражался на фронте! Строки поэта вселяли в сердца воинов уверенность в том, что их маленькие дочери и сыновья, затерявшиеся в круговороте войны, найдут в эти суровые дни кров, пищу, добрую ласку.

Эти характерные примеры ярко подтверждают не раз высказывавшуюся в нашей критике мысль об огромных возможностях лирики.

«Небольшое стихотворение, несколько сжатых, сосредоточенных строф... способно оставить глубокий след в сердцах миллионов людей... способно обогатить, научить, вооружить человека, — пишет один из критиков. — К общей цели, стоящей перед всем искусством социалистического реализма, лирика идет особым путем, располагая особыми средствами и возможностями».

Какие же это средства и возможности?

Речь идет прежде всего об эмоциональной наполненности лирического стихотворения, о силе чувства, продиктовавшего его. Лирика не может быть холодной, описательной, не почувствованной. Все, о чем пишет поэт-лирик,

должно пройти через его сердце, и именно отношение его к изображаемому становится главным в лирическом стихотворении.

Но всякое ли лирическое произведение может найти отклик в тысячах и тысячах читателейских сердец?

Нет, отнюдь не всякое.

Вспомним судьбы произведений поэтов-декадентов, представителей «чистой поэзии», стихи поэтов-индивидуалистов, давно уже забытые.

Вспомним выступления в 20-е годы поэтов буржуазно-националистического толка у нас в Узбекистане. Их лирика, пропагандировавшая упаднические, пессимистические настроения, находила лишь считанное число «поклонников». Этими «поклонниками» были люди, страшившиеся, как и сами авторы стихов, победоносного наступления социализма. Широкие же круги читателей, миллионы тружеников Узбекистана, вступившие на путь строительства новой жизни, решительно отвергали это жалкое нытье, им по сердцу была другая лирика — оптимистическая, энергичная, звавшая их на труд и на подвиг. Потому-то с такой любовью и вниманием встретили узбекские читатели лирику Хамида Алимджана, Гафура Гуляма, Айбека, — лирику, выражавшую их собственные чувства и мысли.

Поэт, преданный народу, в своих лирических произведениях выражает передовые идеи эпохи, стремится раскрыть мироощущение множества своих современников, показать действительность в ее революционном развитии. Если художник живет интересами общества, то и собственные его чувства и мысли

вызовут неизменный отклик в народном сердце.

Лучшие произведения советской лирической поэзии потому и получили такую популярность у читателей Страны Советов, что глубоко личные переживания и ощущения их авторов совпадают с биением народного сердца; они, эти ощущения, близки и понятны людям разных возрастов, профессий, национальностей.

Все это в полной мере относится и к лирическим стихам народного поэта Узбекистана Зульфийи.

О чем бы ни писала поэтесса — будь то ее первые юношеские опыты, будь то ее лирика времен войны или стихи, написанные в послевоенные годы, — всюду мы видим неразрывную связь художника со своим народом, с его радостями и бедами, с его помыслами и славными свершениями. Даже самые драматические страницы лирики Зульфийи — ее стихи, посвященные памяти Хамида Алимджана — пронизаны чувством органической слитности с народом, который помог героине стихов одолеть трагизм одиночества, не потерять веры в жизнь.

От сердца к сердцу, что не так легко,
Я мост прокладываю стихотворный,—

пишет поэтесса. Проложить этот «мост», найти ключ к душе читателя, воплотить в стихе то, чем полнится эта душа, — высшее счастье для Зульфийи. И это относится в равной мере как к ее стихам открыто гражданского звучания, так и к произведениям, раскрывающим тончайшие оттенки человеческих чувств и настроений.

Перечитаем, к примеру, лирические строки Зульфий, посвященные природе. Ведь природа, как писал Владимир Луговской, играет в ее произведениях «огромную, иногда доминирующую роль».

Вспомним еще раз известное стихотворение Зульфий «Здесь родилась я», написанное в дни войны, или такие ее произведения, как «Расцветающий день моей Родины», «Моей подруге». В этих стихах Зульфий предстает перед нами как замечательный мастер пейзажа, художник-живописец, умеющий тонко и впечатляюще передать краски, звуки, ароматы родной природы.

Но само описание природы никогда не служит поэтессе самоцелью. Через отношение к природе Зульфий раскрывает характер своего героя, свое собственное мироощущение, раскрывает время, к которому относится действие произведения.

Так в строках стихотворения «Здесь родилась я» поэтессе талантливо удалось передать чувство благодарности советского человека своей социалистической Родине, которую он всегда готов защитить от ее недругов.

В поэме «Расцветающий день моей Родины» картина утреннего пейзажа символизирует счастье мирного труда советских людей.

А в стихотворении «Моей подруге» тот же утренний пейзаж рождает у поэтессы новые ассоциации — она говорит о светлом счастье женщины-узбечки, жизнь которой озарена нынче солнцем свободы и равноправия.

Возьмем для примера еще одно «пейзажное» стихотворение Зульфий, написанное в

1949 году,—«Соловей». Вот начало этого стихотворения:

Плеск воды, блеск звезды, трепетанье ветвей,
Влажных роз молодое цветенье...
И поет соловей, друг цветов соловей,
Прославляя весны вдохновенье.
Под луною разносится звонкая трель —
Соловьиная льется газель...

(Пер. С. Сомовой)

Когда читаешь эти строки, словно бы вместе с поэтессой окунаешься в пленительную прохладу ночного сада, вдыхаешь нежный запах роз, слушаешь переливчатые соловьиные трели.

«Но ведь этот пейзаж традиционен для поэзии Востока!— могут возразить иные ценители поэзии.— Разве эти розы и соловьи не встречались великое множество раз в произведениях старых мастеров, в узбекской классике?»

Безусловно, в этом стихотворении Зульфия следует традициям восточной поэзии. Следует, не скрывая этого. Но когда дочитываешь стихотворение до конца, понимаешь, для чего понадобилось поэтессе вновь обратиться к традиционным образам восточной лирики. Описание ночного сада — лишь экспозиция стихотворения для поэтессы — оно лишь повод для того, чтобы высказать собственные чувства, которые характерны именно для советского человека. Она обращается к соловью — «другу цветов», вечному спутнику лирической поэзии:

Ты постой, соловей. Ты не пой, соловей,
Дай свой голос попробую я.
Может быть, этой песне весенней моей
Улыбнутся сердечно друзья.
Я спою про счастливую долю мою.
Про любимую землю спою.

Так поэтесса вступает в спор с привычной трактовкой традиционных образов. Ее, как и поэтов прошлого, тоже глубоко трогает пение соловья, но его «вечная» песнь не может заглушить в ее душе иной песни — песни о своем свободном, радостном крае, о счастливой доле советского человека. Да и сама тональность стихотворения, светлая улыбка, которая пронизывает его, свидетельствуют о том, что оптимистические строки эти родились именно в наше время, когда человек стал иными глазами смотреть на все, что его окружает, и в том числе — на природу, нежную и прекрасную.

Новый, не знакомый поэзии прошлого лирический характер раскрывается и в таких стихах Зульфий, посвященных природе, как «В сосновом лесу», «Снег», «Осень».

В стихотворении «В сосновом лесу» (1947) оживают перед нами непроходимые чащи Кавказских гор, их каменистые скалы, трудные тропы, перегороженные лесными великанами — соснами, ветвистым кустарником. Но героиню стихов не страшат препятствия, она упрямо продвигается вперед, к вершине, чтобы своими глазами увидеть оттуда сияющую картину солнечного восхода.

Утро! Зеленой росинкою света
Ты и в моих засверкало стихах!

(Пер. С. Соловой)

Этими строками заканчивается стихотворение, и в них — торжество человеческой воли и упорства, победа человека над суровыми силами природы.

Стихотворение Зульфийи «Снег» (1950) написано мягкими, акварельными красками. Поэтесса рисует зимний пейзаж, находит точные, запоминающиеся образы. У нее «снежинки кружатся, легки, как белых вишен лепестки», а «солнце с облачной горы глядит на новых санок бег, на игры шумной детворы».

Но все эти приметы зимы тоже могли бы остаться лишь описанием, если бы Зульфийа ограничилась только ими. Нет, мысль поэтессы значительнее, весомей — это мысль о предчувствии весны, которым полнится все вокруг — природа, земля, люди.

Любимый образ Зульфийи — образ весны — раскрывается здесь в диалектическом движении, в развитии. Пускай «земля в снегу, ручьи во льду», пускай снег еще замедляет дороги, — скоро, очень скоро придет час, когда вся природа пробудится для нового расцвета. И в холодную стужу все на нашей земле — люди, сады, поля — живет единым порывом, единым стремлением, мечтой о том, чтобы мир стал еще прекраснее и богаче. Так в стихотворении возникает образ человека-труженика, хлопкороба, который задолго до начала полевых работ готовится к будущему труду.

Под мягким снегом спит земля,
В тулупе белом хлопковод
Обходит снежные поля,
И дням холодным счет ведет,

И видит в серебре воды
Весны незримые следы.

(Пер. С. Сомовой)

В этих строках раскрыто светлое, жизнерадостное мироощущение человека труда, его уверенность в будущем, его хозяйская забота о родной земле, о счастье других людей.

Стихи Зульфийи о природе неразрывно связаны с человеком. Они раскрывают разные грани чувства — радость и боль, восторг бытия и душевную тревогу — тревогу о не-сделанном, еще несвершенном.

Такие стихи Зульфийи, как «Осень», «Дерево», насквозь пронизаны этой тревогой, раздумьями поэтессы о краткости человеческого существования, жаждой прожить жизнь с полной отдачей сил и сердечных чувств.

Стихотворение «Дерево» (1961) глубоко драматично по своему содержанию. Поэтесса рассказывает в нем об одиноком дереве, которое гнется под безжалостным ветром, из последних сил сопротивляется его вихревой атаке, все сметающей на своем пути. Только художник, нежно и страстно любящий природу, мог с такой поэтической силой описать муки одного из ее бессловесных живых существ — простого дерева:

Истекало, бессильное, кровью зеленой,
О пощаде дрожанием веток моля.
Ветер бил его в злобе своей непреклонной.
И от боли вздыхала земля.

(Пер. С. Липкина)

Не устояв перед злым и властным напором ветра, одинокое дерево рухнуло, сломалось.

Вот, казалось бы, и все — картина, написанная так впечатляюще, взволнованно, завершена.

Но и тут Зульфия не останавливается только на внешнем изложении происшедшего.

Конечно же, это стихи о дереве. Но за рассказом поэтессы проглядывает и определенная человеческая судьба. По внутреннему замыслу своему — это стихи об одиночестве, которое так страшно не только для дерева, но еще более для человека. Стихи о том, как слаб и бессилён человек перед трудностями жизни, если он сторонится людей, замыкается лишь в себе самом.

Конечно, жизнь сложна: неожиданная беда может остановить дыхание любого из нас,— размышляет поэтесса. Но если ты жил не только для себя, если ты отдавал свой труд, свое сердце другим людям,— жизнь твоя будет продолжаться в их делах, ты навсегда останешься с ними. Физическая смерть человека, преданного народу, не в силах погасить пламень его души, который всегда будет согревать сердца потомков.

Об этом — заключительные строки стихотворения, очень личные по смыслу, но содержащие в себе большое обобщение:

Может быть, упаду я, как дерево это,
Но мой день будет вечно цвести.

Так под пером поэтессы строки о смерти становятся стихами о бессмертии каждого, кто отдал себя народному делу.

Стихотворение «Осень» (1961) по мысли своей во многом перекликается с «Деревом».

Осень — пора увядания природы, время итогов — заставляет поэтессу задуматься о прожитой жизни, где «нередко несчастьем сменяется счастье».

Да, говорит Зульфия, каждый человек проходит через множество жизненных испытаний. Но поистине счастливым может себя чувствовать лишь тот, кто в трудную минуту сумел найти живой контакт с людьми, доверил им свою беду и тем самым почерпнул силы из могучего источника народной жизни. Зульфия раскрывает в этом стихотворении собственную судьбу — судьбу советской женщины, испытавшей боль тягостной потери, но не сдавшейся перед этой болью. В своем труде, в творчестве, отданном народу, поэтесса нашла ту жизнетворную силу, которая помогла ей выстоять в борьбе с испытаниями.

Пусть валил меня вихрь, я опять поднималась,
Снова пламя струилось по веткам моим.
Мало было плодов, но и самую малость
Я наполнила жаром и чувством живым:
Пели песню мою близкий друг и далекий,
И порою перо пламенело в огне...
Если завтра мои прочитаете строки,
Пусть вам светит, как пламя, рассказ обо мне.

(Пер. С. Липкина)

В строках этих Зульфия говорит о той необходимости людям, которую обрели ее произведения, говорит со скромностью, всегда ей свойственной («мало было плодов...»),

но и с искренней гордостью, с большим чувством человеческого достоинства.

А поводом для этого серьезного, чрезвычайно важного разговора послужил поэтессе такой привычный, знакомый каждому осенний пейзаж.

Замечательный советский поэт Михаил Васильевич Исаковский как-то писал: «В стихах поэта неизбежно проявляется не только его поэтическое мастерство, не только его умение говорить в поэтической форме о тех или иных явлениях жизни, но одновременно в них проявляется и характер самого поэта, его личность, его индивидуальные человеческие качества» (рядка моя.— А. А.).

Эти слова в полной мере можно отнести и к поэзии Зульфийи, к ее лирике.

Каждое произведение поэтессы, чему бы оно ни было посвящено, раскрывает перед нами характер самого автора, мир его чувств и настроений.

Читая стихотворение Зульфийи «В сосновом лесу», написанное вскоре после смерти Хамида Алимджана, мы понимаем, какими ощущениями поэтессы оно диктовалось, почему так важен для нее мотив человеческой воли и упорства в преодолении трудностей. То же самое мы можем сказать и о таких лирических произведениях Зульфийи, как «Дерево» или «Осень».

А стихи Зульфийи, посвященные ее подругам — узбекским женщинам! Поэтесса никогда не выступает в них просто рассказчиком, бесстрастным «регистратором событий». Нет, в каждой ее героине — частица ее собственного

сердца, она наделяет своих героинь собственными представлениями о жизни, своим мироощущением и близкими ее характеру человеческими свойствами.

А теперь обратимся к любовной лирике Зульфий — стихам, воспевающим одно из самых прекрасных чувств, свойственных человеку.

Конечно же, вершина этой лирики у Зульфий — стихи, посвященные памяти Хамида Алимджана. Этим стихам были отведены в настоящей книге многие строки. Но мы должны вспомнить и другие произведения поэтессы, где тема любви нашла тонкое и своеобразное воплощение.

Таково, к примеру, стихотворение «На мосту», написанное в 1947 году. Это мягкий, согретый доброй улыбкой рассказ о свидании двух влюбленных — узбекских юноши и девушки. В чем-то он перекликается со стихотворением Зульфий «Признание», которое было создано ею в дни войны. Герой стихотворения «На мосту», так же, как герой «Признания», настойчиво добивается от своей подруги ответных слов о любви. Пылко и страстно говорит он ей о чувствах, которые переполняют его сердце.

«Хоть верь, подруга, хоть не верь,—
Так юноша твердит,—
Но для меня весь мир теперь
В тебе единой слит».

(Пер. С. Сомовой)

Однако девушка медлит с ответом — «ни да, ни нет не говорит она». Юноша мучительно

ищет разгадку ее молчания. И это еще больше накаляет его чувство, заставляет бережнее относиться к той, что стала его любовью и судьбой.

В стихотворении юноша так и не получает ответа от своей любимой. Но читатель догадывается о дальнейшем: в последней строфе стихотворения поэтесса с помощью тонких лирических средств «намекает» на счастливую развязку событий:

В прохладный вечер над ручьем
Две пары глаз горят.
И звезды с месяцем тайком
О счастье говорят.

А вот другое стихотворение, созданное поэтессой почти двадцать лет спустя, в 1965 году, — «Вечер». И его герои — двое влюбленных. Им, выросшим в Советской стране, нет нужды прятать от людей свое чувство. Поэтесса находит свежий, запоминающийся образ: молодые люди, воспитанные новым строем, напоминают ей «саженцы, что вырастали дружно». Любовь для них неотделима от высоких помыслов, которыми живет каждый советский человек, от труда, от веры в будущее. Потому-то в беседу молодых людей с такой нежностью вслушивается и «ветер луговых раздолий», и «трудолюбивое родное поле». Ведь это они возделывают это поле, своей заботой и трудом украшают землю, делают ее еще богаче и прекрасней. И любовь их так же прекрасна и поэтична, как их труд.

Как уголь в кузне, остывает день.
Предвестник ночи — месяц — на востоке.

Но двум сердцам чужда ночная тень:
В них разгорается огонь высокий.

(Пер. С. Липкина)

«Высоким огнем» любви ярко озарены и такие стихотворения Зульфий, как «Сирень», «В океане», «Любовь». Это стихи о трепетном и сильном чувстве, о верности и преданности любимому человеку, о том, какие безмерные душевные глубины раскрываются в каждом, кто испытал счастье любви.

«Когда любишь, то такое богатство открываешь в себе, столько нежности, ласковости, даже не верится, что так умеешь любить», — писал Антон Павлович Чехов.

Схожую мысль высказывает Зульфийа в стихотворении «Любовь». Это прекраснейшее из чувств обновляет человека, говорит она. Огонь любви

...спрятан в нас, как искра в камне,
Но стоит ей сверкнуть хоть раз,
Все безразличье разом канет,
Вся холодность покинет нас.
И счастья лик, едва разгадан,
Глядит из каждого окна,
И сердца солнцем незакатным
Любая даль освещена.

(Пер. А. Наумова)

Говоря о лирике Зульфийи, хочется привести еще одно высказывание Кайсына Кулиева.

«Выдающийся грузинский лирик Тицнан Табидзе писал, что поэзия и под чадрой бывает такой прекрасной, что невозможно в нее не

влюбиться. Это верно. Но поэзия Зульфийи прекрасна без чадры и паранджи. Ее лицо, к счастью, открыто с самого начала свету, небу, снегу, звездам, дождю, рассвету, полдню, вечерним сумеркам, лунному свету, и оно действительно прекрасно, как и лицо самого поэта».

Эти образные слова очень точно характеризуют одно из важнейших свойств лирики Зульфийи — ее оптимистический пафос, то светлое, жизнерадостное восприятие мира, которое всегда живет в стихах поэтессы.

В 1961—1962 годах Зульфийа создала цикл лирических стихотворений, который сразу же привлек внимание читателей.

Речь идет о стихах поэтессы, написанных после поездки в братский Казахстан.

Порой в читательском представлении жизнь поэта выглядит как ровная, гладкая дорога. Идет по этой дороге беззаботный путник — поэт и заносит в свой блокнот все, что видит и слышит. А потом зарифмует свои впечатления, и — стихи готовы.

Конечно же, далеко не все читатели так представляют себе поэтическое творчество. Но порой на читательской конференции или на встрече в библиотеке нет-нет да и услышишь нечто подобное. Лично мне, признаюсь, приходилось встречаться с этим не раз. Немалого труда стоит иногда убедить такого человека в том, что представления его — ошибочные, поверхностные. Поэтический труд требует не меньше духовных и физических затрат, чем любой другой труд.

Почему я заговорил обо всем этом именно сейчас?

Казахский цикл Зульфьи открывается искренними, предельно-откровенными, безжалостными к себе строками:

В какую бездну сбросить я смогу
Все то, что путешествовать мешало?
В огне какого гнева я сожгу
Мое перо, что долго так молчало?

(Пер. С. Липкина)

Зульфья рассказывала мне о трудном для нее периоде творчества, предшествующем поездке в Казахстан. Все, что она писала в ту пору, рождалось очень тяжело, стихи, как говорят поэты, «не шли», каждая новая строка стоила мучительных усилий.

И вот она — член делегации, посланной в Алма-Ату для участия в Декаде литературы и искусства Узбекистана. Зульфья поехала в Казахстан без традиционного подарка — новых стихов, которых у нее в тот момент просто не было.

Впечатления, полученные ею в этой поездке, переполнили поэтессу и вылились в нежный и задушевный цикл стихотворений.

«Она получила от братского Казахстана лучший дар друга — вдохновение», — пишет В. Панкина.

Зульфья рассказывает о казахских стихотворениях: каждое из них родилось из ощущений реальной жизни, каждое подсказано ей конкретным фактом, живым наблюдением.

В один из вечеров казахские друзья повезли Зульфью на озеро Балхаш. Когда машина остановилась у берега, было совсем темно. Только тропка лунного света зыбко трепетала

на бескрайней глади озера. Зульфия долго любовалась молча волшебной красотой казахской ночи.

Неподалеку рыбаки разжигали костер. Зульфия и ее спутники подошли к ним. Рыбаки приветливо встретили гостей. Один из них, старик, протянул Зульфие пиалу свежего кумыса: «Выпей, дочка, все здесь твое. Вот вытащим сеть и первую рыбу подарим тебе».

Обещание было выполнено, и через некоторое время в руках у Зульфии, поблескивая чешуей, лежала небольшая рыбка.

Легко и тепло чувствовала себя Зульфия с этими людьми, и когда наступил час прощаться, она побеседовала: «Обязательно напишу стихи о нашей встрече, об этом вечере».

Так родилось стихотворение «Вечер на Балхаше». В нем оживают все подробности этой памятной для Зульфии ночи: и таинственное волшебство озерной шири, и разговор с рыбаком, и эта рыбка — добрый подарок новых друзей.

Но стихотворение могло бы превратиться в обыкновенную зарисовку, если бы Зульфия не наполнила его своим лирическим волнением, если бы она не нашла этого плавного, размерного ритма, напоминающего тихий плеск волны, если бы поэтический язык ее не украсили живые метафоры, образные сравнения.

Рыбу испугнуть я боюсь, будто слово: вот так
В муках рождается строчка.
Свежий кумыс предлагает мне старый рыбак:
«Выпей, поможет он дочка!
Все здесь твое. Наше счастье придет, погоди,

Скоро с добычей мы будем». Рыбкой трепещет волна. Сердце бьется в груди...
Счастье так надобно людям!

(Пер. С. Липкина)

Живой рассказ об увиденном перемеживается у Зульфийи с ее собственными размышлениями и чувствами. Видя нелегкий труд рыбаков, она думает и о муках поэтического творчества, находя между тем и другим черты сходства. А слова рыбака о счастье, которое он связывает с уловом, заставляют ее задуматься о том, как вообще «надобно» оно людям, каждому в отдельности и всем вместе!

Завершая стихотворение, Зульфийя находит изящный, почти «сказочный» поворот сюжета, заставляющий вспомнить знаменитую пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке». Лирическая героиня стихотворения обращается к рыбаку с просьбой вернуть рыбе свободу, отпустить ее обратно в озеро. И добрый рыбак соглашается, но только при одном условии:

«Ладно,— рыбак говорит,— но тогда сотвори
Песню такую, как это
Чистое озеро в блеске вечерней зари.
В золоте лунного света!»

И Зульфийя «сотворила» такую песню — пленительную и задушевную песню о людской доброте, сердечном взаимопонимании, братском гостеприимстве.

Стихотворение «Тюбетейки с пушистыми султанами», как и «Вечер на Балхаше», также было подсказано поэтессе живыми впечатлениями от увиденного. Зульфийя говорит в нем

об удивительной красоте казахских девушек, «лебедей белоснежных, властительниц края»,

«Когда узбекские гости встретили веселую гурьбу юных казашек в тюбетейках с пушистыми султанами,— с улыбкой рассказывала мне Зульфия,— один из членов делегации, молодой узбекский литературовед, чуть не потерял сознание, так поразила его их красота...»

Все это и в том числе бурный восторг молодого литературоведа, нашло свое отражение в стихотворении. Но и здесь поэтесса не просто ограничивается описанием увиденного. Для того, чтобы перед читателем раскрылась вся грация и царственная прелесть казахских красавиц, Зульфия находит чуть замедленный, чарующий своей томностью ритм, словно бы воссоздающий движения казахского народного танца.

И шуршат, и скользят, и трепещут с оборками платья,
Будто выросли чудом на тропке засохшей цветы.
Улыбаются губы, и в сердце готова принять я
Прелесть этой улыбки, сияющий свет доброты.

Русский перевод, конечно, несколько видоизменяет ритмический рисунок стиха, но талантливый поэт Семен Липкин, которому принадлежит этот перевод, сумел в живом соответствии с оригиналом передать его размеренное, музыкальное звучание.

Рисую облик казахских девушек, рассказывая о прекрасном их наряде, о «чудесном уборе, оставшемся с давних веков»,— тюбетейках с пушистыми султанами, Зульфия говорит о том, как гармонично соединяется в ее героинях внешняя красота с красотой внутренней, душевной.

Снова вспоминаются чеховские слова, известные каждому: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...»

И казахские девушки, похожие на «степи весной», воплощающие в себе молодость нового, Советского Казахстана, олицетворяют для Зульфийи эту удивительную гармонию прекрасного:

Понимаю: как видно, красавицы эти в наследство
Получили изысканный вкус от своих матерей,
Поэтичную душу, способную с самого детства
Ощущать красоту, от которой на сердце теплей.

Но замысел стихотворения не исчерпывается этим. Поэтессе необходимо сказать и о том, как сближает людей разных национальностей это глубоко народное стремление к красоте, как роднит простых тружеников их душевная щедрость, сердечное взаимоуважение.

Стихотворение заканчивается строками, в которых Зульфийа обращается к памяти собственного детства, к тем дням, когда только начинал складываться ее характер. Читая эти искренние лирические строки, мы еще лучше начинаем понимать, откуда берут начало те свойства Зульфийи как поэта и человека, которыми пронизано все ее творчество,— сердечная широта, приветливая доброжелательность, любовь ко всему прекрасному на земле.

Вот они, эти строки:

В раннем детстве и я тюбетейку носила.
Я добром поминаю мою незабвенную мать,
Что меня уважать и ценить красоту научила
И обычаи наших друзей всей душой понимать.

Так мягкое и очень конкретное по материалу лирическое стихотворение становится задушевной песнью о внутреннем, духовном родстве людей труда, приобретает обобщенное поэтическое звучание.

Этими же качествами привлекают и другие стихи Зульфий, вошедшие в казахский цикл,— «Чародейство облака», «Кокчетау», «Навстречу песне Алатау».

В стихотворении «Чародейство облака» поэтесса вновь обращается к природе. «Не нравились мне раньше облака»,— признается она. Но когда она побывала в горах Казахстана, когда мягкие облачные клочья прикоснулись к ее щекам, иное ощущение возникло в сердце Зульфий.

Поэтесса рассказывала мне, какое волнение охватило ее, когда там, на вершине хребта, она вдруг оказалась рядом с облаками. Ей вдруг по-человечески стало жалко их, как жалеют живые существа. Эти «пасынки небес», которых «не принимает небосвод и от себя земля сурово гонит», уныло скитаются в бескрайнем просторе, не находят себе пристанища и покоя.

«Тучки небесные, вечные странники...»— писал когда-то Лермонтов. О «вечных странствиях» облаков говорит в своем стихотворении и Зульфий, говорит об их «бессмысленном чародействе», о беспечности их существования.

Образная фантазия поэтессы подсказывает ей слова разумного совета, обращенного к облаку, которое Зульфий «очеловечивает», наделяет слухом и зрением:

О пасынок небес, твоя игра
Бессмысленна, но чистым станет небо,
Как только ты пойдешь путем добра,
Да и земля получит вдоволь хлеба.
Мир засверкает шире и светлей,

Земной простор не будет затуманен,
Ты сделаешься нужным для полей,
Не чародей, а хлопкороб-дехканин.

(Пер. С. Липкина)

И здесь, в типично «пейзажном» стихотворении, вновь звучит мотив, столь характерный для лирики Зульфии. Она отвергает красоту бесцельную, бездеятельную. Подлинно прекрасно лишь то, что идет «путем добра», что украшает и облегчает жизнь человека.

Призывая облако «стать зерном», «раскрыться хлопком на родной равнине», поэтесса говорит о трудолюбии советских людей, о поэтичности их сердец. Эти сердца, открытые и восприимчивые ко всему прекрасному, жадно ждут «весенней влаги», так же как ждут они задушевного поэтического слова.

Пойдем по той земле, где нет сирот,
Где не в почете у людей бродяги.
До встречи на земле, где ждет народ
Сердечной песни и весенней влаги!—

обращается поэтесса к облаку, и слова ее пронизаны гордостью за свою страну, за миллионы ее тружеников, воздвигших непобедимую и прекрасную державу социализма.

Цикл казахских стихов стал для Зульфии новой ступенью ее поэтического развития.

Его по праву можно считать одним из высших достижений ее лирики. Поэтесса добилась в этих произведениях той «плотности», насыщенности стиха, которые характерны только для мастера. Непосредственное лирическое чувство сочетается в стихотворениях о Казахстане с широтой обобщений, с мудрым опытом зрелости.

Казахский цикл стал предшественником новых книг Зульфий, ярко раскрывших многогранный талант замечательной узбекской поэтессы.

«Каждая новая книга мне дается труднее предыдущей. Но мне всегда она нравится больше прежней до той поры, пока не складывается новый сборник стихотворений. Бывает, что между книгами проходит не один год. Но упрекнуть себя в том, что время проходит даром, я не имею оснований...»

Так говорит о себе Зульфия.

Своеобразна история рождения ее книги стихов «Думы», первое издание которой вышло в 1965 году.

Книга эта вобрала в себя обширный запас напряженных раздумий поэтессы о жизни, богатство ее наблюдений, разнообразную гамму чувств и переживаний. В каждом из стихотворений книги сконцентрирован большой жизненный и творческий опыт художника, опыт, который находит выражение в прочувствованных, обращенных к самому сердцу читателя, строках.

Когда читаешь строки «Дум», кажется, что рождались они медленно, каждое слово выверялось поэтессой, каждая строфа вынашива-

лась и «обтачивалась» ею постепенно, неспешно, с мудрым спокойствием зрелости.

А между тем вся книга была написана Зульфией за один месяц.

В связи с этим вспоминается эпизод из жизни прекрасного советского поэта, лауреата Ленинской премии Михаила Аркадьевича Светлова. Речь идет о рождении его знаменитой «Каховки».

Известно, что «Каховка» была написана Светловым очень быстро — всего за час. Однажды к поэту зашел его знакомый, кинорежиссер, снимавший картину «Три товарища».

— Для фильма нужна песня, — сказал он. — Причем нужна очень срочно. Мы решили, что ты должен сегодня же написать к ней стихи.

Михаил Аркадьевич расспросил режиссера о фильме, о его содержании и сел за стол.

Уставший от съемок режиссер прилег на диван отдохнуть и задремал. Через час Светлов рабудил его.

— Вот, — сказал он, протягивая лист бумаги. — Песня готова.

Так появилась на свет «Каховка» — песня о гражданской войне, о молодости поколения, защитившего революцию от ее врагов.

Много позже, когда Светлова спросили: правда ли, что он так быстро сочинил эту знаменитую песню, — Михаил Аркадьевич, подумав, ответил:

— Я писал «Каховку» час — и всю свою жизнь!

Все поняли смысл этих слов.

«Каховка» действительно родилась всего за час, но для того, чтобы написать ее, поэт должен был сам пройти окопы гражданской

войны, ощутить свою непосредственную причастность к подвигу поколения, осмыслить его опытом художника и гражданина. В песне, завоевавшей всенародную популярность, вылилось то, чем всегда жил поэт, отразилось накопленное им за многие годы жизни...

Я вспомнил этот эпизод потому, что слова Светлова о том, как родилась «Каховка», своеобразно перекликаются с тем, как возникла книга стихов Зульфийи «Думы».

«Я думаю, судьба поэтической вещи в сознании поэта подобна судьбе зерна,— говорит Зульфийа.— Когда-то она — факт, наблюдение, эмоция, не ставшая еще мыслью; мысль, еще не вобравшая эмоций,— падает в почву, лежит и набухает там, понемногу превращаясь из сухого зернышка во влажную массу, где в середине формируется зеленый зародыш, в пищу для будущего ростка. И, наконец, какой-то толчок влаги, тепла, доброй и зовущей погоды — и начинается новая жизнь: ростки выходят из темноты на свет. Сроки тут, конечно, могут быть разные; вероятно, замыслы, как и хлеба, есть озимые и яровые, одни всходят вскорости, другим надобно перезимовать в сознании. Но свой срок должен отлежать каждый, и каждый должен дожидаться внешнего толчка, благоприятной погоды...»

Вот таким «внешним толчком», вызвавшим благодатные всходы, стал для Зульфийи июнь 1965 года, прожитый ею в Вуадиле, под Ферганой, в одном из красивейших мест Узбекистана.

Зульфийа рассказывала мне предисторию ее поездки в Вуадиль.

В конце 1965 года республика готовилась

отметить 50-летие поэтессы. Незадолго до этого состоялся юбилей другого крупного поэта. Выступая на торжественном вечере, посвященном этому событию, юбиляр прочитал одно из известнейших своих стихотворений, — оно было написано много лет назад. Сидя в зале, Зульфия услышала за своей спиной реплику одного из присутствующих — реплика относилась к юбиляру: «Удивительно, почему он читает свои старые стихи? Неужели он не написал ничего нового даже к своему юбилею?»

Это замечание заставило Зульфию задуматься. Ей не хотелось, чтобы и на ее вечере прозвучало нечто подобное.

С такими мыслями она поехала в Подмосковье, в дом творчества писателей «Малеевка».

Стояла зима. Зульфия бродила по заснеженным лесным тропам, спускалась к замерзшей реке, любовалась зимним сказочным великолепием русской природы. Но отважиться на то, чтобы писать об этой природе, она не могла. В ее памяти всплывали строки гениев русской поэзии, обращенные к этим белоснежным полям и лесам, и она думала о том, что ей не удастся с такой же силой воспеть красоту русской зимы.

Срок путевки еще не кончился, а Зульфия уже летела домой, в Узбекистан.

Весна прошла в заботах, в редакционных журнальных делах, а в июне Зульфия оказалась в Вуадиле.

Она жила здесь в тишине и одиночестве, вдали от городского шума, от привычных хлопот. Ее окружала природа, родная с детства, тысячелетние чинары бросали под вечер на дорогу свою длинную тень, вдали расстила-

лись бескрайние хлопковые поля, а когда опускалась ночь, звезды спускались над долиной так низко, что казалось — их можно достать рукой.

Три первых дня прошли в сосредоточенных размышлениях; за это время не было написано ни одной строки, нужно было перестроиться, обрести внутренний покой. Зульфия подружилась с тринадцатилетней русской девочкой, дочерью повара, Наташей. Наташа водила ее по Вуадилю, показывала ей его заветные уголки, рассказывала что-то, — Зульфия слушала ее, но думала о своем, вдохновение уже начинало властно тревожить ее.

На четвертый день начали рождаться строки. Они возникали одна за другой, легко и свободно, торопя друг друга, спеша излиться на чистый лист бумаги. Написав одно стихотворение, Зульфия тут же начинала другое. Она не чувствовала ни усталости, ни внутренних терзаний, стихи лились как живая речь — раскованно, непринужденно... Никогда еще не испытывала Зульфия такого чувства поэтической свободы...

Так родились стихотворения «Думы», «Садовнич», «Вишни», «Небольшое селение», «Вечер», «Такое сердце у меня», маленькая поэма «Звезды Вуадиля» и целый ряд других произведений.

Это стихи разные по содержанию, разные по своим поэтическим особенностям, но их роднит нечто общее: каждое из них «выплеснулось» из сердца поэтессы как итог прожитого, итог многолетних раздумий, творческих исканий.

Перефразируя слова Михаила Светлова,

можно сказать, что Зульфия писала свои «Думы» месяц — и всю свою жизнь.

В одном из стихотворений книги Зульфия говорит:

Я томлюсь такой же светлой жаждою,
Как пустыня, ждущая канала.
Кажется, такую мощь познала,
Что легко поднять мне шар земной.

(Пер. С. Липкина)

Только человек, проживший большую жизнь, прошедший через многие испытания и одолевший их, может испытывать чувство этой безграничной внутренней «мощи», перед которой отступают любые трудности и беды.

Но эта «мощь» не могла бы родиться в сердце Зульфии, если бы она не ощущала себя частицей могучей силы, имя которой — советский народ.

Невольно вспоминаются известные строки литовского поэта, лауреата Ленинской премии Эдуардаса Межелайтиса, перекликающиеся со строками Зульфии:

В шар земной упираюсь ногами,
Солнца шар я держу на руках.
Так стою меж двумя шарами —
Солнечным и земным...

(Пер. Б. Слуцкого)

Близость этих строк — не только в образном сходстве, но и в том внутреннем родстве, которое объединяет героев Межелайтиса и Зульфии.

«Я человек. Я коммунист», — с гордостью

говорит о себе герой Эдуардаса Межелайтиса. И вслед за ним с той же высокой гордостью может повторить эти слова героиня Зульфий. Оба поэта утверждают в своих стихах мысль о высоком призвании Человека, рожденного для добрых дел на земле, преобразователя мира, создателя, творца.

Отниму могущество у слова,
У неугасающей звезды,
У горы, у горной той гряды,
Что, как мой отец, седоголова,
У речной стремительной воды,
Что блестит, трепещет каплей каждою...—

пишет Зульфийа. Ее героиня, так же как и Человек Эдуардаса Межелайтиса, чувствует себя всесильной и могучей, ибо она свободна от пут собственничества и рабской зависимости от былых «хозяев жизни», душа ее открыта для всего прекрасного, она сама вдохновенно создает красоту нового мира.

То парю я над страной, как птица,
То свой мед коплю я, как пчела.
И покуда сердце будет биться,
Для людей готова я трудиться...

«Трудиться для людей» — в этом народный поэт Узбекистана Зульфийа видит свое призвание, свою творческую и человеческую обязанность. Воспитанную Советской Родиной, партией Ленина, ее всегда томит «светлая жажда» добра, которое она должна нести людям; вот почему она чувствует себя «дехканином пера», вечной труженицей, щедро раздающей народу

сокровища своей души. В общении с людьми черпает она силы и вдохновение,— даже простая пиала чая, поднесенная ей в минуту усталости старым колхозником, представляется поэтессе «живой водой», волшебной влагой, воскрешающей ее для новых трудов,— об этом стихотворение Зульфийи «Небольшое селение».

Характерно для всего облика поэтессы искреннее признание, которое звучит в лирическом стихотворении «Такое сердце у меня»:

Такое сердце у меня, что в нем
Как будто бьются все сердца людские...

(Пер. С. Липкина)

Эта душевная отзывчивость Зульфийи наполняет ее стихи особым теплом и приветливостью. В книге «Думы» мы найдем стихи о счастье двух влюбленных и о горе женщины, подруги, рано оставшейся вдовой, строки о трудных исканиях художника и светлые, радостные картины природы,— и все это поэтесса «пропускает» через свое сердце, все это находит отклик в ее душе, восприимчивой, неравнодушной.

...Счастье —
Быть спутницею всех людских судеб,
Ко всем питать горячее пристрастье,
Со всеми боль делить, как делят хлеб.

(Пер. С. Липкина)

И эти строки, написанные поэтессой в один из «плодоносных» вуадильских дней, подсказаны ей в сем опытом ее жизни, выстраданы

всей ее судьбой. Она на собственном примере знает, как много это значит, когда твою боль разделяют другие. Всегда живет в ее сердце чувство бесконечной благодарности тем, кто в тяжкие дни ее жизни пришел к ней на помощь, протянул ей руку для поддержки. Благодарность эта с еще большей силой обострила ту жажду нести людям добро и ласку, которая всегда была свойственна Зульфие.

Стихотворение «Садовник» по замыслу своему полемично. Размышляя в нем о творчестве, поэтесса говорит о том, какой вред художнику могут принести самоуверенность, любование самим собой. Труд поэта она сравнивает с заботами садовника, который должен очищать «кусты и почву от червей и прелых листьев». Как бы ни был садовник влюблен в свои цветы, он обязан различать, какие из них несут в себе подлинную красоту, а какие «ради зла живут», питаются чужими соками. «Бережно и вдохновенно» лелеет он свой цветник, отделяя добрые плоды от сора и всяческой нечисти. Нелегка и трудоемка работа садовника, но зато какой радостью светятся его глаза, когда нежные розы, выращенные им, сияют «на празднествах людских!»

Да, говорит Зульфия, в работе поэта много общего с трудом садовника. Но художник никогда не имеет права считать, что плоды его трудов — венец искусства, его вершина. Нет ничего губительнее для поэта, чем такое отношение к себе, к своему делу.

А ты, поэт, когда свой стих
Ты в сердце создаешь,
Когда очистишь ты сперва

Свои отборные слова
От хлама и от сора,—
Уверен ли, что мастерства
Достигнешь так же скоро?
Что твой цветник шумит листвою
И что поэзии живой
Явил ты образец?
Как только скажешь ты, поэт:
— Я создал лучший плод и цвет,—
Тогда тебе конец.

(Пер. С. Липкина)

Стихотворение «Садовник», также созданное в Вуадиле, вылилось из души поэтессы как итог ее раздумий о творчестве, о сложных его законах, познанных ею в результате многих лет труда.

Книга «Думы» во многом отличается от предшествующих книг Зульфий. Поэтесса всегда стремилась к широте обобщений, но в «Думах» она достигла особенной «сконцентрированности» мыслей и чувств. Зульфий рассказывала мне; как раз в те дни, когда она жила в Вуадиле, ей попала газета, в которой было напечатано стихотворение Степана Щипачева. Смысл стихотворения сводился к следующему: счастлив поэт, стихи которого завоевали известность, но нет для него большей радости, чем та, когда читатель захочет остаться с его строками наедине. Мысль, высказанная в стихотворении С. Щипачева, была особенно близка Зульфие. Ведь и «Думы» писались ею как стихи, обращенные к самому сердцу читателя. Они не предназначены для «громкого» чтения, это стихи-размышления, доверительный

разговор с каждым, кто ищет в поэзии ответа на самые сокровенные свои чувства и мысли.

Хочется сказать и еще об одной особенности «Дум»— это касается уже самой манеры письма поэтессы, ее художнического почерка. Стихи, написанные Зульфией в Вуадиле, отличаются особой естественностью поэтического языка, новизной образов, стремлением автора в каждом стихотворении создать свой, как говорит Зульфия, «метафорический микроклимат, связанный с данным поворотом темы, данным эмоциональным настроением».

«Когда вышел сборник «Думы», один из моих друзей-литераторов сказал, что я становлюсь «непонятым поэтом»,— вспоминает Зульфия.— Слова эти очень огорчили меня. Я чувствовала, что в книге проявилось нечто для меня новое, но мне, грешным делом, казалось: это была ступенька вверх, а не шаг в сторону; я пыталась уйти от устоявшегося круга сравнений, эпитетов, метафор... Не этот ли отказ от привычного вызвал реакцию непонятности?..

Встретившись как-то в ту пору с Абдуллой Каххаром, я не без горечи передала ему суждение о своей книге. Он сказал сердито, со свойственной ему афористической резкостью: «Не слушайте! Поэзия пишется не для неграмотных...» Конечно, под «неграмотными» он имел в виду отнюдь не тех, кто умеет читать: тех, кто читает не вникая. Позже, на примере многих встреч со слушателями, когда я читала стихи из этой книги, я убедилась, что он был прав...»

Особое место в книге «Думы» занимает поэма «Все помыслы мои в Шахимардане».

Это произведение по тональности своей несколько отличается от других, вошедших в сборник. Драматизм событий, легших в основу поэмы, страстное отношение к ним автора наделяют произведение эпическим размахом, который сочетается с пронзительным лиризмом.

Вот что рассказала мне Зульфия о том, как родилась поэма.

В один из дней она поехала из Вуадиля в Хамзаабад, который находится неподалеку. Ей хотелось поклониться праху великого узбекского художника-революционера Хамзы Хаким-заде Ниязи, которого Зульфия, как и каждый узбекский поэт, считает одним из первых своих учителей.

«С охапкою цветов в безмолвный час» Зульфия поднялась на вершину, к могиле Хамзы.

Я принесла сюда мою судьбину,
Все, чем живу, что ввек я не покину,—
Мое перо, поэзию мою.

(Пер. С. Липкина)

После посещения могилы Хамзы Зульфия пришла в его музей. Здесь бережно хранится все, что связано с памятью замечательного поэта. Но более всего потрясло Зульфию живописное полотно, на котором было изображено убийство Хамзы. Она знала все подробности этого убийства, помнила дни, когда оно произошло, помнила, с какой ненавистью и болью ее отец и близкие говорили о кровавом преступлении фанатиков,— но впечатление,

которое произвела на нее эта картина, было ни с чем не сравнимо. Поэтессе стало плохо, ее вывели на улицу...

Вернувшись к вечеру в Вуадиль, Зульфия уже не думала о сне. Всю ночь она просидела за столом. Картина убийства, разъяренные лица «святых отцов», кровь Хамзы, истерзанное его тело стояли перед ее глазами.

Несколько дней, почти не отрываясь, она писала поэму. Замысел произведения родился сразу же, едва Зульфия прикоснулась пером к бумаге. Она знала: это будет поэма о бессмертии. О продолжении жизни человека, отдавшего свое сердце, свой талант, свою жизнь великому делу революции...

Поэма «Все помыслы мои в Шахимардане» не имеет сюжета в обычном понимании этого слова. Но можно говорить о ее эмоциональном сюжете, о тех переходах от лирики к патетике, от сердечного, задушевного разговора к трагедийному пафосу, которые заставляют читать это произведение не отрываясь, страстно сопереживая всему рассказанному поэтессой.

Своеобразно само построение поэмы: живые картины прошлого, эпизоды деятельности Хамзы перемежаются с раздумьями поэтессы, с ее мыслями о настоящем и будущем Узбекистана, с описанием музея, в котором «рассказывает девушка туристам о гибели поэта и борца».

Вот Зульфия переносит читателя в те дни, когда Хамза закладывал первые камни в здание новой революционной культуры Узбекистана:

Он извлекает стих из жалких хижин,
Из улиц глиняных, из пыльных трав,
И песню возвращает он узбекам,
И песнь, расправив крылья вместе с веком,
Летит, заветной вольностью дыша,
И революция — ее душа.

С ненавистью говорит Зульфия о врагах революции, о тех, кто любой силой — огнем и ложью, хитростью и злобой — пытался приостановить ее могучее движение. Это они — насильники и мракобесы, жалкие рабы «чалмоносной тьмы» — направили свой удар против пламенного певца свободы. Они убили поэта, потому что боялись его, боялись его слова — страстного и призывного, разящего врагов, как карающий меч.

«Он молод был, так беззащитно молод!» — восклицает поэтесса, и эта взволнованная лирическая нота тяжелой болью отзывается в сердце читателя.

Но эта боль сменяется высокой гордостью за художника-революционера, чей подвиг стал бессмертной легендой.

Хамза погиб, но врагам не удалось победить его, — говорит поэтесса. Дело, которому он отдал свою жизнь, восторжествовало. «Живое сердце нашего Хамзы» бьется в турбинах гидростанций, во всех подвигах народа, поднявшегося ныне к великим вершинам, оно бьется «и в шуме ливня, в звонком шуме света», и в рокоте могучих машин, плывущих по хлопковым полям. Бьется оно и в творчестве прямых наследников Хамзы — художников нового, Советского Узбекистана, которым их великий учитель завещал свою лиру.

Как клятва верности славному поэту-борцу звучат заключительные строки поэмы Зульфий:

Трудись, мой стих, для истины и света,
Дыши весенней яростью грозы,
Трудись и знай, что будет песнь допета,
Что в мире есть наследники Хамзы!

В небольшой поэме «Звезды Вуадиля», написанной тогда же, в июне 1965 года, Зульфийа предстает перед нами как вдохновенный продолжатель дела Хамзы. В этом лирическом произведении она воссоздает яркие картины новой жизни Советского Узбекистана, герои поэмы — труженики Вуадиля, которым «подвластна зеленая долина». Через всю поэму проходит образ звезд, что «рассыпались над вуадильским краем». «Далекий гость», приехавший в Вуадиль, покорен красотой звездной ночи, опустившейся над этой благодатной землей. Но когда он встречается на полевом стане тружеников-хлопкоробов, когда видит лица девушек-колхозниц, влюбленных в свое дело, образ «звезд Вуадиля» обретает в его воображении новый смысл. Живое сиянье этих звезд видит он в глазах молодых сборщиц хлопка, в наградах, которыми украшена грудь героя-хлопкороба, в золотых отблесках света, озаряющих строгие ряды вишневых деревьев.

«Звезды Вуадиля» — это сердечный, душевный рассказ о молодости древнего края, преображенного трудом и талантом свободных тружеников. Каждый, кто побывает в этом краю, «сбросит тяжесть лет», ощутит в своем сердце новый прилив сил, — говорит поэтесса.

Именно эти чувства испытала и сама Зульфия в том плодотворном вуадильском июне. И она навсегда осталась благодарна прекрасному краю, его добрым и приветливым людям, общение с которыми стало для поэтессы живым источником вдохновения...

Лучшие произведения сборника «Думы», переведенные на русский язык, вошли в книгу Зульфии «Водопад», изданную в 1969 году. Наряду с ними в «Водопаде» были опубликованы переводы стихотворений поэтессы, написанных ею в 1965—1968 годах.

О многих из этих стихотворений уже шла речь в этой книге. Это стихи, посвященные памяти Хамида Алимджана, — такие, как «Где твой привет?», «Памятник», «Хочу найти весну», — они органично примыкают к циклу Зульфии, созданному ею в 1944—1945 годах. Это стихотворение «Любовь» — взволнованный гимн всемогущему чувству, обновляющему человека. Наконец, это стихотворение «Женское счастье» — одно из самых известных произведений Зульфии, программное для поэтессы.

Слово «счастье», пожалуй, чаще всех других слов встречается в книге Зульфии «Водопад». Как понимает поэтесса это слово, какой смысл вкладывает в него?

О счастье думает каждый из нас, но как по-разному порой мы его себе представляем!

Жизнь любого человека состоит из тысяч и тысяч минут — светлых и печальных, радостных и мучительно трудных. Минут, когда кажется, все тебе по силам, все по плечу, и других минут — полных тревог, напряженных

раздумий, а порой — и разочарований. «Счастлив ли я?» Кто не задает себе этого вопроса! И как трудно порой ответить на него. Трудно — потому что настоящее, большое счастье несравнимо больше, объемнее минутных наших радостей: оно вмещает их в себя, но никак не заменяет.

«Самый счастливый человек — тот, кто дает счастье наибольшему числу людей», — говорил мудрый французский просветитель Дени Дидро. Такое представление о счастье дорого и близко нам, советским людям.

И именно такое понимание счастья отстаивает в своем творчестве народный поэт Узбекистана Зульфия.

Мы убеждаемся в этом, читая такие стихотворения книги «Водопад», как «Мой рассвет», «Сердце осталось у вас», «Не отнимайте у меня пера», «Весенний водопад».

Я знаю, что счастьем не будет конца,

Покуда сердца горячи.

С тех пор, как я выбрала жребий певца,

Ко мне устремляются ваши сердца,

Как в реку — ручьи и ключи.

(Пер. С. Липкина)

В этих строках стихотворения «Сердце осталось у вас» Зульфия говорит о счастье художника, связавшего свою жизнь с жизнью народа. Только эта связь — глубинная, истинная — может дать в его творчестве благодатные всходы. «Я ваши сердца увозила с собой, свое — оставляла у вас», — пишет поэтесса, обращаясь к героям своих стихов — хлопкоробам, садоводам, покорителям пу-

стынь. В этом образном лирическом признании раскрывается характер художника, не мыслящего себя вне народных интересов; они, эти интересы, для него — кровное, личное дело,

Эта же тема находит яркое метафорическое воплощение в стихотворении «Весенний водопад» Труд поэта Зульфиа сравнивает в нем с бурной энергией водопада, который будит природу от зимнего сна, дарит ей свою звонкую песню, несет на поля желанную влагу.

Чтоб грудиться стала влага,
Чтобы мир его признал,
Водопад, земле на благо,
Ищет речку иль канал.
Так и ты, мой стих певучий,
Сна не знаешь на пути,
Чтоб работою созвучий
В сердце чистое войти.

(Пер. С. Липкина)

Не случайно именно по этому стихотворению Зульфиа озаглавила всю книгу, в которую вошли такие разные произведения, как лирика вуадильского цикла, поэма «Все помыслы мои в Шахимардане», стихи-раздумья, строки памяти. Все они продиктованы поэтессе одной заботой, одной мечтой — войти в «чистое сердце» читателя, проникнуть в самые заветные уголки его души, вызвать на откровенный, доверительный разговор о самом важном, самом дорогом — о любви к Родине, о подлинном, большом счастье, о верности высоким идеалам революции.

«Водопад» Ваш я прочел абсолютно от

первого до последнего стихотворения, многие даже повторно, — писал Зульфие крупнейший советский поэт-переводчик Лев Пеньковский.— Главное достоинство книги, как, впрочем, и всего Вашего творчества,— ее подлинный лиризм, ее абсолютная, несомненная сердечная искренность — все это выношено долгими годами, выстрадано-продумано, согрето живыми чувствами и глубокой мыслью. Книга — и в трагизме своем и в своем жизнелюбии, в личном и в общественном оптимизме — раскрывает Вашу добрую и глубоко женскую душу, она — очень человечна! Я уверен, что она встретит заслуженно теплое отношение не только читателей и почитателей Ваших, но и самой взыскательной критики... Дружески обнимаю Вас, старого, верного друга и чудесного Человека. Ваш всем сердцем Лев Пеньковский...»

Это письмо — лишь один из многочисленных откликов, полученных Зульфией после выхода книги «Водопад».

Присуждение поэтессе за книгу Государственной премии Узбекской ССР имени Хамзы за 1970 год явилось свидетельством широкого общественного признания ее творчества.

10

Зульфия не любит рассказывать о себе. Особенно трудно получить у нее ответ по поводу ее творческих планов. Говорить о том, что еще не сделано, о замыслах, еще не реализованных,— не в привычках поэтессы.

Ранней весной 1970 года, работая над

очерком о Зульфие для «Правды», я убедился в этом еще раз. Беседуя с поэтессой, я тщетно пытался разузнать, чем она занята в последнее время, какие произведения находятся у нее «в работе». Стоило мне подойти к этому вопросу, как Зульфия тут же переводила разговор на другую тему.

Мы встречались несколько раз. И лишь однажды, невзначай, Зульфия обмолвилась: «Вот когда я напишу об Айбеке...» Эта фраза привлекла мое внимание. Я стал допытываться: что именно хочет писать поэтесса о замечательном нашем художнике — статью, стихи?... Но ответа на свои вопросы я так и не получил.

А вскоре, раскрыв очередной номер журнала «Шарк юлдузи», я увидел на его страницах новую поэму Зульфий «Писатель в пути».

Это была первая публикация «Поэмы огня и дороги» — произведения поэтессы, завоевавшего ныне широкую известность.

В 1971 году поэма об Айбеке на узбекском языке была выпущена отдельным изданием. А в 1972 году ее опубликовал, в переводе Майи Борисовой, журнал «Знамя». В том же году «Поэма огня и дороги» Зульфий была издана самостоятельной книгой и на русском языке.

Уже после опубликования поэмы узнал я о том, что мысль написать ее возникла у Зульфий еще в 1968 году, после кончины выдающегося узбекского писателя.

Поэтесса хотела выразить в этом произведении дань благодарности замечательному художнику, одному из ярких представителей

«большого поколения» узбекской советской литературы — того же поколения, к которому принадлежал и Хамид Алимджан.

Многогранен вклад Айбека в социалистическую культуру Узбекистана. Всесоюзную популярность получили его романы «Священная кровь», «Навои», «Ветер Золотой долины» и другие прозаические и поэтические творения. Айбек был крупнейшим ученым, общественным деятелем, воспитателем целой плеяды узбекских художников слова. Те, кто знал Айбека лично, хранят в сердце обаяние его человеческого облика, строгость и требовательность в оценке литературных явлений сочетались в нем с редкой душевной теплотой и отзывчивостью.

Зульфия всегда относилась к Айбеку как к мудрому старшему другу, одному из своих литературных наставников. И это сердечное уважение к талантливейшему мастеру, преклонение перед его могучим талантом диктовало ей прочувствованные, искренние строки поэмы.

«Поэма огня и дороги» по масштабам своим, охвату событий, широте материала — одно из крупнейших произведений Зульфийи. В нем ярко проявились разные стороны дарования поэтессы — проникновенный лиризм, философское осмысление увиденного и пережитого, мастерство художественной детали, образность языка. Все эти качества, органически соединившись в поэме, создают цельную, многокрасочную, объемную картину, в центре которой — выразительный и запоминающийся образ самого Айбека.

В основе сюжета поэмы лежит конкретный эпизод: поездка на машине по республике,

которую совершили в свое время Зульфия, Айбек и его жена Зарифа-ханум. Поэтесса вспоминает множество живых деталей этой поездки, рассказывает о встречах с реальными людьми, воспроизводит высказывания Айбека.

Но если бы Зульфия ограничилась только рассказом об увиденном и услышанном ею в этой поездке, произведение приобрело бы очерковый характер. Поэтесса же ставит перед собой задачу гораздо более сложную: описание путешествия служит для нее лишь поводом к серьезному, взволнованному разговору о жизни и творчестве большого художника, отдавшего весь свой талант родному народу.

Через всю поэму проходит образ дороги.

Машина мчится по шоссе, на пути ее — города и поселки Узбекистана, зеленые долины, бескрайние хлопковые поля. Почти каждая глава поэмы начинается с этой картины движения: путешественникам сопутствует «ветра свистящий бег», перед ними широко распахнут «цветущий мир», полный энергии, солнца, человеческого труда. Путников манит «затуманный горизонт», их радует «волна новых чувств», которая возникает у каждого при виде древних краев, обновленных руками строителей и земледельцев. Тончайший мастер пейзажа, Зульфия рассказывает об увиденном образно и вдохновенно: перед читателем зримо предстает и «золотой туман» над Арком, и сверкающий Зарафшан, в котором «пасутся отарами облака, и торопится солнце в воде сверкнуть», и молодой город Навои, «волшебный сад в степи сухой».

Но этот образ дороги, это чувство движе-

ния, которым пронизана поэма, заключают в себе и более широкий, символический смысл.

«Дальний путь, ближний путь, бесконечный путь» для Зульфий — не только путешествие по республике вместе с Айбеком, но и сама жизнь этого прекрасного мастера, которая вся была проникнута духом поиска, непрерывного движения, внутренней энергией.

Айбека переполняла «жажда нового», ему были «все люди интересны, нужны», он не мог сидеть на месте: прошлое и настоящее родной земли раскрывалось перед ним не в тиши кабинета, а в непосредственном, углубленном познании отчего края.

Эта жажда поиска, чувство творческого беспокойства, которые всегда жили в сердце Айбека, звучат в поэме как ее лейтмотив; именно в этом — главный пафос произведения.

Айбек предстает перед нами в поэме уже в поздние годы своей жизни, незадолго до ее конца. За плечами художника — большая судьба, десятки книг, давно полюбившихся читателям, его окружает всенародное признание. Но дух исканий не угасает в его душе: словно предчувствуя близкую кончину, он спешит исполнить задуманное, ему нужны новые встречи, новые впечатления, — потому-то «все пристальней и добрей» глядит он на поля, проносящиеся за стеклом, потому-то он хочет «немедля увидеть Карши», потому-то ему «жаль минуты, что зря протекала». Ни тяжкая болезнь, ни усталость не могут остановить Айбека: влюбленный в родную землю, он «из каждого родника не воду, а силу и бодрость пил».

Одна из глав «Поэмы огня и дороги» по-

священа путешествию по долине Зарафшана. Это рассказ о вечной молодости души художника, преданного народу. Образ прекрасной, неиссякаемой, «рассыпающей золото» реки в сознании автора сливается с образом самого Айбека, щедро одаривавшего современников своими творениями.

Не стареющий, всегда юный Зарафшан бесконечно близок и дорог Айбеку. Радостью полнится душа писателя, когда он склоняется над Зарафшаном. Речные воды дарят ему новую силу, вновь делают его юным, задорным, счастливым. Чувства, которые охватывают Айбека на берегу прекрасного Зарафшана, Зульфие удается выразительно передать даже через внешнюю характеристику писателя:

Рассыпающий золото Зарафшан,
Посмотри, как свиданию рад Айбек:
Вышел он из машины, и грузный шаг
Странно стал похожим на детский бег...

И дальше — «наклонился поэт, зачерпнул воды неожиданно молодо и легко»...

Не случайно именно в этой главе возникает и образ весны, «шагающей по земле». Этот образ неразрывно связан с молодыми годами Айбека, Хамида Алимджана и их сверстников. Весна новой жизни, Весна Революции, которую они вдохновенно воспели в своих творениях, всегда жила в их сердцах, именно она одарила их этим чувством вечной молодости.

Рассказ о путешествии по Узбекистану становится для Зульфие рассказом о судьбе выдающегося мастера советской литературы. Поэтесса раскрывает черты его характера, грани

личности Айбека, проникает в мир его образов, в его «творческую лабораторию», где так органично соединились историзм мышления, широта познаний и неистовый интерес ко всему новому, стремление воплотить в слове все многообразие сегодняшней советской действительности.

Это богатство познаний и интересов Айбека ярко раскрывается в главах поэмы, посвященных пребыванию в Бухаре.

Древняя Бухара для Айбека, великолепного знатока истории,— не только сокровищница великих художественных ценностей. Здесь он словно слышит сами шаги веков, из-под каждого камня доносятся до него «угнетения стоны и клич борьбы».

Безмолвны «каменные уста» старинного Арка, но Айбек знает: «здесь трудились измученные рабы, обреченные под плетью стонать». Преклонение перед красотой Бухары не может вытеснить из его сердца безмерной боли за тех, кто оплатил эту красоту своими муками, своей кровью.

В этом городе, выросшем на костях
Тех, кто вечную славу ему принес,
Не глазурью цветной мечети блещут,
А рубинами крови, алмазами слез.

Со страстной поэтической силой воссоздает Зульфия мир чувств и мыслей большого художника, для которого история, прошлое — не мертвые параграфы учебников, а живые страдания угнетенных, поработенных людей.

Горестная скорбь охватывает Айбека, когда он подходит к бухарскому зиндану, тюрьме,

погубившей столько прекрасных человеческих жизней. Страдания людей заточенных некогда в эту каменную яму, Айбек переживает как свои собственные: «всем загубленным тут он душой сродни»,— пишет поэтесса. Запоминается выразительный портрет Айбека, память которого омрачена думами о прошлом:

Горбит плечи писатель, прямой всегда.
Он на беркута раненого похож.
Черным горем его нагрузил зиндан,
Он истерзан.

Его пробирает дрожь.

Но именно здесь, в зиндане, возникают перед Айбеком образы людей, бросавших смелый вызов тьме, мужественно боровшихся против угнетения и бесправия. На него «неотрывно смотрят глаза Айни», гордого и честного художника, не сломленного бухарской тюрьмой и лишениями. Айни, который «здесь, в зиндане, во тьме и гнилой воде, грядущую радость в себе хранил». Обращаясь к своим спутникам, Айбек говорит об Айни:

«Сила духа и мужество жили в нем.
Закаленные муками,
вновь и вновь
Полыхали строки живым огнем,
И бунтарская в них клокотала кровь...»

Так скорбь о людях, униженных и поработанных былыми «хозяевами жизни», сменяется в душе советского писателя Айбека гордостью за тех, кто и во тьме бесправия видел сегодняшний счастливый день нового Узбе-

кистана, кто в суровой борьбе приближал этот день. Мысль Айбека устремляется к великому Ленину и созданной им партии коммунистов, к победоносному Октябрю 1917 года, разбившему кандалы рабства и угнетения.

«Если б не было Ленина и Октября,
Не один еще гений угас бы здесь»,—

говорит Айбек, и в словах этих — глубоко выстраданное и прочувствованное им.

Через восприятие Айбека Зульфия раскрывает и разительный контраст между прошлым Бухары и ее настоящим.

Писатель задумчиво идет по улицам сегодняшней Бухары. Его щедрое сердце переполняется радостью при виде новостроек города, его заводов и скверов, он всматривается в лица бухарских юношей и девушек, свободных потомков тех, кто когда-то «стонал под плетью», создавая великие сокровища. И сегодняшняя советская Бухара представляется ему новым сокровищем в сверкающей оправе. Пытливый ум современников, их крепкие, сильные руки, их настойчивость и любовь к социалистической Родине принесли древней Бухаре новую славу.

Новой гордостью полная, Бухара —
Драгоценная брошь на груди земли!
С недоступных когда-то слоев добра
Поколения новые пыль смели...
А недавно открытый бухарский газ,
Точно речи звук или зов письма,
Незнакомые люди, дойдет до вас
И живое тепло принесет в дома...

Неиссякаемый интерес Айбека ко всему, что связано с великими преобразованиями на земле Узбекистана, раскрывается во многих главах поэмы.

Дорога приводит писателя в юный город Навои, чьи улицы похожи «на строки радостных стихов». Славные дела тружеников Навои восхищают Айбека, но особенно по сердцу ему тот факт, что город носит имя великого Алишера. Айбек, посвятивший не одно десятилетие своей жизни изучению творчества и биографии гениального поэта, слышит в ритме улиц нового города «живое слово Навои», слово, обращенное к потомкам. И город этот для Айбека — как бы реальное продолжение жизни поэта.

С народом вместе шел поэт
На труд, на праздник и в бои.
А ныне источает свет
На карте
имя Навои.

Гордость за великого Алишера и преклонение перед волей и талантом героев-современников сливаются в сердце Айбека воедино. Ему радостно, что в контурах нового города «чудесно соединены полет фантазии, и труд, и новь с дыханьем старины».

Повествуя о встречах Айбека с городами и людьми, Зульфия в каждом из этих эпизодов раскрывает новую черту характера замечательного узбекского писателя. Это вечная молодость сердца Айбека (глава о Зарафшане). Это могучая широта его познаний, чувство ис-

торизма, жадный интерес к новому (страницы о Бухаре, о городе Навои, о поездке в совхоз). Это глубокая человечность Айбека, его приветливость и доброта в общении с тружениками (эпизод с чабаном), встреча со старухой и девочкой Хурилико). Но ни один из этих, столь разных по содержанию, эпизодов нельзя «вырвать» из поэмы — они выросли в живую ткань этого произведения, неразрывно связаны друг с другом. И, соединившись вместе, они создают в представлении читателя объемный, многогранный облик героя — выдающегося мастера советской литературы Айбека.

Да, конечно же, «Поэма огня и дороги» — это произведение об Айбеке. Но мир этого большого художника, талантливо раскрытый Зульфией, настолько широк и полнокровен, что поэма выходит далеко за рамки одной человеческой судьбы.

Широкая панорама жизни сегодняшнего Узбекистана разворачивается перед читателем поэмы. Поэтессе помогает в этом смысле избранный ею прием, сюжетный ход — форма путешествия по республике. Но это — путешествие не только по нынешнему Узбекистану, но и экскурс в глубь веков, своеобразное путешествие в историю. Контраст между прошлым и настоящим помогает автору еще ярче, зримее оттенить величие революционных перемен на древней земле.

Важное место занимают в поэме раздумья о творчестве, о долге советского художника. Раздумья эти связаны с судьбой Айбека, но в них содержится большое обобщение: образ Айбека у поэтессы воплощает в себе типические черты писателя-патриота, верного сына

социалистической Родины. Творения славного мастера, отдавшего всю свою жизнь народу, вливаются в могучий поток многонациональной социалистической культуры. В этом — их бессмертие, в этом — бессмертие и самого художника.

Жизнь большого поэта — не краткий миг:
Ей в годах и пространстве границы нет.
Ты читаешь страницы знакомых книг,—
Значит, снова в дороге, в трудах поэт!
У могучей реки приток не один,
Потому и пески его не сомнут.
Так и отчее дело продолжит сын,
Так и дедово имя прославит внук.

Как уже справедливо отмечалось в нашей критике, «Поэма огня и дороги» — произведение лиро-эпическое. Рассказ об Айбеке согрет удивительной теплотой, задушевной искренностью. За взволнованным поэтическим повествованием ярко вырисовывается образ самого автора — народной поэтессы Узбекистана Зульфий.

Зульфий присутствует в поэме как бы «в тени», она сводит свое участие в событиях к скромной роли «регистратора» их. Но то сердечное волнение, с которым поэтесса рассказывает нам и о самом Айбеке, и о новой жизни тружеников Узбекистана, многое говорит нам об авторе поэмы. Зульфий предстает перед нами в этом произведении как верный единомышленник Айбека, его идейный и творческий соратник, как художник щедрой души и яркого, многогранного таланта.

И потому не как декларацию, а как искрен-

нее, из самого сердца выплеснувшееся признание воспринимаем мы слова поэтессы:

Счастье быть поэтом в родном краю,
С мудрым другом делить дорогу одну,
И раздаривать людям любовь свою,
И навечно быть у стихов в плену.

Тот дух внутреннего беспокойства, неустанного творческого поиска, которым пронизана «Поэма огня и дороги», характерен не только для ее героя — Айбека, но и для самого автора поэмы — Зульфийи. Поведав о своем старшем товарище, поэтесса рассказала нам и о себе. Вот почему это произведение еще больше сблизило Зульфию с ее читателями.

«Поэма огня и дороги» стала еще одним важным этапом творчества Зульфийи, находящейся ныне в расцвете своих сил. В поэме ярко воплотилась мудрая зрелость большого художника, соединившая в себе задушевный лиризм, широту философских обобщений и высокую гражданственность.

...Каждое утро почтальон приносит в этот небольшой домик на улице Композиторов в Ташкенте целую пачку писем. Отовсюду приходят эти письма — с разных концов Узбекистана, из Москвы, Ленинграда, из Прибалтики и с Кавказа, из городов и поселков Средней Азии, из Киева и Кишинева... Часто на конверте можно увидеть иностранный штемпель. Марки Болгарии, Египта, Индии, Вьет-

нама. На одних конвертах — подробный адрес, на других — кратко: «Ташкент, Зульфие».

«Мне хочется поговорить с Вами, потому что Вы для меня олицетворение новой женщины-коммунистки, поэтессы, потому что Ваш путь — это путь дочери Октябрьской революции», — так начинает свое письмо к Зульфие известная болгарская поэтесса Стефанова.

«Зульфия, дорогая сестра моя! Любил и люблю Ваш талант, Вашу богатую личность... Мне хорошо, что я Вам пишу это письмо...» Это строки из послания народного поэта Советской Башкирии Мустая Карима.

«Милая Зульфия! В десятом номере «Нового мира» прочитал Ваше стихотворение «Будущее». Столь прекрасного и глубокого стихотворения о будущем я не знаю в нашей поэзии. По-братски обнимаю Вас за этот шедевр Вашей музыки. Степан Щипачев. 29 ноября 1974 г.»

Нельзя без волнения читать сердечные поздравления Зульфии, которые присылает ей к каждому празднику выдающийся советский поэт и общественный деятель, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Николай Семенович Тихонов.

Вот его письмо, полученное Зульфией накануне Первомайского праздника:

«С каждой новой весной ищи себе нового друга», — говорил Саади давно, много веков назад.

Но в наше быстролетящее время лучше иметь старого, но вечно молодого душой друга, с которым легче дышится.

Как приятно в день Весеннего Праздника приветствовать людей красивых, мудрых,

добрых, хороших, что я и делаю, приветствуя Вас, милая наша Зульфия! Будьте такой всегда, и да будет с Вами вдохновение и песня!..»

Строки новогоднего поздравления:

«Дорогую Зульфью — голос чистого сердца, поэтессу радости и человеческого вдохновения, нашу чудесную Зульфью — сердечно поздравляю с приходом Нового года, который должен быть годом мира, здоровья, счастья и Конгресса мира в Москве! Шлю лучшие пожелания! Сердечно, Николай Тихонов. 26. 12. 1972 г.»

А вот приветствие к Восьмому марта:

«Золотого соловья Узбекистана — милую Зульфью в день 8 Марта приветствую как чудесную представительницу рода человеческого, как певца, воспевающего красоту жизни и света!»

Это письма-поздравления, авторы которых выражают свою любовь к Зульфие.

А рядом — бесчисленные читательские отклики: в них говорится о том, как стихи Зульфий вошли в жизнь многих людей, помогли им в трудную минуту; в произведениях замечательной узбекской поэтессы читатели находят отклик на собственные думы и чувства.

Вот что пишет Зульфие ленинградка Зоя Васильевна Свиридова:

«Уважаемая Зульфия!

Не знаю, как начать свое письмо, может, с того, что заставило меня написать Вам? Ваши стихи всегда привлекали своей лиричностью и глубиной чувств. Особенно мне близки и дороги те, что Вы посвящаете своему мужу.

Вы пережили большое горе и, несмотря на

это, нашли в себе силы жить, работать, творить. Я тоже потеряла дорогого и любимого человека. Мне казалось, что я потеряла жизнь во всех ее смыслах. Но мне помогли добрые, отзывчивые люди, которые не оставили меня в тяжелые дни, и та Любовь, которую мы пронесли с мужем. И сейчас, когда на меня находят минуты отчаянья, я вспоминаю других женщин, которые потеряли любимых, и в частности Вас. Вот, собственно, что заставило меня написать Вам. К сожалению, я не имею ни одной Вашей книжки, и письмо мое — просьба, если только возможно, пришлите мне Ваши стихи, очень хотела бы иметь ту из книг, в которой Вы посвящаете стихи любимому человеку... Мне хочется иметь Ваши стихи, стихи нежной и мужественной женщины...»

Письмо это — искреннейший человеческий документ. Как горд должен быть поэт, стихи которого вот так проникают в читательские сердца, дарят этим сердцам силу, надежду, веру в будущее!

А вот еще одно письмо. Зульфия получила его из горного Дагестана.

«Дорогая Зульфия! В 1955 году я служил в рядах Советской Армии в Калининградской области. Я скрывал тогда, что пишу стихи. Меня назначили заведующим полковой библиотекой. Там я обнаружил книгу стихов одного узбекского поэта. Мне его стихи понравились, и, откровенно говоря, я украл эту книгу из библиотеки. Потом я узнал, что Вы были его женой. Меня привлекло Ваше имя, оно мне показалось очень красивым. Позже я прочитал Ваши стихи. Так я попал в Ваш поэтический мир.

Теперь у меня четыре книжки стихов и четверо детей. Девочек зовут Зарета, Саида и Зульфия. Зульфией я назвал свою дочь в Вашу честь. Не буду скрывать: некоторые отсталые родственники были против, ведь это имя не характерно для нашего аварского края. Но я их не послушал.

Сейчас в нашем селенье живет еще одна Зульфия. Узнав, что я выбрал такое красивое имя, телефонистка районного узла Патимат Дарбишмагомедова тоже назвала свою дочку Зульфией.

Сейчас моей Зульфие идет третий год. Я хотел об этом сообщить Вам и прошу, если есть возможность, пришлите ей свою фотокарточку... Я очень люблю Ваши лирические стихи. Абас Шейхов».

Среди друзей Зульфии — и совсем юные читатели.

«Если Вы примете нас в свои друзья, мы Вам расскажем о своем городе-юноше Обнинске, городе первой атомной электростанции, о Калуге, о своих делах пионерских», — пишут Зульфие семиклассники из города Обнинска.

Письма, письма... Разве можно перечислить их все! Я привел лишь отрывки из некоторых. Но и по ним можно видеть, как много говорят стихи Зульфии читательским сердцам, как велика популярность поэтессы, имя которой звучит и в аварском селении, и в ленинградском доме, и в обнинской школе.

Произведения Зульфии переведены на множество языков народов нашей страны. Около двадцати ее книг выпущено на русском языке. В 1961 году в Ереване вышла книга ее лирики в переводе на армянский язык. В 1962 году

стихи Зульфий были изданы в Алма-Ате в переводе на казахский и в Нукусе — на каракалпакском. В 1963 году сборник произведений Зульфий получили на своем родном языке таджикские читатели, в 1967 — читатели Белоруссии, в 1969 — труженики Азербайджана и Башкирии, в 1973 — украинские и киргизские читатели. В 1974 году сборник стихотворений «Цветы урюка» был выпущен на татарском языке.

«Среди книг, подаренных мне друзьями-поэтами за рубежом, есть изданные тиражом в 300, 500 экземпляров, — писала Зульфий в одной из своих статей. — Тысячный тираж — это предел! И еще, как правило, издатель — сам поэт, зачастую терпящий убытки, и немалые.

У нас, советских поэтов, — миллионы читателей. Книги, и в том числе поэтические сборники, у нас издают тиражом в десятки тысяч экземпляров. И их не хватает!

Можно ли трудиться не в полную меру, когда чувствуешь, что стихи твои нетерпеливо ждут, придирчиво читают, взыскательно оценивают!»

Труд и поэзия для Зульфий — понятия равнозначные. Мечтая о строках, которые «от самого сердца прямо к сердцу другому идут», она знает, как нелегко найти такие строки, как много сил и душевной энергии нужно потратить для того, чтобы из тысячи слов отобрать самое нужное, самое необходимое слово. Но в то же время она глубоко убеждена в том, что художник, живущий одними интересами с народом, одной жизнью с ним, непременно найдет это слово. Он услышит, «как земля поет

и превращается в стихотворенье», и даже лесные тропинки «зазвенят» для него, «как строки стихов».

Недруги нашей страны, буржуазные философы и критики, вот уже не одно десятилетие упорно твердят о том, что социалистический реализм якобы «обезличивает» творческую индивидуальность художника. Но говорить так могут лишь люди, не желающие смотреть правде в глаза.

Живая практика советской литературы наглядно показывает, какие широкие возможности открывает для художника метод социалистического реализма. «У нас в пределах единого направления не только могут быть, но и есть разнообразные течения, отличающиеся друг от друга своими различными особенностями», — говорил о современной советской поэзии Герой Социалистического Труда поэт Алексей Сурков.

Творчество народного поэта Узбекистана Зульфийи убедительно подтверждает правильность этих слов. То «течение» в советской поэзии, к которому она принадлежит, создало немало прекрасных произведений, вошедших в духовную сокровищницу наших народов. Поэзию Зульфийи многое роднит с творчеством таких талантливейших советских мастеров стиха, как Михаил Исаковский, Микола Бажан, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев. Стремление к естественной, задушевной поэтической речи, глубина мысли, чуткое внимание к простому, рядовому человеку — вот характерные особенности того поэтического «течения», к которому принадлежит Зульфийа.

В одном из своих стихотворений — «За-

висть»— Зульфия писала о том, как она мечтает быть нужной людям, с какой искренней завистью относится к простому ручейку, всегда готовому напоить жаждущего.

...Как мне хочется, чтоб каждый
Чье сердце зажжено высокой жаждой,
Испить пришел бы из моей строки!

(Пер. С. Липкина)

В этих простых словах Зульфия воплотила свое представление о советском искусстве и литературе, которые обязаны активно участвовать в жизни, быть тем живительным источником, который придает людям сил и энергии, помогает им бороться и побеждать.

И вся поэзия Зульфий — это лирика высокого общественного звучания. Герои ее произведений всеми своими чувствами и помыслами связаны с народом, а обращены ее стихи не к «избранным» ценителям поэзии, а к каждому — к миллионам простых тружеников.

Новый читатель, выросший в стране социализма, с радостью принимает все яркое и талантливое в поэзии. Но доброта и щедрость души сочетаются в нем с высокой требовательностью. Зульфия писала: «Бывает, приглашают тебя читатели городской библиотеки, или просят выступить на текстильном комбинате, или в колхозе где-нибудь в Самаркандской области. Не надейся, что колхозник будет к тебе снисходительней книголюба. Он не хуже разбирается в поэзии, он знает множество строк наизусть, он укажет тебе и на неловкое сравнение, и на сломанный ритм стихотворения. Счастлив поэт, имеющий такого читателя!»

Всем своим творчеством Зульфия стремится оправдать это искреннее читательское доверие. И не только творчеством, но и многообразной общественной деятельностью.

С 1958 года народный поэт Узбекистана Зульфия Исраилова является депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. Жители Калининского района Ташкентской области единодушно выдвинули любимую поэтессу в верховный орган Советской власти.

Увлеченно, с полной отдачей душевных сил выполняет Зульфия свой депутатский долг. Обязанности депутата для нее — такое же ответственное, личное дело, как и поэтический труд.

«С чувством глубочайшего уважения к избирателям несу я эти обязанности,— пишет Зульфия.— И с каким трепетом и тревогой отправляюсь на очередной отчет перед избирателями! Мне приходится вмешиваться в вопросы быта, решать вместе с другими депутатами дела общереспубликанского значения. А избиратели требуют ясного отчета: решено? сделано? проверено? Тут не отделаешься невнятной скороговоркой или пустым обещанием. Народ послал меня в верховный орган власти, и я обязана свято выполнять его указы».

В 1975 году отмечается 50-летие популярнейшего в нашей республике журнала узбекских женщин «Саодат». И из этих полувека более двадцати лет ответственным редактором журнала является народный поэт Узбекистана Зульфия. Все свое сердце вкладывает она в журнал: Зульфия ищет новые формы общения с читательницами, стремится

ответить на их многочисленные письма, помочь советом, публицистической статьёй, строками стихов.

Много лет назад первые номера журнала выходили тиражом всего лишь в три тысячи экземпляров. Нынешний тираж «Саодат» почти в двести раз превзошел эту цифру: он достигает около 600 тысяч! И в этом немалая заслуга Зульфий.

Зульфия рассказывает: когда за границей она говорит о популярности журнала «Саодат», ей верят с трудом. Как это может быть? Журнал с таким тиражом для женщин, абсолютная неграмотность которых чуть более пятидесяти лет назад была нормой! «Тем не менее это — факт, — пишет Зульфия. — Обычный, рядовой факт нашей жизни. Знание таких фактов тоже необходимо для поэта. И пусть порой досадуешь на ежедневную суету (без нее нет редакционной журнальной работы), пусть чувствуешь иногда, как не хватает тишины, покоя, в которых так хорошо слышны рождающиеся строчки стихов, — разумом понимаешь, что без этого постоянного общения с жизнью, без этих людей, встреч, бесед и споров писать стихи просто невозможно».

Так общественная работа воедино сливается в жизни поэтессы с творчеством.

А ее международная деятельность, участие в зарубежных писательских форумах, многочисленные встречи и беседы с труженицами стран Востока! Все это столь же неотделимо от ее поэтической работы.

В 1958 году Зульфия написала стихотворение «Мушоира», переведенное ныне на множество языков мира. Поэтесса образно пове-

дала в нем о традиционном состязании поэтов в Индии. Но это соревнование певцов дорого Зульфие не только как «праздник мастерства», она увидела в нем символ братского единения людей.

По традиции участники мушоиры оставляют свою обувь у входа, и эта деталь вызвала у автора целую цепь ассоциаций. Изделия мастеров-обувщиков Кашмира и Ташкента, Багдада и Каира, Дели и Ханоя, поставленные рядом, стали для поэтессы метафорическим воплощением дружбы людей труда. И само состязание поэтов приобрело для нее особый смысл — Зульфия воспринимает его как сердечную переключку народов, мечтающих о мире и свободе. «Стихи вставали как мосты для нашей дружбы, нашего сближенья — мосты любви и уваженья, мосты народной красоты».

Зульфия мечтает о том, чтобы все народы земли пришли на братский праздник дружбы и счастья, чтобы все поэты слагали лишь «песни миру».

Вдохновенным призывом к миру звучит финал стихотворения:

Друзья, идите к нам под сень шатра,
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира,
Мушоира!

(Пер. С. Липкина)

Известная русская поэтесса Вера Инбер писала о «Мушоире» в «Литературной газете»: «Стихотворение... удивляет богатством изобразительных средств, где улыбчивая женская

наблюдательность соединяется с эпической масштабностью, где глубина мыслей уравновешана полнотой чувств, где все время мы слышим голос поэзии, звучащей во имя мира и счастья народов,— это произведение можно смело назвать одной из жемчужин нашей литературы».

На примере этого произведения, столь высоко оцененного читателями, можно еще раз ярко увидеть, как творческая и общественная деятельность соединяются в жизни Зульфийи: всем своим талантом, талантом художника и гражданина, служит поэтесса великому делу мира и прогресса.

... И вот мы снова сидим с Зульфией в ее рабочем кабинете. У поэтессы был сегодня трудный день — подписывался в набор очередной номер «Саодат». Но я не вижу в ее облике следов усталости — Зульфия привыкла много работать, она не мыслит без труда ни единой минуты своей жизни.

— Часто, рассуждая о том или ином поэте, критики разделяют его стихи на «лирические» и «гражданские», — говорит Зульфия. — По правде говоря, не всегда понимаю это разделение. Лирика — это биение самого сердца поэта. Разве в публицистических, трибунных стихах Маяковского не слышим мы ритма его сердца? А стихи Хамида Алимджана, Гафура Гуляма? К каким бы проблемам жизни стихи эти не были обращены, в них обязательно присутствует авторское «я», то есть глубоко личная, сердечная страсть художника. Поэзия призвана отражать жизнь, но она должна

делать это именно своими средствами, идти, как говорится, «от сердца к сердцу». А если автор ограничится лишь общими словами, пусть даже правильными по сути, если он не наполнит строку своим собственным волнением, своей живой, страстной заинтересованностью, едва ли он сумеет задеть душу читателя...

Вот вы спрашиваете, какие стихи рождаются трудно? Могу ответить: мне труднее всего написать «заказное» стихотворение. «Заказ» — это нечто приходящее извне, а стих должен «выплескиваться» из сердца поэта сам, в нем — итог прожитого, прочувствованного. Порой это прожитое, прочувствованное, должно в тебе еще отстояться, «перебродить», как отстаивается в погребе вино. Для этого тоже нужно время, и порой немалое. Так, например, замысел «Мушоиры» у меня возник еще в 1956 году, когда мне пришлось побывать в Индии. А написала я стихотворение лишь через два года. То же могу сказать и о многих других своих стихах. Есть у меня замыслы, которые вот уже много лет тревожат сердце, но осуществить их я до сих пор не чувствую себя готовой. Например, поэма о моей матери. Или стихотворение о замечательном художнике Чингизе Ахмарове. Есть строчки, есть разрозненные образы, но не родилось еще чувство целого. Видимо, целое это еще не созрело, не отстоялось в душе...

Я задаю Зульфие вопрос: как она относится к «женской» лирике, в чем видит она ее своеобразие, какие качества ее особенно ценит? Кто из женщин-поэтесс ей особенно близок?

— Люблю Сильву Капутикян, Ольгу Берггольц,— отвечает Зульфия.— Стихи их привлекают меня своей честностью, душевной открытостью, силой чувства. Им чужды расслабленность, сентиментальность, которые порой встречаются в стихах некоторых поэтесс. Ольга Берггольц для меня — образец художника-патриота. Это на редкость мужественный и сильный человек. Мой большой друг переводчик С. И. Липкин рассказал мне об одном эпизоде из времен ленинградской блокады, который потряс меня. В годы войны Липкин служил на флоте и часто бывал в блокадном Ленинграде. Однажды в морозную, лютую ленинградскую зиму он встретил на улице Ольгу Берггольц, тащившую за собой санки. В санях лежало тело ее умершего от голода мужа. Липкин хотел помочь Ольге Федоровне, но она не дала ему даже подойти, только выдавила сквозь зубы: «Отойдите...» Он еще долго стоял на улице, ошеломленный, и молча смотрел, как она, ослабшая, изможденная голодом, тянула за собой горестный груз... А на следующий день по ленинградскому радио вновь звучал страстный голос Ольги Берггольц, обращенный к жителям города, к храбрым его защитникам. Ведь Ольга Федоровна всю блокаду провела в Ленинграде, никуда не выезжала из него. Каждый день она выступала по радио, ленинградцы нежно называли ее «наша Оля», голос ее был для них родным, они черпали в нем уверенность, силу, надежду. И даже в самые тяжкие часы своей жизни Ольга Берггольц не бросила своего поста. В этом, мне кажется,— весь характер Берггольц. Такая же она и в

своих стихах — гордая, сильная, волевая. Иным нашим поэтессам следовало бы поучиться у нее этой силе, мужественности в преодолении бед, высокому чувству собственного достоинства, гражданственности в самом прекрасном смысле этого слова...

Я слушаю рассказ Зульфийи об Ольге Берггольц и думаю о большой внутренней близости двух этих поэтесс. Обе они встретили на своем жизненном пути немало испытаний, но ничто не могло сломить их неодолимой стойкости, мужества, преданности высоким идеалам нашей жизни.

И мне вспоминаются гордые слова Зульфийи, сказанные ею много лет назад.

«За рубежом нас, советских литераторов, часто упрекают в пропаганде,— говорила Зульфийя.— Я никогда не снимаю с себя такого обвинения. Я с гордостью сообщаю, что меня воспитал Ленинский комсомол, я член партии Ленина. Конечно, я веду пропаганду. Ведь то, что я пропагандирую,— прекрасно! Я веду пропаганду за прекрасную жизнь на мирной счастливой земле. Я воспеваю советского человека, сбросившего с себя всевозможные путы рабства! Я говорю о будущем, которое будет еще лучше сегодняшнего счастливого дня. «Я пою зарю!» Именно так называется один из сборников моих стихов. И если все это называется пропагандой, то я и в будущем буду пропагандировать зарю, свет, надежду!»

И еще мне вспоминается стихотворение Зульфийи «Великое рождение», герой которого, старый узбекский колхозник, с гордостью говорит иноземному гостю о том, что он

«начал жить с семнадцатого года». Эти слова несут в себе большой обобщенный смысл. В облике героя Зульфийи перед читателем встает образ его прекрасной Родины — свободного Советского Узбекистана, для которого Великий Октябрь был «вторым рождением».

И все творчество Зульфийи — это вдохновенный гимн «второму рождению» Узбекистана, гимн революции, гимн партии коммунистов, ведущей народы Советской страны к новым великим свершениям.

Когда, еще в девические годы,
Зажгла для вас я искры первых строк,
Он слился с мощным пламенем свободы,
Тот неприметный, робкий огонек...

Я это пламя отдала долинам,
Чтоб ярко в каждом вспыхнуло цветке,
Студенческим вагончикам целинным,
Текстильщикам в рабочем городке.

Любви и правды огненная сила,
Казалось, двигала моим пером,
Ни горя, ни веселья не таила,—
Я честно говорила обо всем.

(Пер. С. Липкина)

В этих строках стихотворения «Читателям» Зульфийа размышляет о своем творчестве, с первых шагов отданном ею родному народу.

И сегодня «огненная сила любви и правды» по-прежнему согревает поэзию замечательного мастера узбекской литературы.

Дочь простого литейщика увидела всенародную славу и признание, стала заместителем

председателя Верховного Совета республики, членом Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана. Ей присвоено почетное звание «Народный поэт Узбекской ССР», она удостоена высоких правительственных наград.

Но для тех, кто знает Зульфию, она осталась такой же, как была — человеком удивительной скромности, безграничного трудолюбия; молодое, беспокойное ее сердце не дает ей ни минуты покоя, она всегда в пути, в новых поисках.

Жизнь родного народа — это ее собственная жизнь. Его счастье — это ее собственное счастье.

Эту книгу о Зульфие мне хочется закончить словами поэтессы, в которых раскрывается и ее взгляд на поэзию, и ее собственный характер — характер большого советского художника, посвятившего свою жизнь народу.

«Я знаю по себе, что без стихов — хороших стихов — жить нельзя. И если среди моих стихов найдутся такие, которые читатель возьмет с собой в жизнь, как берут в дорогу хлеб, если хоть одно мое стихотворение станет спутником человеческого сердца — значит, все правильно! Значит, и я, советский поэт, имею право быть счастливой. Ведь счастливым человека делает сознание, что он трудится не напрасно.

Возьмите мое сердце, люди! Я для вас пою зарю!»